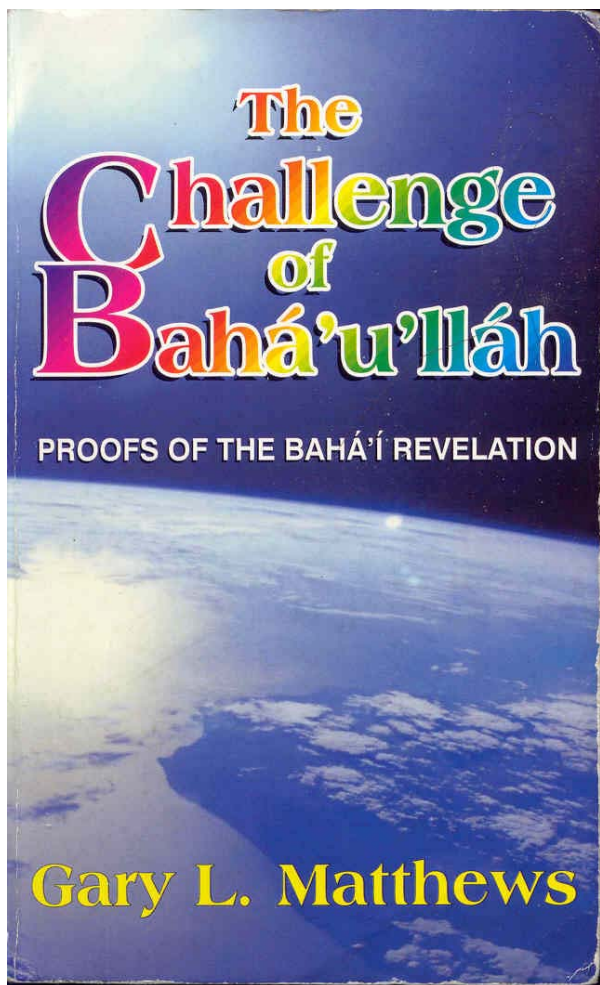

Вызов, брошенный Бахауллаой

Издательство George Ronald, 46 High
Street, Kidlington, Oxford OX5 2DN
Гари Л. Мэтьюс 1993
Исправленное издание 1999
ISBN 0-85398-360-7

Перевод: Владимир Чупин.

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution»
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ И ПРИМЕЧАНИЯ.....	9
Первое издание — 1993 г.....	9
ЕЩЁ БЛАГОДАРНОСТИ	11
Второе издание — 1999 г.....	11
Как связаться с автором.....	14
Примечание переводчика об использовании транслитерации в русском тексте.....	15
Исключения.....	18
Некоторые особенности и изменения системы Крачковского.....	18
ВВЕДЕНИЕ.....	19
Глава 1 ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ	21
Глава 2 БОЖЕСТВЕННАЯ ВЕСНА	27
Учение бахаи.....	27
Самостоятельный поиск истины.....	28
Принятие Божественного происхождения всех мировых религий	28
Искоренение предрассудков во всех формах.....	28
Равные права и возможности для мужчин и женщин	29
Примирение науки и религии.....	29
Всеобщий мир на основе коллективной безопасности	29
Принятие международного вспомогательного языка	30
Всеобщее обязательное образование.....	30
Устранение крайностей богатства и нищеты.....	30
Признание любви и единства первоочередной целью любого вероисповедания	30
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	33
Баб (1819-1850).....	34

Бахаулла (1817-1892).....	34
Абдул-Баха (1844-1921).....	36
Административный порядок бахаи.....	37
БОГОЯВЛЕНИЕ.....	38
Глава 3 ЛАБОРАТОРИЯ ЖИЗНИ.....	42
Глава 4 ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ.....	50
СКРИЖАЛИ К ЦАРЯМ.....	53
Наполеон III.....	55
Пророчество 1: Падение французского императора Наполеона III и последующий развал его империи.....	55
Германия.....	56
Пророчество 2: Поражение Германии в двух кровавых войнах, что приведёт к «плачу Берлина».....	56
Королева Виктория.....	58
Пророчество 3: Успех и устойчивость правления королевы Виктории.....	58
Корона Турции.....	60
Пророчество 4: Смещение ‘Али-пāши с поста премьер-министра Турции.....	60
Пророчество 5: Свержение турецкого султана Абдул-‘Азиза.....	60
Османская империя.....	62
Пророчество 6: Развал Османской империи, приведший к исчезновению «показного великолепия» её столицы, Константинополя.	62
Нāсир ад-Дйн-шāх.....	64
Пророчество 7: Падение Нāсир ад-Дйн-шāха, персидского монарха.....	64
Персидская Конституция.....	66
Пророчество 8: Возникновение конституционного строя в Персии.....	66
ОБЩИЕ ПРОРОЧЕСТВА.....	68

Монархия.....	68
Пророчество 9: Крупномасштабный (хотя и временный) упадок монархии по всему миру.....	68
Духовенство	70
Пророчество 10: Постепенная утрата церковью своей власти по всему миру.....	70
Пророчество 11: Крах мусульманского халифата.....	70
«Движение левых»	74
Пророчество 12: Подъём коммунизма, «движения левых», и распространение его власти по всему миру.....	74
Пророчество 13: Катастрофический упадок этого же движения, спровоцированный коллапсом уравнилельной экономики.....	74
Иудеи: Родина и Холокост	77
Пророчество 14: Подъём Израиля как родины иудеев.....	77
Пророчество 15: Преследования евреев на Европейском континенте (нацистский холокост).....	77
Межрасовая напряжённость в Америке.....	78
Пророчество 16: Жестокие межрасовые конфликты в Америке.....	78
БАХАУЛЛА И ЕГО ВЕРА	80
Пророчество 17: Освобождение Бахауллы из тюрьмы города Акка и установление Его шатра на горе Кармель.....	81
Дом Бахауллы Пророчество 18: Захват и осквернение Дома Бахауллы в Багдаде.....	83
Единство бахаи Пророчество 19: Провал всех попыток создать раскол в Вере Бахаи.....	83
Глава 5 ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ	86
Взрыв знаний Пророчество 20: Взрывное ускорение научно-технического прогресса.....	88
СЕРДЦЕ АТОМА.....	91
Атомный ужас.....	91
Пророчество 21: Разработка ядерного оружия.....	91

Медь в золото.....	92
Пророчество 22: Открытие трансмутации элементов, давней мечты алхимиков.	92
Пророчество 23: Страшная опасность для всего человечества в результате этого достижения.....	92
Эволюция элементов.....	95
Пророчество 24: Открытие того, что сложные элементы развиваются в природе из простых.	95
НЕБО — НЕ ПОТОЛОК.....	102
Звёзды и планеты.....	102
Пророчество 25: Признание планет необходимым побочным продуктом образования звёзд.....	102
Железная дорога на небеса.....	106
Пророчество 26: Космические путешествия.....	106
ОБЩИЕ ПРОРОЧЕСТВА.....	108
Инфекционность рака.....	108
Пророчество 27: Открытие заразных форм рака.	108
Недостающее «недостающее звено».....	109
Пророчество 28: Провал поисков «недостающего звена» между человеком и обезьяной.	109
Комментарий переводчика.....	114
Миф № 14: Недостающее звено не найдено.....	115
Комментарий переводчика.....	122
Выступление Абдул-Баха на «Открытом форуме» в Сан-Франциско, Калифорния, 10 октября 1912 г.	122
Комментарий переводчика.....	128
Происхождение человека: где начало того конца, которым заканчивается начало?	129
МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И НОВАЯ ФИЗИКА.....	135
Пропавший эфир.....	137

Пророчество 29: Отсутствие механического эфира (предполагаемого посредника для распространения света, постулированного в классической физике), и его переопределение как умозрительной сущности.....	137
Отказ от механистических моделей.....	144
Пророчество 30: Отказ от механистических моделей (буквальных образов) как основы для понимания физического мира.....	144
Глава 6 ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ДЕЛА.....	151
1. Пророчества о менее известных лицах.....	153
2. Пророчества Баба о Бахаулле.....	153
3. Несистематические пророчества.....	154
4. Иносказательные пророчества.....	154
5. Долгосрочные пророчества.....	154
6. Краткосрочные пророчества, которые на текущий момент реализовались не полностью.....	155
Флаги свободы.....	156
Малый Мир.....	158
Тяжкое испытание для человечества.....	163
Предназначение Америки.....	168
Будущее Веры.....	170
Некоторые заключительные соображения.....	171
Глава 7 ПРЕДМЕТ ВСЯКОГО ЗНАНИЯ.....	173
Происхождение Бахауллы.....	174
Прозорливость.....	181
Мастерское владение арабским языком.....	185
Ураган красноречия.....	191
Заключительные комментарии.....	197
Глава 8 СОЛНЦЕ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО САМО ПО СЕБЕ.....	199
Доказательство Его личности.....	201
Магнетическое присутствие.....	201

Лучезарный характер	209
Божественное Слово	224
Созидательная сила	225
Сокровенные тайны.....	226
Ныряя в Божественный Океан	227
Община бахаи	230
Глава 9 Книга Божия раскрыта	238
Библиография	252
Ссылки.....	258
Указатель.....	272

*Эта книга посвящается
Уинстону Г. Эвансу мл.
пробудившему множество людей
и бросившему им Вызов Бахауллы*

БЛАГОДАРНОСТИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Первое издание — 1993 г.

Множество выдающихся людей оказывало автору помощь в написании этой книги. На первом месте среди них следует упомянуть мою супругу и лучшего друга, Чери Уоллас Мэтьюс. Высказывая в высшей степени конструктивную критику, она всегда предостерегала меня, когда я становился слишком дерзким, подталкивала, когда я слишком осторожничал, и припиливала меня к месту, когда я растекался мыслию по древу. Помимо большого вклада в виде ценных идей, она за последние четыре года пожертвовала массу времени,— по сути, полностью перестроила свою жизнь, чтобы облегчить мне работу и исследования, которые нередко шли в весьма ровном ритме. Без её поддержки эта книга никогда не была бы закончена.

Четыре человека: Марзи Гейл из Сан-Франциско, штат Калифорния; Сэм Дж. Маклеллан из Дэнвиля, штат Кентукки; Вахид Алавиан из Ноксвилля, штат Теннесси; и Чарльз Коффи из Сандерса, штат Аризона, внимательно прочли рукопись. Они сделали множество предложений о том, как эту книгу можно улучшить. Кеннет Калантар из Сен-Жермена, Пуэрто-Рико, изучил материал главы 5 с научной точки зрения и проверил его на правильность и ясность изложения. Окончательную форму эта книга приняла исключительно благодаря квалифицированным советам и конструктивной критике этих замечательных друзей, каждый из которых щедро делился своим чрезвычайно ограниченным и очень ценным временем.

Национальное Духовное Собрание бахаи Гренады, о-ва Вест-Индия, позволило мне свободно пользоваться своей национальной библиотекой. Исследовательский отдел Всемирного Дома Справедливости в г. Хайфа, Израиль, обеспечил меня неоценимой информацией по учениям бахаи, относящимся к Малому Миру. Д-р Джоэль Брансон из Школы медицины при университете св. Джорджа в Гренаде снабдил меня экземплярами статей и копиями глав из учебников, рассказывающими о последних исследованиях в области происхождения рака.

Воодушевление и техническая помощь со стороны работников издательства George Ronald — особенно его директора Мэя Баллеро, который лично контролировал работу по изданию этой книги, и Уэнди Момен, которая редактировала рукопись,— были великолепны и в высшей степени необходимы.

Я искренне благодарен всем вышеназванным друзьям, а также многим другим людям и организациям, которых я не могу здесь перечислить в силу их многочисленности.

Ссылки на источники пронумерованы последовательно по всему тексту, в отличие от обычной практики, когда нумерация начинается заново в каждой главе. На мой взгляд, так проще отыскать нужную ссылку в конце книги.

Английское написание персидских и арабских имён представляет определённую трудность, поскольку алфавиты в корне отличаются. Я пытался строго придерживаться стандартизированной системы написания, использованной и рекомендованной Шоги Эффенди, Хранителем Веры Бахаи. Несмотря на это (а может быть, как раз благодаря этому), географические названия, знакомые западному читателю, по большей части легко узнаваемы: Багдад превращается в Багдād, Шираз становится Ширāзом, и так далее. Некоторое разночтение наблюдается только в написании персидской столицы, которую сейчас пишут как Тегеран, а в стандартной системе Шоги Эффенди она пишется как «Тихрāн». После некоторых размышлений я решил, что лучше быть последовательным, и выбрал последнее написание.

Термин «billion» означает разные числа в американском и британском диалектах английского языка. Чтобы избежать этой неоднозначности, я писал кое-где «тысяча миллионов», что, вероятно, царапнет глаз читателю из Соединённых Штатов Америки. Пришлось пожертвовать языковыми нормами ради точности.

Когда у меня возникала необходимость пояснить слова в цитате из другого источника, я использовал [квадратные скобки]. В остальном же, если особо не оговорено, все выделения курсивом или (круглыми скобками) в цитатах в точности скопированы из оригинала.

ЕЩЁ БЛАГОДАРНОСТИ

Второе издание — 1999 г.

«Вызов, брошенный Бахауллой» не ставит себе целью объяснить, «во что бахаи верят». Это книга о том, почему бахаи верят именно в то, во что верят,— или, точнее, почему в это верит автор. Это просто попытка поделиться моими собственными чувствами о том, почему я считаю обоснованным и правильным признать Бахауллу Божиим Посланныком для нынешней эпохи.

Излагая доказательства бахаи, я ориентировался на самую широкую аудиторию. Это означало, для меня, что провозглашение Бахауллы следует рассматривать с точки зрения логики и здравого смысла. Есть немало книг, где делается попытка продемонстрировать Его положение путём толкования библейских пророчеств, исполнившихся с Его приходом. Здесь же я никак не ориентировался на возможную конфессиональную принадлежность читателя. Я опирался исключительно на «первые принципы» — предпосылки, которые я нахожу одновременно логичными и интуитивно убедительными, и которые, как я смею надеяться, могут оказаться убедительными не только для меня.

Преуспел я в этом или нет — судить, конечно, читателю. Очевидно, что заранее я никак не мог сказать, будет ли информация, приведённая в «Вызове», полезна другим в той же мере, в какой она оказалась полезна мне. Поэтому я выражаю огромную признательность тем, кто заверил меня в том, что усилия мои не пропали зря.

В начале книги принято благодарить тех людей, кто помог в её написании и публикации; я так и поступил шесть лет назад, когда выходило первое издание. Второе издание даёт мне возможность поблагодарить тех читателей, которые откликнулись и подтвердили правильность моего несколько необычного подхода. Эффект книги, как о том свидетельствовал поток писем, звонков и личных бесед, превзошёл мои самые смелые ожидания.

Особенно хотелось бы поблагодарить тех, кто приветствовал главу 5. В этой главе сопоставляются пророческие высказывания бахаи и последние научные открытия, включая теорию относительности и квантовую механику. Кое-кто советовал мне опустить такие подробности, аргументируя это тем, что они окажутся слишком сложны для большинства читателей. Я позволил себе не согласиться с этим мнением. По моему мнению, этот матери-

ал не только весьма важен,— я считаю, что широкая общественность испытывает интерес к таким вопросам и обладает достаточными способностями, чтобы вникнуть в суть научных принципов. Трудно спорить с тем, что от некоторых открытий современной физики голова идёт кругом, однако их вполне можно объяснить популярно, без углубления в технические тонкости. Если бы это было не так, я бы и сам ничего не смог о них написать, потому что я журналист, а не учёный.

Теперь стало очевидно, что моя вера в читателей полностью себя оправдала. Разделы книги, относящиеся к науке, вызвали наиболее позитивный отклик. (Тем не менее, если кто-то пожелает пропустить их, он ни в коем случае не потеряет основную нить повествования.)

Я всем сердцем приветствую тех христиан, которые, благодаря моей книге, открыли для себя Бахауллу, увидев в Нём исполнение высочайших упований христианства. Я очень рад этому, потому что хотя «Вызов» и написан для людей любого вероисповедания, включая атеистов, книга не противоречит никаким библейским принципам. Поскольку у меня самого глубоко христианские корни, я счастлив тем, что эта книга затронула чувствительные струны в душе моих братьев и сестёр-христиан. Тёплые слова с их стороны побудили меня написать продолжение: «Он грядёт с облаками: точка зрения бахаи на возвращение Христа» (*He Cometh with Clouds: A Baha'i View of Christ's Return. George Ronald, 1996*). Хотя там поднимаются те же вопросы, что и здесь, но в «Облаках» доказательства бахаи рассматриваются с точки зрения Библии и теологических проблем, волнующих верующих-христиан.

«Вызов, брошенный Бахауллой», подводит итог двадцати пяти лет исследований и анализа. Среди всех друзей, поучаствовавших в этом процессе, величайшую роль сыграла Марзи Гейл, чья помощь была отмечена в предисловии к первому изданию. Именно она вдохновила меня, тогда ещё студента, выбрать стезю писателя, и определила многие идеи, обсуждаемые в этой книге, а затем, через постоянную переписку, помогала мне разбираться с путеводными нитями и вопросами, возникающими на этом пути. Когда рукопись была завершена, она была настолько добра, что взялась за её тщательную шлифовку. Земная фаза её поразительной жизни закончилась вскоре после этого, 16 октября 1993 г., в тот самый день, когда эта книга вышла из печати.

Ещё одним моим сподвижником, отмеченном в первом издании и покинувшим нас, был Сэм Маклеллан. Добрейшей души человек, он был для меня тихой гаванью во время многих штормов. Он воспринял свою приближающуюся смерть так же, как воспринимал жизнь,— со смирением, юмо-

ром и героизмом. Без таких великих душ, как Сэм, все свидетельства в Его пользу были бы совершенно неубедительны, ибо они и есть самое неопровержимое, живое доказательство подлинности Учения Бахауллы.

В первое издание вкралось несколько небольших исторических неточностей и типографских ошибок, и в этом издании они были исправлены. Тем, что эти ошибки были замечены, я обязан Дэвиду Ру, Майклу Кейфесу, Трипу Бартелю и ещё нескольким людям.

«Вызов», насколько мне известно, — первая книга, в которой сопоставляются открытия современной физики с учением бахаи касательно «светоносного эфира», — той самой гипотетической электромагнитной среды, которая, как когда-то полагали, наполняет всё пространство, и которая затем, в её классической форме, была отвергнута. Эта часть главы 5 была здесь расширена с тем, чтобы включить новые факты. После того, как я опубликовал мои собственные рассуждения по этому поводу, я узнал, что они перекликаются с выводами, к которым независимо пришли исследователи, работавшие под эгидой Австралийской ассоциации исследований бахаи; их публикации в настоящее время хранятся во Всемирном Центре Бахаи. Хотя я пока не имел возможности ознакомиться с этими документами в полном объёме, я благодарен Исследовательскому отделу Всемирного Дома Справедливости за то, что они поделились со мной обзором их содержания.

В этом издании не так много изменений, за исключением небольших обновлений разделов по астрономии и палеонтологии. Единственный раздел, в отношении которого я целенаправленно запретил себе любое вмешательство — это глава 6, посвящённая Малому Миру и XX веку. Написанный ещё в 1989 г., этот раздел перепечатывается здесь в оригинальном виде, чтобы мы все могли посмотреть, насколько хорошо он выдержит проверку временем. Впрочем, хочу заметить здесь, что Всемирный Дом Справедливости написал в Послании к Ризвану 153 г. эры бахаи — письме, обращённом ко всем бахаи мира, — следующие слова: «Апрель 2000 г. наступит за много месяцев до конца XX века». Иными словами, следует помнить, что столетие завершается в конце 2000 года, а не в его начале.

Как связаться с автором

Мне было бы весьма интересно узнать Ваше мнение об этой книге. Если у Вас есть замечания или вопросы, пожалуйста, поделитесь ими со мной. Если я не смогу дать ответ самостоятельно, то постараюсь найти кого-то, кто сможет это сделать.

Письма можно слать на следующий адрес:

Gary L. Matthews

c/o George Ronald, Publisher

46 High Street

Kidlington, Oxford OX5 2DN

England

Со мной также можно связаться по электронной почте:

< Gary.L.Matthews@esper.com >

С переводчиком данной книги можно связаться по электронной почте:
vladimir@chupin.ru.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons
«Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Чтобы увидеть копию
этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Примечание переводчика об использовании транслитерации в русском тексте

Система транслитерации арабского алфавита символами кириллицы, используемая в этой книге, в общем повторяет систему для латиницы, принятую автором. Данная кириллическая система была разработана академиком Крачковским в 1923 г. и с тех пор широко используется в научных кругах. Многие читатели могут возразить, что использование научной системы в книге, которая, по словам самого автора, «не предназначена для учёных», является неоправданным усложнением, и что непривычные диакритические значки в тексте утомляют взгляд. Действительно, споры о том, насколько полезна транслитерация в массовой литературе, активно велись в начале XX века, когда эта система широко внедрялась на Западе, а недавно — и в России, в связи с расширением контактов между разными культурами.

Аргументы в пользу использования этой системы просты и, на взгляд переводчика данной книги, достаточно весомы. Прежде всего, она обеспечивает точность передачи имён собственных и географических названий. В книгах по истории иной культуры этот аспект приобретает, для вдумчивого читателя, едва ли не критическую важность, потому что иначе бывает просто невозможно отличить друг от друга разные исторические персонажи. Например, имя Абу-Бакра, ближайшего сподвижника Пророка, было ‘Атйк, а одного из мединцев — ‘Атйк. По-арабски человека могут звать Вахйид (это имя означает «Несравненный»), но если написать «вāхид», то это будет означать «единица» (чаще всего подразумевается «единица счёта», «совокупность»; численное значение — 19), и это слово столь же часто используется в литературе (можно встретить фразы наподобие «первый вāхид», «второй вāхид», и т.д.).

Другим аргументом в пользу транслитерации является и то, что она воспитывает в нас уважение к иной культуре. В средствах массовой информации приходится видеть иногда самые странные искажения ключевых для любого мусульманина терминов. Даже написание имени Пророка Ислама до сих пор не устоялось: иногда это «Магомет», иногда «Мухаммед», а иногда, всё-таки, «Мухаммад».

Лингвисты дают следующее определение транслитерации:

*В противоположность транскрипции, предназначенной для максимально точной передачи звуков языка, транслитерация, как это показывает сам термин (лат. *litter* — буква), касается письменной формы языка: текст, написанный на том или ином алфавите, пере-*

даётся алфавитом другой какой-либо системы. При этом обычно принимается во внимание только соответствие букв двух алфавитов, а звуки, скрывающиеся за ними, не учитываются... При транслитерации живых языков обычно идут по пути компромисса, так как в какой-то мере необходимо учитывать и звуковой момент, чтобы не чересчур отрывать слово от его живой звучащей формы; иначе говоря, транслитерируется не алфавит, а принятая в данном языке система графики. Так, например, французская фамилия Daudet транслитерируется по-русски Додэ (или Доде), т.е. учитывается, что ai по-французски обозначает o, а конечное t не произносится. В чистой транслитерации пришлось бы эту фамилию писать Даудэт (или Даудет), что едва ли было бы рационально, так как слишком оторвало бы ее в звуковом отношении от оригинала.

[М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1941. С. 106].

Того, что сказано выше о системе транслитерации, будет вполне достаточно тем, кому интересна только практическая сторона дела и кто не имеет желаний или времени изучать арабский алфавит. Вопрос о точном произношении мы даже не пытаемся здесь рассматривать: в первом приближении достаточно, если каждая буква будет читаться так, как она читалась бы в отсутствие диакритических значков. Нижеследующие разъяснения предназначены для тех, кто захочет углубиться в вопрос.

При переводе данной книги было решено применить «компромиссную» систему, которая слегка отличается от строгой системы Крачковского. Названия букв арабского алфавита даны условно, в практической транскрипции. Названия дополнительных букв, присутствующих в персидском языке, даны в кавычках. Для сравнения мы также приводим латинскую систему транслитерации, использованную автором книги.

Согласные

Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница
ء хам-за	'	'	ر ра	р	r	ف фа	ф	f
ب ба	б	b	ز за	з	z	ق къаф	қ	q
پ «па»	п	p	ژ «жа»	ж	<u>zh</u>	ك «каф»	к	k
ت та	т	t	س син	с	s	گ «гаф»	г	g
ث са	с	<u>th</u>	ش шин	ш	<u>sh</u>	ل лам	л	l
ج джим	дж	j	ص сад	с	ş	م мим	м	m
چ «чим»	ч	<u>ch</u>	ض дад	д	ḍ	ن нун	н	n
ح ха	х	ḥ	ط та	т	ṭ	ه гха	х	h
خ кха	х	<u>kh</u>	ظ за	з	ẓ	و уау	в	w
د даль	д	d	ع айн	'	'	ى йа	й	y
ذ заль	з	<u>dh</u>	غ гайн	г	<u>gh</u>			

Гласные

Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница
ا	а	a	آ алиф	ā	á	أ-ؤ	ау	aw
ي	и	i	ى	й	í	ى-ي	ай	
و	у	u	وا	ū	ú			

Исключения

В переводе транслитерировались не все слова, изначально транслитерированные в английском оригинале. Среди исключений — такие общепринятые в русском языке понятия, как, например, «шииты» (шй'а) и «сунниты» (сунний), а также названия некоторых городов (например, Мекка и Медина).

Некоторые особенности и изменения системы Крачковского

Сочетание *-ah* на конце слов в латинской системе передаётся как *-e* в кириллической.

Арабский определённый артикль ставится отдельно, то есть всегда либо как «аль-», либо «а» с удвоением (*реплицированием*) начального согласного того слова, к которому он примыкает через дефис, с делением звуков на «солнечные» и «лунные»: аль-Мутталиб («м» — лунный звук), 'Абд аш-Шамс («ш» — солнечный звук и ассимилирует согласный артикля).

Явление васлирования/слияния. Если слово, предшествующее артиклю, оканчивается на гласный, то этот гласный замещает собой гласный «а» артикля. При этом используется два дефиса: фй-ль-байән.

Хамза в начале слова не обозначается, она передаётся только в середине и конце слова посредством апострофа в виде верхней запятой: «Баха'». 'Айн же обозначается в любой позиции в виде перевёрнутого апострофа: «'Ахд». Примеры: 'Абд аль-Мутталиб; Ка'ба.

После «л» в конце слов (а иногда и в середине) ставится мягкий знак. Дело в том, что в арабском и персидском «л» всегда мягкий, тогда как по правилам русского языка этот звук в таких словах должен читаться как твёрдый. Никакого символа, соответствующего мягкому знаку, в арабском алфавите нет, поэтому его использование не должно привести к недоразумениям.

Двойное «дждж» пишется как «джж».

Владимир Чупин.
Москва, 2015 г.

ВВЕДЕНИЕ

Религия — это не просто система верований, но также и добровольное подчинение Высшей Силе. При этом не имеет значения, что мы понимаем под этой силой — Бога Живого, безличную космическую силу или просто некую благородную цель. Религия означает радостную покорность, жертвование собой во имя чего-то большего.

Уговорами нельзя заставить человека дать такой обет — не более, чем можно уговорить кого-то влюбиться. Религия должна иметь смысл не только на интеллектуальном плане; она должна также ощущаться как некая глубинная правда, затрагивающая тонкие струны нашей души. Кроме того, здесь нужен осознанный выбор, мужество и смирение, рождающиеся не только в голове, но и в сердце. Линейное мышление здесь нередко отступает на второй план: духовно пронизательный человек может принять религию — причём полностью осознавая, что он делает, — задолго до того, как обретёт способность логически объяснить этот свой шаг кому-то другому. Этот человек просто знает — на инстинктивном уровне.

Признавая эти факты, мы, вместе с тем, целиком и полностью поддерживаем Бертрانا Рассела, который сказал: «Требуется не готовность поверить, а желание выяснить, то есть нечто прямо противоположное.» Очень приятно размышлять о религии ясно и рационально и делиться этими идеями с окружающими людьми. В отсутствие света духовной интуиции разум бесплоден; но без дисциплины разума интуицию бывает трудно отличить от слепых эмоций — или, что ещё хуже, от слепого подражания.

Святые писания Веры Бахаи чётко определяют роль разума в обретении духовного понимания. Это учение советует ищущему: «Сосредоточься на разумных и веских доводах. Ибо доводы указуют путь, и с их помощью сердце обратится к Солнцу Истины. А когда сердце обратится к Солнцу, откроются очи, и узнают они Солнце через само Солнце. Затем не потребуются уже никакие доводы или доказательства...».[1] «В вопросах религии мы не должны полагаться только на багаж традиций и прежнего человеческого опыта; напротив, лучше прибегать к разуму, анализировать и логически изучать представленные факты, чтобы родилась уверенность и была обретена вера».[2]

Эта книга — плод стараний одного конкретно взятого человека понять и исполнить эти заповеди. В ней сделана попытка представить, с рациональной точки зрения, основание моей веры в то, что Откровение Бахаи ни-

спослано свыше, и объяснить, почему я думаю, что её провозглашение бросает исключительно важный вызов человечеству. Поскольку корни религиозных убеждений уходят значительно глубже уровня слов и логики, вряд ли можно утверждать, что эта книга содержит полный перечень причин моей приверженности Вере Бахаи. Те причины, которые я способен изложить на печатных страницах, составляют только один аспект, причём не обязательно самый важный, того опыта и тех побуждений, благодаря которым сформировалась моя вера. Тем не менее, я делюсь ими в надежде, что они окажутся полезны или станут для кого-то стимулом.

Я пишу, прежде всего, для двух больших групп людей:

1) тех, кто интересуется Верой Бахаи, но ещё не присоединился к ней
и

2) тех, кто уже вступил в ряды Веры, но хотел бы больше узнать о доказательствах, на которые опираются её притязания.

Тем не менее, поскольку не исключено, что некоторые читатели впервые услышат здесь о Вере Бахаи, я буду стараться предоставлять, по мере развёртывания нашей дискуссии, любую необходимую для понимания возникающих вопросов информацию.

Глава 1

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ

Крупные прорывы в развитии цивилизации обычно мало что не обращают в руины те общества, в которых они происходят.

— Альфред Норт Уайтхед

Мы должны подняться над ураганом, над неразберихой поверхностных деталей, и с этой смотровой площадки стараться увидеть очертания величественного и значимого явления. Подняться, чтобы видеть чётко,— вот что я пытался сделать, и в результате я вынужден был принять, сколь бы невероятными они ни казались, реалии и следствия всеохватного космического процесса, который... я назвал «планетизацией человечества».

— Пьер Тейяр де Шарден

Человечество явно проходит через кризис преобразования. Но преобразования во что? Мы можем легко заметить, что повсюду происходят резкие изменения; ещё легче видеть, что все мы играем в этих изменениях свою роль. Нелегко понять, что они значат, куда они нас приведут и как нам отреагировать на них конструктивно. Миллионы людей, ощущая важность этих вопросов, отчаянно ищут ответы. Я думаю, эти ответы будут ускользать от нас до тех пор, пока мы не разберёмся с одним вопросом, который весь мир старательно избегает на протяжении уже более чем ста лет:

Кем был Бахаулла?

Кажется невероятным, что личность этого персидского аристократа, жившего с 1817 по 1892 годы, может пролить свет на проблемы, о которых

постоянно сообщают нам новостные агентства. Биографическая справка в духе «Кто есть кто» мало поможет нам — мы всего лишь узнаем, что Он основал новую религию, Веру Бахаи, и провёл в тюрьме и изгнании сорок лет за то, что провозглашал идеи мира и любви. Эта информация, может быть, пригодилась бы человеку, который готовится к викторине, но вряд ли она является ключевой для понимания проблем современности.

Таким образом, мы должны пояснить, почему это так важно — понять, кем на самом деле был Бахаулла. Однако для начала, чтобы увидеть насущный характер этого вопроса, давайте вспомним некоторые исторические подробности.

Весьма интересным представляется тот факт, что каждая из мировых религий — Индуизм, Иудаизм, Зороастризм, Буддизм, Христианство и Ислам, — породила свою великую цивилизацию. У всех этих цивилизаций есть что-то общее. Каждая из них демонстрировала нам новую вершину культуры невиданного прежде уровня. Каждая из них, достигая кульминации своего развития, объединяла в единое духовное братство сотни ранее враждовавших этнических групп. Каждая из них затем вступала в период застоя и упадка, становясь более источником конфликтов, чем сотрудничества.

Современный мир был сформирован во многом именно этими циклами взлёта и упадка цивилизаций, черпавшими свой первоначальный импульс развития из некоего религиозного учения. Например, еврейская культура, основанная на Иудаизме, стала питательной почвой для философии Древней Греции и оставила нам кодекс законов, лёгший в основу всех современных юридических систем. Когда Римская империя пала, на её обломках расцвело Христианство, ставшее основой для новой цивилизации Запада и воспитавшее дух благотворительности и взаимной поддержки, не исчезнувший и по сию пору. Когда в Западной Европе наступило Средневековье, в Аравии Ислам сплотил дикие арабские племена и создал империю более обширную, чем смог создать Рим даже на пике своего развития. Он украсил свои города процветающими университетами и библиотеками, изобрёл мыло, алгебру, арабские цифры и сотни других вещей, без которых немислима жизнь современного человека. Кроме того, за время тех нескольких столетий, когда он властвовал в Испании, он, пусть и косвенным образом, запустил процесс европейского Возрождения. Именно Ислам ввёл идею национализма в его современном смысле — и эта концепция, при всех своих ограничениях, стала затем побудительным мотивом социально-экономического развития по всему миру. То же самое можно сказать и о величественных цивилизациях, вызванных к жизни Индуизмом, Буддизмом и Зороастризмом.

Каждая из этих религиозных систем родилась из учений единственной замечательной личности. Так, Моисей стал Центральной Фигурой Иудаизма, Иисус — Христианства, Мухаммад — Ислама, Кришна — Индуизма, Будда — Буддизма и Зороастр — Зороастризма. Этих духовных Учителей вполне можно считать самыми влиятельными фигурами в истории, поскольку именно Они сформировали и вдохновили цивилизации, осенённые Их именами. Их жизни и учения демонстрируют невероятное сходство. Каждый притязал на то, что Его влияние и полномочия исходят непосредственно от Бога. Каждый из Них был известен святостью Своего характера и Своим глубочайшим интуитивным знанием. Каждый столкнулся с ожесточённым сопротивлением со стороны гражданских и религиозных властей Своего времени. Каждый сплотил вокруг Себя небольшую общину последователей, которые, часто после столетий борьбы, торжествовали над своими преследователями, и их вера становилась главной силой в обществе. Каждый учил одним и тем же базовым духовным концепциям веры в Бога, жизни после смерти, молитвы, самодисциплины, одним и тем же этическим принципам (таким, как Золотое Правило), и т. п. Каждый, тем не менее, менял социальные законы и нормы предшествующей религии согласно потребностям нового времени. Каждый подтверждал Божественное происхождение предшествующих религий и Каждый обещал, что Бог направит в будущем новых Посланников с новыми и более полными откровениями.

Наиболее примечательная общая черта этих религий — их пророчества касательно «Последних Дней». Каждая религия предсказывает некую кульминацию человеческой истории, когда земля, после ужаснейших несчастий, станет раем. Катаклизмы откроют путь к наступлению «Царства Божия на земле»[3], народы «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». [(4) Исаия 2:4] Все религии объединятся и «будет одно стадо и один Пастырь» [(5) Евангелие от Иоанна, 10:16], и «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море». [(6) Исаия 11:9] Практически идентичными пророчествами на этот счёт изобилуют не только Ветхий и Новый Заветы, но и Писания всех остальных мировых религий.

Те же самые пророчества в один голос предсказывают появление некоего Всемирного Реформатора или Божественного Учителя, который инициирует обещанные изменения. Каждая из мировых вер пронизана надеждами на приход такого духовного лидера, причём нередко это событие определяют как «возвращение» основателя данной религии. В Иудаизме этот Обетованный известен как Господь Сил; в Христианстве — как Второе Пришествие Христа; в Исламе — как Михди или Двенадцатый Имам; в Ин-

дуизме — как возвращение Кришны; в Буддизме — как Пятый Будда; а в Зороастризме — как обещанный Шах-Бахрам.

Иными словами, история, учения и пророчества этих религий содержат слишком многочисленные и слишком примечательные параллели, чтобы их можно было объяснить простым совпадением. Как может эта, на первый взгляд, произвольная схема, повторяться от эпохи к эпохе в движениях, так далеко разнесённых исторически, географически и культурно? Разве этот факт не наталкивает нас на мысль о том, что все они (не просто одна или две, а именно все) действительно божественны по своему происхождению, что все их основатели были вдохновлены единым Богом и избраны Им как орудия одного величественного процесса развития цивилизации, ведущего человечество к зрелости? Не следует ли из этого, что их пророчества касательно «последних дней», предвещающие радикальные преобразования в обществе, которым суждено свершиться благодаря приходу обещанного Избавителя, указывают на одну и ту же таинственную фигуру?

Бахаи полагают, что именно так и обстоит дело. Они верят, что Бахаулла и есть тот самый Обетованный всех религий, давно ожидаемый Миротворец, Чьё Откровение, как предсказано в Писаниях прошлого, породит всемирную цивилизацию.

«Откровение, что с незапамятных времён провозглашалось Целью и Обетованием всех Пророков Бога и заветнейшим Желанием Его Посланных, ныне... явлено людям,— пишет Бахаулла.— Пришествие такого Откровения предвещено во всех Святых Писаниях. Воззри, как вопреки сему возвещению человечество сбилось с его пути и заградилось от его славы».[7]

Если это притязание истинно, и если мы сможем подтвердить его объективными исследованиями, значит, мы стоим на пороге важнейшего преобразования в человеческой истории. Бахаулла говорит, что именно нынешние смуты и потрясения были предсказаны в священных книгах всех прошлых религий, что именно они подготавливают человечество к наступлению обещанной эры мира и справедливости, и что Его Откровение привело в движение силы, которые постепенно смогут осуществить всё это. Он также дал миру около ста томов, содержащих руководство для индивидуумов и институтов общества касательно того, как они могут лучше всего соответствовать требованиям нового времени и ускорить наступление Золотого Века, что должен последовать за нынешней смутой.

Решая, достойны ли притязания Бахауллы более пристального изучения, нам следует помнить два момента. Во-первых, Он ни в коей мере не настаивает на буквальном толковании древних пророчеств. Бахаулла утвер-

ждает, что большинство пророчеств прошлых религий имеет важный символический, а не буквальный смысл. Например, Он учит, что «конец света», постоянно упоминаемый в Писании, означает не физическое разрушение планеты, но, скорее, конец цивилизации в том виде, как она существовала ранее, и её преобразование в более высокую форму, во всепланетную цивилизацию, «закрывающую в себе такое богатство жизни, какого мир никогда не знал и сейчас не в силах даже представить себе».[8] Это будет не какая-то магическая или мгновенная катастрофа, но долгий, направляемый свыше процесс эволюции социума.

Есть и другие примеры, иллюстрирующие ту же истину. Например, Бахаулла интерпретирует «возвращение Христа» (или Будды, Кришны и любых других Божественных Посланников) не как возвращение в телесной форме самого этого Человека, но как мистическое возвращение Гласа Божиего, что говорил через Него. Это, как Он учит, возвращение света, а не лампы, новое явление в человеческом храме того совершенства, силы и авторитета, что были прерогативой Христа и других Божественных Учителей. Таким же аллегорическим образом Бахаулла разъясняет и другие пророческие темы — воскресение, Страшный Суд и тому подобное.

Второй и более значимый момент заключается в том, что Бахаулла ни от кого не требует принимать Его притязания без доказательств. Под «верой» нередко понимают слепое принятие чьего-то авторитета. Бахаулла развенчивает такую псевдоверу как «слепое подражание» и ставит самостоятельный поиск истины на первое место, прежде всех прочих проповедуемых Им нравственных принципов. Подлинная вера определяется в Его учении как осмысленное знание, выраженное в добрых делах.[9] Хотя Бахаулла просит нас поверить Ему на слово во многих случаях, Он говорит о праве и ответственности каждого человека независимо проверить главную предпосылку Его Веры, а именно, что «сие не от Меня, но от Того, Кто есть Всемогущий, Всезнающий».[10] Он выстраивает несокрушимую цепь доказательств,— как логических, так и интуитивных,— которые поддерживают это заявление, приглашая ищущих «рассмотреть Его ясное доказательство»[11] и, «открыв и очистив свой разум, обратиться к знамениям Откровения Его, доказательствам Его Посланничества и знакам Его славы».[12] «...Свидетельство Его лучезарной славы ныне поистине явлено.— пишет Он.— Вам надлежит убедиться, забрезжил сей свет или нет».[13]

Моей целью при написании этой книги как раз и было «рассмотреть Его ясное доказательство», чтобы «убедиться, забрезжил сей свет или нет». Подробности жизни Бахауллы, история Его Веры и особенности Его Учения будут рассматриваться здесь, прежде всего, с целью осветить главный во-

прос: *Кем был Бахаулла?* Иными словами, был ли Он, как Он Сам заявлял, обещанным Искупителем, предсказанным в священных книгах прошлого, а Его послание — истинным Откровением от Бога?

Если выяснится, что да, тогда, конечно, нам очень важно об этом узнать. Откровение Бахауллы, если оно истинно, даст нам возможность понять смысл всех изменений, сотрясающих сейчас мир, предвидеть их результаты, оптимально реагировать на бросаемые ими вызовы и максимально использовать предоставляемые ими возможности.

Во второй главе данной книги я дам краткий обзор истории Веры Бахаи и основных принципов Учения Бахауллы; в третьей будет предложено несколько возможных вариантов того, как ищущий может проверить Его притязания. В остальных главах, собственно, и будут рассмотрены доказательства, на которые опирается моя личная вера в Бахауллу. Я не обязательно рассчитываю на то, что мои доводы окажутся для кого-то убедительными — главное, чтобы они заставили читателя задуматься. Но это, конечно, каждый из них решит для себя сам.

Глава 2

БОЖЕСТВЕННАЯ ВЕСНА

Мир занят поисками выхода, но ключ к решению всех проблем на земле находится в руках персидского узника Бахауллы.

— *Лев Толстой*

Единожды всякому человеку и народу настает время решать —

ведь является им великое Дело, новый Мессия от Бога...

— *Джеймс Рассел Лоуэлл*

Эта глава состоит из трёх частей.

- 1) Очерк основных положений учения Бахауллы.
- 2) Краткая история Его Веры.
- 3) Некоторые подробности касательно природы Его притязаний.

И в этой, и в следующей главах я воздержусь от каких бы то ни было аргументов или свидетельств в пользу этих притязаний; время для аргументации наступит позже. Пока я ограничусь тем, что просто ознакомлю читателя с событиями и концепциями, которые будут — может быть, и неявно, — фигурировать в нашей дискуссии.

Учение бахаи

Основополагающий принцип учения Бахауллы заключается в том, что все человеческие существа суть дети единого Бога, Который, последовательно являя Свою Волю в рамках каждой из мировых религий, терпеливо направляет человечество к духовной и социальной зрелости. Миновав стадии младенчества и юности, человечество сегодня вступает в зрелость. Его коллективная жизнь подвергается глубокому преображению, сродни тому, что сопровождает превращение гусеницы в бабочку. Продуктом этой метаморфозы будет первое в истории по-настоящему глобальное общество.

Эта центральная концепция — всепланетное объединение как плод наступающей зрелости человечества — известна среди бахаи как «принцип единства человечества». Сформулированный Бахаулла в второй половине XIX века, этот принцип — отнюдь не туманная банальность. За ним стоит подробный и смелый план перестройки мира через «органичное изменение» самой природы общества. Когда Бахаулла говорит, что «Земля — единая страна, и человечество — её граждане»[14], Он действительно имеет в виду именно это: в политическом, экономическом, социальном и даже военном смысле.

Все прочие положения учения Бахауллы вращаются вокруг единства человечества, как спицы вокруг оси колеса. Чтобы облегчить выполнение этой наиважнейшей цели, Он призывает активно воплощать в жизнь следующие принципы:

Самостоятельный поиск истины

Каждый человек рождается с правом и обязанностью исследовать реальность — в особенности же реальность религии — без чрезмерного вмешательства окружающих.

«...Узришь своими очами, а не очами других,— пишет Бахаулла,— познаешь своим разумением, а не разумением ближнего».[15]

«Суть всего, что Мы явили тебе,— Справедливость, освобождение от пустых измышлений и подражаний, ...и пытливый взгляд на всё сущее».[16]

Принятие Божественного происхождения всех мировых религий

По словам Бахауллы, настало время, когда соперничающие религии мира должны признать друг друга в качестве разных стадий единой вечно-развивающейся религии Божией. В каждую эпоху Бог обращается к нам через специального Посредника, Который приспособляет Его Учение к особым нуждам времени и растущему потенциалу человечества. Бахаулла утверждает, что, несмотря на эти внешние разногласия, усугублённые великим множеством взаимных конфликтов и предрассудков, имевших место за прошедшие с тех пор века, «каждый истинный Пророк признавал Своё Послание по сути таким же, что и Откровение любого другого Пророка, бывшего прежде Него».[17]

Искоренение предрассудков во всех формах

Бахаулла настаивает на необходимости энергичных усилий,— как индивидуальных, так и в области просвещения и государственной политики,—

направленных на устранение исходных причин предрассудков. Поэтому бахаи всячески продвигают единство в разнообразии, культивируя сплочённость в общественной жизни, где все члены общины поддерживают дружеские отношения между собой, работают вместе и даже стараются заключать браки, невзирая на барьеры национальности, вероисповедания и общественного положения.

Равные права и возможности для мужчин и женщин

Два пола сравниваются в учении бахаи с двумя крыльями, которые должны работать сбалансировано, иначе птица человечества не сможет взлететь. В частности, Бахаулла указывает на равное участие женщин в процессе принятия государственных решений как на жизненно важную предпосылку ко всеобщему миру.

Примирение науки и религии

Обе эти дисциплины, как утверждает Бахаулла, суть разные пути к одной истине. Поэтому, если смотреть на них в правильной перспективе, наука и религия находятся в полной гармонии друг с другом,— истина есть истина, она не может противоречить сама себе.

«Если человек попытается полететь, опираясь лишь на крыло религии, он быстро угодит в трясины суеверий; если же полетит лишь на крыле науки, то также не продвинется, а упадёт в беспросветное болото материализма... Когда религия освободится от предрассудков, традиций и смутных догм, когда проявится её согласованность с наукой, в мире возникнет великая объединяющая и очищающая сила, которая сметёт перед собой все войны, разногласия, раздоры и конфликты...[18]

Всеобщий мир на основе коллективной безопасности

Бахаулла призывает все народы ограничить свои вооружённые силы и, объединившись во всепланетную федерацию, совместно сопротивляться агрессии со стороны любого её члена. Его план идёт значительно дальше нынешней деятельности ООН, предусматривая всемирную конституцию, всемирный парламент, всемирный суд (чьи приговоры будут обязательны для исполнения и который будет призван разрешать споры между нациями), а также всемирную исполнительную власть, которая будет следить за выполнением решений парламента и суда. Охраняя права и свободы всех своих членов, такая система представительных органов самоуправления на всепланетном уровне дала бы возможность человечеству, как единому целому,

осуществлять свою коллективную волю мирно, на основе международного права.

Принятие международного вспомогательного языка

Бахаулла призывает все народы выбрать, путём взаимного консенсуса, единственный язык, который бы преподавался в школах по всему земному шару в дополнение к родному языку конкретной страны. Это стало бы мощным инструментом международного взаимопонимания и сотрудничества, в то же время сохраняя культурное наследие всех этносов.

Всеобщее обязательное образование

Этот принцип Бахаулла решительно провозгласил задолго до того, как он стал общепринятым в большинстве нынешних развитых стран. К сожалению, многими другими странами его важность сильно недооценивается.

Устранение крайностей богатства и нищеты

Бахаулла утверждает, что государственная политика должна препятствовать, с одной стороны, возникновению нищеты, а с другой — накоплению чрезмерных богатств. Идея этого принципа в том, чтобы сохранить полезные и необходимые различия в уровнях богатства, одновременно исключив крайности, которые вредны. Бахаулла поощряет личную инициативу, одновременно осуждая как несправедливые и бесполезные любые попытки навязать полное экономическое равенство.

Признание любви и единства первоочередной целью любого вероисповедания

Бахаулла категорически запрещает не только религиозное насилие, но и любые формы религиозных раздоров и препирательств, считая их чуждыми истинному духу веры. Он пишет, что Бог, ниспосылая Своих Посланников, всегда стремился соединить человеческие сердца; если религия производит противоположный эффект, нам будет лучше обойтись без неё.

Хотя всё вышеописанное достоверно отражает дух веры бахаи, её учение этим отнюдь не исчерпывается. Бахаулла поднимает буквально тысячи жизненно важных вопросов, как вечных, так и современных, постепенно раскрывая перед нами исчерпывающий план построения единого мирового общества. В кратком обзоре невозможно охватить столь обширную па-

нораму идей; всё, что мы можем,— это дать намёк на их масштаб и общее направление.

Кроме того, в учении Бахауллы подчёркивается, что «идеи и принципы беспомощны без Божественных сил, необходимых для их воплощения». Он объясняет, что главная функция ниспосылаемых свыше Откровений не в том, чтобы ввести новые учения (сколь бы ни были они значимы), а именно в обеспечении такой силы. Вот, вкратце, что Он говорит касательно этого важнейшего предмета.

Посланники Божии, как утверждает Бахаулла,— отнюдь не просто великие наставники или реформаторы. Они суть Духовные Солнца, благодаря Которым Бог наполняет мир небесной энергией. Это неосязаемое, но при этом активнейшее вмешательство (традиционно называемое Святым Духом) и есть та самая сила, которой Бог приводит в движение Своего Посланника и, через Него, всё человечество. Посланник Божий «лучезарен Сам по Себе, тогда как все другие души вынуждены заимствовать Его свет»[20]; и Его периодические явления в этом мире преобразуют человеческое общество примерно так же, как весна преобразует физический мир. Всякий раз, как новый Посланник «воссияет над мирами душ, мыслей и сердец, тогда приходит духовная весна и новая жизнь, взору открывается вся дивная мощь весны, и являются чудесные блага».[21] Новые мысли, новые тенденции и новые движения возникают повсюду,— даже среди тех, кому неведом источник нового Откровения,— и повсеместное брожение сметает прочь устаревшие идеи и учреждения.

По мере того, как мистический импульс, порождённый новым Посланником, постепенно проникает в общество, к Его Делу привлекается всё большее число людей, которые сплачиваются вокруг Него и признают Его Божественный авторитет. Рано или поздно это Дело достигает своей кульминации и рождается новый общественный порядок, опирающийся на вновь явленные законы и принципы.

Бахаи верят, что именно этот ниспосланный свыше импульс и позволил каждому из прошлых Откровений создать вокруг себя новую, более высокую цивилизацию; они верят, что именно этот механизм гарантирует возможность построения всемирного содружества, опирающегося на социальные принципы Бахауллы, и неуклонный рост и развитие этого содружества под влиянием будущих Посланников Божиих.

Бахаулла указывает, что хотя этот предуказанный свыше процесс неостановим и неизбежен, он протекает отнюдь не автоматически. Социальное преобразование, следующее за появлением Посланника Божиего, может быть

относительно быстрым и мягким, а может быть чрезвычайно долгим и болезненным. Может наблюдаться и что-то среднее между этими двумя крайностями. Насколько легко человечество отыщет путь этого перехода от старого к новому, определяется, прежде всего, готовностью отдельных людей исследовать учение нового Посланника и признать Его дарованные свыше полномочия.

Наш ответ также определяет и то, насколько мы, как индивидуумы, сможем извлечь духовную пользу из нового Откровения. Наши ожидания касательно осуществимости социальных реформ Бахауллы будут во многом зависеть от того, признаем ли мы реальность этой мистической движущей силы — силы, из которой, как верят бахаи, их учение черпает свою духовную энергию.

Большинство провозглашённых Бахауллой принципов сегодня считаются само собой разумеющимися или хотя бы желательными. В чём многие до сих пор сомневаются, так это в том, насколько достижимы эти цели. Впрочем, совершенно очевидно, что если программа бахаи — действительно ниспосланное свыше Откровение, его цели должны быть достижимы, поскольку «сила Царствия Божиего будет способствовать сему и поддерживать сии свершения».[22]

Ещё один вопрос, который нередко задают касательно Веры Бахаи — это действительно ли она предлагает что-то новое. Ответ — твёрдое и решительное «Да». Общие социальные принципы Бахауллы, конечно же, нельзя назвать новыми в том смысле, что они незнакомы людям (хотя они действительно были революционными в то время, когда Он впервые выдвинул их в XIX веке). Они, тем не менее, абсолютно новые в том смысле, что нигде прямо не упоминаются в священных книгах предыдущих религий. Когда же мы переходим от общих принципов к подробностям, мы сразу же видим множество элементов, новых как в смысле неизвестности среди основной массы людей, так и беспрецедентности по сравнению с прежними религиями.

Бахаулла подробно излагает новые законы и заповеди, касающиеся брака и развода, похорон и наследования, молитвы и поста, личного поведения и множества других предметов. Он учреждает совершенно новый тип административного порядка, предназначенный для исполнения Своих законов и наставлений по всему миру,— порядок, задуманный как образец устройства светлого общества будущего.

Также Он раскрывает огромный объём доселе неведомой информации о намерениях Бога касательно человечества, природы жизни после смерти и

подготовке к ней и т. д. Его последователи верят, что эта удивительная система законов, учреждений и доктрин, будучи ниспосланной свыше, а не придуманной людьми, должна возвысить и возродить человеческое общество.

Как бы то ни было, вряд ли можно отрицать как новизну, так и оригинальность всей этой структуры.

О важности этих двух вопросов: «Действительно ли программа бахаи жизнеспособна?» и «Есть ли в ней что-нибудь действительно новое?», свидетельствует тот факт, что их часто задают те, кто начинает изучать эту веру. По причинам, указанным выше, я уверен, что ответ, в обоих случаях, зависит от более глубокого и логически более фундаментального вопроса: *Кем был Бахаулла?* Если Он был носителем подлинного Откровения от Бога, то это Откровение непременно должно содержать большое количество новой информации,— причём практически важной информации. Если бы это было не так, то и Бахаулла вряд ли мог бы оказаться тем, на Чей статус Он претендовал.

Именно поэтому в данной книге мы попытаемся осветить критически важный вопрос о природе личности Бахауллы. Конечно, чтобы определить истинность или ложность Его притязаний, необходимо знать кое-какие положения Его Учения, и мы будем активно обсуждать эти принципы в связи с интересующим нас главным вопросом. Здесь также будет представлена обширная библиография для тех, кто захочет получить больше информации. Тем не менее, Я хотел бы подчеркнуть, что невозможно логически исследовать послание бахаи без ссылки на Посланника.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Персия (в настоящее время Иран) в библейские времена была сердцем легендарной империи. Впрочем, к середине XIX века она совершенно лишилась своей древней славы и почти во всём мире считалась отсталой и малозначимой страной. Реакционная монархия безраздельно властвовала над суеверным и, по большей части, безразличным населением; в свою очередь, и правительство, и народ одинаково покорялись повсеместному вмешательству фанатичных мусульманских священников. Преобладающим вероисповеданием была шиитская секта Ислама. Это было закрытое,— можно даже сказать, запечатое на все замки,— общество, враждебное ко всем прогрессивным идеям, особенно к тем, что исходили от «сатанинского» Запада. Именно в таком мрачном месте и началась в 1844 г. история Веры Бахаи. У истоков её стояли три Центральные Фигуры — Баб, Бахаулла и Абдул-Баха.

Баб (1819-1850)

23 мая 1844 г. сиййид ‘Али-Мухаммад, двадцатичетырёхлетний купец из персидского города Шираза, заявил, что Он есть Посланник Божий и Провозвестник ещё более великого Посланника, Которому суждено скоро последовать за Ним. Он принял имя «Баб» (араб. «Врата»), чтобы указать на Свою миссию — подготовить путь для скорого прихода Обетованного, предсказанного в Святых Писаниях всех религий.

Проповедь Баба взволновала всю Персию, вызвав жёсткое противодействие со стороны как правительства, так и духовенства. Он был арестован, подвергнут пыткам, помещён в тюрьму и через некоторое время казнён — расстрелян в Табризе 9 июля 1850 г. Более 20 тысяч Его последователей (известных как «баби») погибли в последовавшей за этим кровавой бане, спровоцированной властями с целью уничтожить Его Веру.

Изрешечённые пулями останки Баба были выброшены в ров за городской стеной с мыслью, что их сожрут дикие животные. Его последователи, однако, с риском для жизни спасли Его тело, обойдя небрежных охранников, и спрятали останки в безопасном месте. Сегодня они покоятся в златоглавом святилище на горе Кармель в Хайфе, в Израиле, в окружении великолепных садов.

Бахаулла (1817-1892)

Среди первых приверженцев Баба был мирзā Хусайн-‘Али, позже получивший имя Бахаулла («Слава Божия»),— именно так обращался к Нему Баб.

Потомок персидских царей и сын высокопоставленного чиновника, Он унаследовал огромные богатства, которые мог бы легко увеличить, заняв должность при дворе. Однако, к немалому удивлению придворных, Он отказался вращаться в правительственных сферах и посвятил Себя и Своё состояние целям благотворительности.

Услышав о Послании Баба, Бахаулла стал одним из самых авторитетных и пламенных сторонников этого движения. Как видный деятель общины баби, после мученической смерти Баба Он немедленно превратился в мишень для преследований. В 1852 г. Бахаулла был закован в цепи, избит и брошен в тюрьму, лишён всего Своего богатства и фактически приговорён к смерти. Однако в последний момент власти, испугавшись последствий убийства столь выдающейся фигуры, решили вместо этого выслать Его с

семьей в Багдад — город в соседнем Ираке, входившем на тот момент в состав Турецкой (Османской) империи.

На какое-то время правительство и духовенство почувствовали, что им удалось искоренить Веру Баба. Их облегчение, впрочем, было недолгим, так как движение стало постепенно возрождаться под дистанционным, но от этого не менее энергичным руководством Бахауллы. Пытаясь удалить Его ещё дальше от своих границ, Персия уговорила османское правительство изгнать Его вновь. Бахаулла и Его семья были поэтому «приглашены» в Константинополь, столицу Турецкой империи, где, как предполагали власти, они смогут относительно просто наблюдать за Ним и контролировать Его деятельность.

Накануне отъезда, в апреле 1863 г., Бахаулла объявил Своим спутникам, что Он и есть тот обещанный Посланник, о Чьём приходе настойчиво говорил Баб. Почти все баби через некоторое время приняли это объявление и стали называться бахаи.

Удаление Бахауллы в османскую столицу не только не лишило Его возможности действовать — оно имело в точности противоположный эффект. Константинополь, этот космополитичный торговый центр, часто служил перевалочным пунктом для персов и других путешественников, которые, встретившись с Бахауллой, затем несли Его Учение в самые отдалённые уголки. Кроме того, и лидеры общественной мысли, проживающие в самом Константинополе, начинали всё больше тяготеть к Бахаулле. Хотя и Он, и Его последователи решительно отмежвывались от любых политических программ, растущее духовное влияние Бахауллы через некоторое время стало тревожить турецких чиновников, уже и так находящихся под давлением со стороны правительства Персии, требовавшего сослать Его ещё дальше.

И вновь Он был внезапно изгнан, в этот раз — в отдалённый Адрианополь, турецкий эквивалент Сибири. Впрочем, эта попытка нейтрализовать Его провалилась с не меньшим треском — единственным её следствием стала активизация деятельности по распространению послания Бахауллы, и огонь Его Дела лишь ярче разгорелся.

В 1868 г. Его вконец смятенные враги ответили на это тем, что заперли Его Самого и всех Его спутников в отдалённой турецкой крепости-тюрьме Акка, — сегодня этот город находится на территории Израиля, на тот же момент он принадлежал Османской империи. Это наказание подразумевало смертный приговор — Акка была столь грязной, а обращение с узниками столь бесчеловечным, что самые стойкие заключённые редко жи-

ли там больше года. Несколько спутников Бахауллы, включая Его любимого младшего сына мирзу Михди, сгинули в этой тюрьме; Сам Он провёл три года в тюремной камере, и ещё шесть лет Его не выпускали за стены крепости.

Несмотря на тяготы тюремной жизни, Бахаулла продолжал вести Своё движение к новым победам и создавать новые произведения. Именно из Акки Он провозгласил Свою миссию королям и правителям мира, обратившись к ним в серии посланий, где призывал их уладить свои разногласия и создать глобальную федерацию, способную обеспечить справедливый и вечный мир. «Когда бы они прислушались ко Мне,— написал Он позже,— они узрели бы Землю преображённой»[23]. Тем не менее, Он поклялся, что Бог дарует победу Делу бахаи,— хоть при поддержке царей, хоть без неё.

В конечном итоге, строгость заключения смягчилась, когда черты характера и личность Бахауллы завоевали Ему уважение со стороны Его тюремщиков. В конце Его жизни, хотя Он и оставался формально заключённым, Ему разрешили свободно перемещаться, продолжать писать, принимать множество паломников и встречаться с высокопоставленными лицами, которые искали у Него совета. Когда Он умер 29 мая 1892 г., новость об этом достигла турецкого правительства в телеграмме, открывавшейся словами: «Солнце Баха́ закатилось».[24] Его земные останки покоятся близ Акки в святилище Бахджи («Восторг»), на другом берегу залива Хайфы, где возвышается гора Кармель.

Абдул-Баха (1844-1921)

Старший сын Бахауллы, Аббас, родился 23 мая 1844 г. — в ночь, когда Баб объявил о Своей Миссии. Когда Он вырос, то полностью разделил со Своим Отцом все превратности Его судьбы, став Его наиболее талантливым помощником. Известный среди бахаи как «Учитель» (на самом деле, персидский термин «*Ақā*» означает скорее «Хозяин»), Он предпочёл титул, который Сам выбрал для Себя: Абдул-Баха, «Слуга Славы». В Своём завещании Бахаулла назначил Абдул-Баха главой и толкователем Веры и сделал Его слово равным по авторитету Собственному Слову,— хотя ранг Писаний Абдул-Баха и ниже.

Всё ещё будучи заключённым, в 1898 г. Абдул-Баха принял в Акке первых западных паломников-бахаи. После Своего освобождения в 1908 г. Он предпринял серию путешествий, объехав с 1911 по 1913 год значительную часть Европы и Америки. Он рассказывал о послании Бахауллы перед многочисленными аудиториями — в церквях, университетах и частных домах,

привлѣк обширное внимание прессы и встретился со многими лидерами общественной мысли. Затем Абдул-Баха вернулся в Палестину, где получил из рук британских властей титул рыцаря за Свою гуманитарную деятельность в ходе Первой мировой войны, проследил за возведением основания Гробницы Баба, начал строить Административный Порядок, предусмотренный в Писаниях Бахауллы, и разработал долгосрочный план обучения Вере и её распространения по всей Земле.

Абдул-Баха покинул этот мир в 1921 г. и был погребѣн в северной комнате Гробницы Баба, в Хайфе.

Административный порядок бахаи

Бахаулла и Абдул-Баха предусмотрели преемственность лидерства в Вере, опирающееся на два учреждения: Хранительство — передающийся по наследству пост с исключительным правом авторитетного толкования учения бахаи, и Всемирный Дом Справедливости — демократически избираемый орган, уполномоченный издавать законы по всем вопросам, не упомянутым в Священных Текстах.

Абдул-Баха в Своём Завещании назначил Своего старшего внука Шоги Эффенди первым из Хранителей Дела Божиего. Шоги Эффенди неустанно трудился, стремясь сформировать Всемирный Дом Справедливости, который был впервые избран в 1963 г. Он также подготовил ряд мастерски выполненных переводов Священных Текстов бахаи, много писал об администрации, истории и целях Веры, завершил возведение Гробницы Баба, энергично поддерживал возведение первого в Америке Дома Поклонения бахаи и запустил ряд кампаний по обучению, в своё время спланированных Абдул-Баха.

Когда он умер в 1957 г. в возрасте 61 года, у него не было детей, и поэтому он не имел возможности назначить себе преемника согласно условиям, оговоренным в Завещании Абдул-Баха; таким образом, линия Хранителей прервалась. Хотя такой поворот событий стал большим потрясением для бахаи, он был предусмотрен Бахауллой в Его Книге Законов, Китāб-и Ақдас.[25] Согласно содержащимся там распоряжениям, сегодня Верой руководит Всемирный Дом Справедливости, резиденция которого расположена во Всемирном Центре Бахаи в Хайфе. Местными и национальными делами бахаи управляет сеть Духовных Собраний, состоящих из девяти верующих и избираемых раз в год без каких-либо ограничений по половой, расовой и классовой принадлежности или иным социальным или экономическим различиям. Выборы осуществляются тайным голосованием, без предвыбор-

ных кампаний или выдвижения кандидатур; кроме того, в этой религии нет духовенства — ни профессионального, ни какого бы то ни было иного. Финансовая поддержка принимается только от декларировавшихся верующих, все вклады делаются добровольно и конфиденциально.

В рамках своих всепланетных усилий по обучению Вере, бахаи стремились рассеяться по всему миру. В результате, хотя в мире не так много мест с большой концентрацией бахаи, Вера стала второй по географической распространённости религией на Земле, имея заметные общины практически повсюду и уступая по этому показателю только Христианству. Ежегодник Британской энциклопедии в каждом своём издании, начиная с 1988 г., ставит Христианство на первое место — 254 страны, Веру Бахаи на второе — 205 стран, и Ислам — на третье, 172 страны.[26] Кроме того, Вера демонстрирует поразительное культурное и этническое разнообразие и быстро ускоряющиеся темпы роста.

Опирающееся на самое широкое основание единство Веры позволило ей стать эффективным борцом за такие важные аспекты прогресса цивилизации, как мир во всём мире, права женщин, социально-экономическое развитие, охрана окружающей среды и всеобщая грамотность.

БОГОЯВЛЕНИЕ

Реально оценить притязания Бахауллы можно только в том случае, если мы поймём, в чём они состоят. Чтобы лучше понимать особенности Его притязаний, давайте поразмыслим о том, что говорит Бахаулла касательно природы Бога и Его Посланников.

Бахаулла учит, что существует три чётко различающихся плана бытия, или уровня реальности: мир Бога, мир человечества и мир Посланников (или «Богоявлений»), которые служат посредниками между Богом и человечеством. Здесь уместно сделать несколько замечаний касательно каждого из этих миров.

Что касается высочайшей плоскости бытия, то Бахаулла «решительно провозглашает существование и неделимость Бога-Личности — непознаваемого, недоступного, источника всех Откровений, вечного, всеведущего, вездесущего и всемогущего». Бог, описанный таким образом, «есть Бог, Который осознаёт Своё творение, имеет Ум, Волю и Цель, — в отличие от мнения большинства учёных и материалистов, которые представляют Его бессознательной и прямолинейной силой, действующей во Вселенной... То, что Бог есть Личность, не означает, что Он имеет материальную форму или имеет какое-то сходство с человеком. Подобные верования были бы безус-

ловным кощунством».[28] Бахаулла пишет, что Бог «превознесён бесконечно выше всякого человеческого свойства, такого, как телесное существование, восхождение и нисхождение, уход и возвращение... Он пребывает и всегда пребывал сокрытым в предвечности Сути Своей, и вовеки пребудет Он в Своём Естестве непроницаемым для человеческого взгляда».[29]

На другом конце спектра находится человеческий мир. Бахаулла утверждает, что Бог создал всё человечество для того, чтобы «познать Его и поклоняться Ему», а также «чтобы двигать вперёд вечноразвивающуюся цивилизацию».[31] Кроме того, всякий человек сотворён «по образу и подобию Божию» (ср. Бытие 1:25-26) — но не в телесном смысле (поскольку Бог не имеет материальной формы), а в плане того, что человек способен выразить Божии качества — знание, любовь, милосердие, справедливость, доброту, волю, возвышенность и несчётное множество других.

Однако ограниченный человеческий ум не способен постичь Бесконечного Создателя, равно как и степень отражения им Божиих качеств неизбежно будет ограничена его собственными способностями. Максимум, на что способен человек, — это непрерывно развиваться по направлению к совершенству, без надежды когда-либо достичь его. Хуже того — он не способен даже и на это, если будет опираться только на собственные силы, поскольку у него нет прямого доступа к знаниям о Боге или о Его целях. Поэтому Бог периодически, с интервалами обычно от пятисот до тысячи лет, вмешивается в историю, обеспечивая человечество рекомендациями через избранного Им Мессию-Богоявление. Бахаулла учит, что «сие тонкое, сие таинственное небесное Существо»[32] имеет два аспекта — человеческий и Божественный. Его человеческая личность есть «совершенный образ служения, подобного коему не достичь ни одному человеку».[33] Его внутренняя сущность, тем не менее, обнаруживает бесконечные совершенства Божии, подобно тому, как отшлифованное зеркало отражает образ Солнца. Он представляет Собой ретрансляционную станцию, связывающую мир Божий с миром человеческим. Эта уникальная способность — ниспосланный свыше дар, который невозможно приобрести путём учёбы или любых других усилий: «Насколько бы далеко ни продвинулись апостолы, они никогда не станут Христом».[34] Ниспосланное свыше Богоявление принадлежит к иной сфере бытия.

Разъясняя эту тему, Бахаулла пишет:

...Явил Он людям Дневные Светила Своего Божественного водительства... и повелел, что постижение сих освящённых Созданий

тождественно постижению Его Самого... Всякий из Них есть Божий Путь, что соединяет сей мир с вышними обителями, есть Стяг Его Истины для всякого в царствах земли и небес.[35] Сии пречистые Зеркала, сии Рассветы предвечной славы являют собой, все и каждый, земное Выражение Того, Кто есть главное Светило Вселенной, её Суть и конечное Предназначение. От Него исходит их знание и власть, от Него проистекает их владычество... Сии Скинии Святости, сии Изначальные Зеркала света неугасимой славы, суть ничто иное, как выражения Того, Кто есть Незримейший из Незримых... каждая из сих просвещённых Душ, каждый из сих прекрасных Ликов наделён всеми Божиими признаками, такими, как власть и господство, и подобными им, пусть даже внешне они лишены всякого земного величия.[36]

Говоря, что каждое из Богоявлений «наделено всеми Божиими признаками», Бахаулла имеет в виду именно это, не больше и не меньше: Бог Всезнающ — Богоявления «всеведущи по Своему желанию»:[37] Бог Всевластен — для Богоявлений «любая трудная или даже невыполнимая цель возможна и легка... ибо Они обладают полным могуществом»:[38] Бог непогрешим — поэтому «всё исходящее от Них тождественно истине и соответственно действительности»:[39] Бог есть любовь, источник всего доброго и совершенного — Богоявления суть «высшие олицетворения всего, что достойно любви».[40]

Несмотря на эти ниспосланные свыше качества, Посланники Божии также обладают всеми чертами людей, и эта двойственность нередко отражается в Их высказываниях. Иногда Богоявление говорит с точки зрения Своей человеческой ипостаси, выказывая абсолютную скромность и самоотречение. Иногда же Его человеческие черты характера отходят на задний план, и тогда мы слышим лишь «Глас Божества, Призыв Самого Бога».[41] Эти два вида речи могут сменять друг друга в рамках одной темы, или даже вступать в диалог друг с другом. В одной из Своих молитв Бахаулла упоминает этот восхитительный парадокс:

Когда Я созерцаю, о мой Боже, узы, что связывают меня с Тобой, Я готов возвестить всему творению: «Истинно, Я есть Бог!»; но когда Я задумываюсь о личности Своей, о, Я вижу, что она грубее глины![42]

Притязания Бахауллы на то, что Он исполнил пророчества Христа, Будды и других Божественных Посланников, никоим образом не возвышают Его над Его Предшественниками. Хотя Их откровения всегда отмерены в соответствии с восприимчивостью Их эпохи, никакое Богоявление внутренне не выше никакого другого. Их внутреннее духовное единство настолько совершенно, что Их можно «полагать единой душой и единой личностью...»:

...Обитают Они в одной скинии, парят в одних небесах, восседают на одном престоле, ведут одну речь и возглашают одну Веру.[43]

Более того, вера бахаи «решительно отвергает претензии на окончательное Откровение Божией Воли и Божиего замысла в отношении человечества».[44] Бахаулла особо подчёркивает:

Бог ниспосылал Своих Посланников, чтобы Они наследовали Моисею и Иисусу, и Он будет поступать аналогичным образом до «конца, что не имеет конца», дабы Его благодать вечно ниспосылалась человечеству с небес Божественной щедрости.[45]

Впрочем, Он заявляет, что Его Откровение будет отделено от последующего, по крайней мере, одной тысячей лет.[46]

Из этого и множества аналогичных заявлений мы можем видеть, что в притязаниях Бахауллы нет ничего туманного или двусмысленного. Статус, на который Он претендует, концептуально прост, подробно описан и имеет конкретные следствия,— а также весьма грозный масштаб. Давайте перейдём к проблеме оценки этих притязаний.

Какие доказательства могли бы подтвердить истину подобных заявлений? Какие верительные грамоты в обоснование Своей Миссии могло бы представить Богоявление, и каким образом мы можем проверить их подлинность? Конечно, это тонкий и сложный вопрос — однако именно он стоит сейчас перед нами. Прежде, чем обсуждать какие бы то ни было конкретные доказательства притязаний Бахауллы, давайте попробуем в следующей главе набросать стратегию сбора подобных доказательств и проверки их обоснованности.

Глава 3

ЛАБОРАТОРИЯ ЖИЗНИ

...Годы, проведённые во мраке в поисках истины, которую ты чувствуешь, но не можешь выразить; жгучее желание и чередование убеждённости и опасений, до тех пор, пока не прорвёшься к ясности и пониманию,— подобное могут понять только те, кто сам прошёл через это.

— Альберт Эйнштейн

Вера... цепляется за ветвь доказательства.

— Эмили Диккинсон

Логически рассуждая, мы не можем привлечь для доказательства авторитетности некоего лица сам авторитет этого лица. При таком подходе мы совершили бы логическую ошибку, называемую «самореференция». С другой стороны, бессмысленно было бы для незримого Божества раскрывать Свою волю через человеческого посланника, но при этом не дать нам путеводные нити или указания, позволяющие нам этого посланника распознать.

Бахаулла заверяет нас, что Бог способен обеспечить подобные знамения — и на самом деле делает это. Он пишет, что было бы «чуждо милости Всеблагого, Его любящему Промыслу и сострадательному милосердию» сначала отправить к людям Своего Посланника с данными, недостаточными для Его полной идентификации, а после этого карать человечество за то, что оно Его не приняло.[47] Абдул-Баха, определяющий веру как «осмысленное знание, выраженное в добрых делах»[48], отвергает «слепое подражание» в качестве основы для подобного решения. «Вы должны прийти к знанию о ниспосланных свыше Божоявлениях и Их учениях через доказательства и свидетельства».[49] — говорит Он, указывая на то, что взыскающие такого знания имеют в своём распоряжении «все возможные доказательства, опирающиеся как на разум, так и на тексты Писаний и изустные предания».[50]

Но что можно считать доказательствами? Как можно убедиться, что некое заявление истинно? В случае простых вопросов, вроде того, не идёт ли на улице дождь, проблемы нет: надо просто посмотреть. Если мы не можем посмотреть сами, то просим сделать это кого-нибудь другого. Иногда мы можем поискать ответы в книге — такой подход хорошо работает в случае телефонных номеров или высоты горы Эверест.

Однако когда перед нами встаёт по-настоящему важный вопрос, нам приходится потрудиться самостоятельно. Если Божественное Откровение действительно существует, то отклик нашей души на него вполне можно считать самым важным в жизни вопросом. Конечно же, мы должны воспользоваться интересными идеями и опытом окружающих, но наша судьба — это наша судьба, а не чья-то ещё; каждый из нас сам будет нести окончательную ответственность за наши собственные поступки. В случае действительно значимых вопросов — например, «Кем был Бахаулла?» — мы остаёмся наедине с самими собой. На кон поставлено слишком много, чтобы полагаться здесь на чужие суждения.

Естественно, нет и не может быть никакой жёсткой формулы для оценки достоверности заявлений Бахауллы. Способов здесь столько же, сколько на Земле живёт людей, и то, что сработает для одного, не обязательно сработает для другого.

Кроме того, мы должны оговорить в самом начале, что не существует никакого способа «доказать» притязания Бахауллы в смысле обеспечить железную, стопроцентную гарантию: всегда найдётся скептик, который откажется принять их; никакие доказательства не смогут продемонстрировать их истинность с математической уверенностью, и нет никакого способа исключить все возможные альтернативы. Такие абсолютные доказательства не существуют даже в точных науках — что уж говорить о столь чувствительной и личной области, как вероисповедание!

Несмотря на все эти соображения, есть масса причин решительно погрузиться в наше исследование. Пусть абсолютная гарантия нам и недоступна, но, может быть, мы сможем достичь просто высокой степени уверенности?

В этой связи было бы полезно сравнить ситуацию с той, что наблюдается в науке. Научный метод гласит, что если у нас нет абсолютной гарантии истины, следует проверить каждое значимое предположение с как можно большего числа разных точек зрения.

Абдул-Баха указывает, что есть четыре инструмента проверки некоего умозаключения: чувственное восприятие, разум, интуиция и авторитет. Учёные охотно пользуются всеми четырьмя. Они используют свои чувства (нередко усиленные приборами — микроскопами, телескопами и проч.) чтобы собирать и проверять исходные данные. Они используют разум, чтобы формулировать объясняющие эти наблюдения гипотезы и выискивать следствия из них, требующие дальнейшей проверки. Вопреки сложившемуся стереотипу хладнокровного технаря, учёные весьма склонны доверять интуиции (озарение, вдохновение, «нутром чую», «что-то подсказывает мне» — названия у этого феномена бывают самые разные): каждый великий учёный имеет сильно развитое шестое чувство, которое может проявляться во вспышках озарения, случающихся при размышлении о запутанной проблеме, или в предчувствиях насчёт того, в каком направлении следует двигаться дальше. Что касается авторитетов, то учёные считают частью своей профессиональной квалификации умение найти нужный факт в справочнике, и при прочих равных условиях они предпочтут сделать такой вывод, который бы хорошо укладывался в общепринятую систему знаний.

Учёные понимают, что каждый из этих четырёх критериев имеет свои ограничения. Человеческие чувства печально известны своей склонностью к заблуждениям. Разум, не направляемый интуицией и не сдерживаемый наблюдениями, бесплоден и часто заводит совсем не туда. Достоверную интуицию бывает нелегко отличить от предрассудков или беспочвенных мечтаний. Прежде, чем внимать авторитетам, неплохо бы убедиться, что они знают, о чём говорят, — а для этого надо самим разобраться в предмете, полагаясь, естественно, лишь на собственные ум и сердце — опять, же, склонные к ошибкам.

Тем не менее, используя все имеющиеся в нашем распоряжении инструменты как единый комплекс, мы можем прийти к пусть и не гарантированному, но в высшей степени надёжному выводу. Как только мы уменьшаем неуверенность до некоего приемлемого минимума, она даже становится полезна: некоторая доля сомнений заставляет нас держать ум и сердце открытыми и готовыми воспринять новую порцию знаний.

Цель науки — объяснить реальность, которая нас окружает. Таким образом, научный метод можно сформулировать так: «Систематическая проверка предложенных объяснений («гипотез») с помощью данных, полученных из опыта». При этом ничто не заставляет нас ограничивать «опыт» исключительно физическими условиями: опыт включает в себя всё, что познаваемо с помощью человеческих способностей (которые, как уже было сказано выше, включают чувственное восприятие, разум, интуицию и ссыл-

ки на авторитеты). С практической точки зрения, впрочем, крайне желательно, чтобы опыт был воспроизводимым — то есть, чтобы его могли повторить другие учёные. Иными словами, научное объяснение, в любой дисциплине, может быть проверено путём постановки аналогичного опыта.

Конечно, обоснованность, как и уверенность, вещь субъективная и относительная. Объяснение, которое большинство учёных сочтёт наиболее достоверным, должно удовлетворять двум критериям:

1) должно объяснять самый широкий спектр явлений с помощью самой простой из возможных моделей;

2) должно правильно предсказывать конкретные, проверяемые следствия, подтверждаемые затем наблюдениями.

Задолго до того, как космонавты увидели Землю со стороны, человек знал практически со стопроцентной уверенностью, что наша планета имеет примерно шарообразную форму. Почему? По той простой причине, что теория сферической Земли — самая простая модель, способная предсказать все важные факты, которые мы наблюдаем непосредственно или знаем из жизненного опыта. Эта теория подразумевает, например, что отплывающий корабль должен исчезать постепенно, медленно погружаясь за горизонт, а Полярная звезда в северных странах должна стоять на небе выше, чем в южных. Эти предсказания соответствуют тому, что мы видим — и данный факт был широко известен ещё древним грекам. Некоторые предсказания этой теории невозможно было проверить в то время — например, данная теория предсказывает, что путешественник, идущий достаточно долго в некоем направлении, со временем вернётся в исходный пункт. Когда Магеллан совершил своё кругосветное плавание, он предоставил нам важное подтверждение теории сферической Земли.

Многие следствия, вытекающие из новой концепции, не всегда очевидны с первого взгляда. Аристотель проницательно указал на одно из таких следствий теории сферической Земли. Зная, что лунное затмение — это тень, отбрасываемая Землёй на Луну при освещении её Солнцем снизу, он осознал, что плоское, имеющее форму монеты тело иногда отбрасывало бы овальную тень. С другой стороны, рассуждал он, сфера всегда отбрасывает круглую тень. (Это озарение кажется мне удивительно гениальным). Наблюдая затмения и проверяя древние записи, Аристотель убедился, что тень Земли — всегда круглая, то есть её может отбрасывать только шар. Исходя из этого, а также из наблюдений за Полярной звездой и кораблями, Аристотель и другие греческие философы сделали правильный вывод, что Земля имеет сферическую форму.

Поэтому критически важный шаг в проверке научной гипотезы — это определение вытекающих из неё следствий: нам нужно что-то, что мы способны проверить с помощью чувственного восприятия, разума, интуиции и ссылок на авторитеты. Как только мы найдём ответ на этот вопрос, мы сразу поймём, в каком направлении следует копать.

В большинстве случаев самый лёгкий способ проверить правильность теории — это постараться, со всей возможной честностью, опровергнуть её предсказания. Если она выстояла под огнём критики, мы начинаем доверять ей. Астрофизик Стивен Хокинг объясняет:

Любая физическая теория всегда имеет статус предварительной,— в том смысле, что это всего лишь гипотеза: её никогда невозможно доказать. Вне зависимости от того, сколько раз результаты экспериментов сходятся с некоей теорией, никогда нельзя быть уверенным, что в следующий раз они не будут ей противоречить. С другой стороны, для опровержения теории достаточно единственного факта, который бы противоречил её предсказаниям. Как подчеркнул философ науки Карл Поппер, хорошая теория отличается тем, что делает ряд предсказаний, которые, в принципе, можно опровергнуть путём наблюдений. Каждый раз, когда результаты очередного эксперимента подтверждают предсказания теории, она доказывает свою жизнеспособность, и наша убеждённость в её правильности крепнет; но как только обнаруживается факт, который ей противоречит, нам приходится отвергать её или модифицировать. Впрочем, всегда остаётся вариант, когда вы можете поставить под сомнение компетентность экспериментатора или наблюдателя.[51]

Как показывает последнее замечание Хокинга, научный метод куда проще в теории, чем на практике. Учёный может преуспеть (если ему повезёт) только после периода глубоких сомнений, немногим отличающегося от того «беспросветного душевного мрака», о котором святые и мистики говорят как о нормальной стадии духовного роста. Хотя научный метод и не способен избавить нас от этой борьбы, он позволяет нам преодолевать встающие перед нами препятствия планомерно и не впадая в отчаяние: опираясь на него, мы можем отыскать свежие и творческие пути вперёд в ситуации, когда наши поиски заходят в тупик, а также определить, достигли мы нашей цели или нет. Если простая, изящная модель объясняет большое

количество фактов, которые ранее казались несвязанными друг с другом, правильно предсказывает множество необычных и неожиданных открытий, и при этом сопротивляется нашим систематическим попыткам опровергнуть её, то у нас появляется вполне обоснованная убеждённость в её правильности. Именно таково понятие «научного доказательства» — то есть, сам термин внутренне противоречив, потому что в реальном мире доказать, как выясняется, ничего нельзя.

Убеждённость, приобретаемая с помощью этого метода, вполне соответствует тому ощущению убеждённости, которое известно в религиях как «вера». Данный метод доступен всем нам, а не только учёным. Он полезен при оценке любых предположений — не только тех, которые описывают физическую реальность. В нём задействуется весь спектр наших аналитических ресурсов — и духовных, и эмоциональных, и материальных. Научный метод в его расширенной интерпретации — отнюдь не техническая процедура; это цельное мировоззрение и мироощущение, охватывающее все аспекты нашего бытия.

Теперь давайте представим, что мы собрались проверить научную гипотезу о том, что Бахаулла — прямой канал связи со всезнающим и непогрешимым Верховным Существом. Сразу же становится ясно, что было бы затруднительно представить себе некий универсальный тест, с помощью которого истинность этой гипотезы была бы установлена ко всеобщему удовлетворению. С другой стороны, если эта гипотеза ложна, то её достаточно легко дискредитировать. Официально зафиксированные изречения Бахауллы и тексты, написанные Его Собственной рукой, занимают, по крайней мере, сотню томов, причём Он Сам по этому поводу говорит следующее:

...Из уст Моих не исходит ничего, кроме сути истины, кою открыл Господь Бог ваш.[52]

Такая заявка, безусловно, влечёт за собой далеко идущие следствия, которые каждый человек способен проверить с помощью наблюдений и логических умозаключений.

Вот несколько идей касательно того, с чего можно начать:

Бахаулла сделал большое количество подробных пророчеств. Исполнились они или, наоборот, были опровергнуты реальными событиями?

Он описывал неизвестные при Его жизни научные факты. Подтвердились они или были решительно опровергнуты за прошедшее столетие?

Он говорит, что Его слова обладают уникальной созидательной силой, способствующей духовному росту. Можем ли мы, читая эти слова и размышляя о них, почувствовать эту силу?

Мы вправе ожидать, что ниспосланное свыше идеальное Существо должно было производить чрезвычайно сильное впечатление на тех, кто с Ним сталкивался. Какое воздействие оказывал Бахаулла на окружающих Его людей?

Он диктовал Свои книги и письма на высокой скорости, никогда не останавливаясь, чтобы отыграть назад или поразмыслить над следующей фразой, и часто у Него не было возможности разработать концепцию ответа заранее. Был ли Он способен в ходе такой импровизации создавать завершённые, внутренне согласованные работы, как логично следует из идеи Откровения? Или эти письменные документы, несмотря на общие яркие достоинства, демонстрируют широкий разброс по качеству, вполне ожидаемый в случае человеческого автора, сочиняющего экспромтом?

Он притязал на обладание врождённым, вдохновлённым свыше знанием. Имел ли Он возможность приобрести эти способности и знания благодаря учёбе или самообразованию?

Вот лишь несколько способов проверить заявления Бахауллы. Проявив немного фантазии, мы можем найти множество других. Мы не можем с уверенностью доказать истинность столь многообещающих заявлений, исходя из некоего единственного теста. Допустим, однако, что чем больше испытаний мы разрабатываем, чем шире наша область исследований и чем глубже мы копаем, тем больше все наши открытия подтверждают достоверность гипотезы об истинности заявлений Бахауллы. Не наступит ли такой момент, когда весь наш опыт и все наши наблюдения сложатся в «уверенность без тени сомнения»?

Любой человек может провести такое исследование, и никто заранее не вправе предсказывать его результат. Эта книга — лабораторный журнал одного такого исследования. Здесь систематически обсуждаются все направления проверки заявлений Бахауллы, которые я на тот момент смог себе представить. Я заявляю, что собранные в результате доказательства, — которые, теоретически, легко могли бы опровергнуть притязания Бахауллы, — в действительности каждый раз подтверждают их. Здесь нет «абсолютных доказательств»: из всего вышесказанного мы знаем, что никакие доказатель-

ства не способны переубедить упёртого скептика. Ничто не может продемонстрировать достоверность заявлений Бахауллы с точностью математической теории или исключить все альтернативные гипотезы. Мы можем только заявить, что наиболее простая модель, объясняющая и наиболее полно предсказывающая всё, что мы, теоретически, можем выяснить касательно Бахауллы,— это модель, принимающая истинность Его притязаний. Если она правильна, то наша вера в Бахаулла может считаться не менее обоснованной, чем любая другая общепринятая научная теория.

Глава 4

ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Буря, небывалая по силе своей, непредсказуемая в направлении своём, грозящая катастрофой ныне живущим, но в грядущем предвещающая невиданную славу, проносится сейчас над землёй, сметая всё на своём пути... Могучие силы этих титанических потрясений постижимы лишь для тех, кто принял притязания и Бахауллы, и Баба.

— Шогги Эффенди

Термин «предсказание» означает разные вещи в науке и в религии. Когда мы изучаем религию научным методом, важно проводить между этими значениями чёткое различие. В науке предсказанием именуется любое проверяемое логическое следствие гипотезы или теории. Оно может описывать и будущие события, и прошлые наблюдения, и то, что происходит перед нами прямо сейчас. Предсказание в религиозном смысле обычно подразумевает пророчество — проблеск будущего, раскрытый нам благодаря словам пророка. Хотя научные и религиозные значения этого термина иногда перекрываются, они отнюдь не идентичны.

Помня об этом различии, давайте рассмотрим научное предсказание (т. е. проверяемое логическое следствие гипотезы), касающееся предсказания религиозного (т. е. пророчества): если Бахаулла действительно был Богоявлением, то Он мог предсказывать грядущие события. Для Того, Кто способен узнать что угодно по Своему желанию и при этом гарантированно свободен от заблуждений, будущее должно быть открытой книгой.

Это практическое следствие притязаний Бахауллы на обладание Откровением мы можем проверить путём наблюдений, логических умозаключений, интуиции и опоры на заслуживающие доверия авторитеты. Как и в случае любой другой хорошей научной гипотезы, мы можем искать доказательства, способные опровергнуть его. «Если пророк скажет именем Господа,— говорится в Ветхом Завете,— но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово»...[53] Заметьте, насколько этот подход соответствует современному научному методу: Библия не утверждает, что единственное правильное пророчество (или даже несколько таких проро-

честв) доказывает, что данный человек — Божоявление. Она лишь сообщает, что очевидная неспособность делать правильные пророчества дискредитирует такую заявку. Очевидный вывод здесь, однако, заключается в том, что если кто-нибудь, притязающий на вдохновение свыше, делает множество конкретных, на первый взгляд неправдоподобных, но при этом проверяемых пророчеств,— пророчеств, неисполнение которых подрвёт наше доверие,— и эти пророчества неизменно сбываются, то мы почти наверняка серьёзно задумаемся. Понятно, что разные люди по-разному определяют для себя, насколько то или иное пророчество поддерживает такую заявку, или сколько «срабатываний» нужно для вынесения положительного вердикта. Тем не менее, в какой-то момент нам наверняка покажется более обоснованным всё-таки принять это заявление, а не продолжать откладывать решение «на потом».

Сам Бахаулла пишет по этому поводу:

Мы раскрыли Божественные тайны и самым доступным языком предсказали будущие события, дабы ни сомнения неверующих, ни протесты заблудших, ни наиётывания безрассудных не могли скрыть от искателей истины Источник света Единого истинного Бога.[54]

Большинство случившихся на сей земле событий было возглашено и предсказано Наивозвышенным Пером... Всё, что ниспослано свыше, уже сбылось или сбудется, слово в слово, на сей земле. Ни у кого нет возможности отворачиваться прочь или выдвигать возражения.[55]

Объективное изучение подобных пророчеств в свете последующих событий либо подтвердит, либо опровергнет эти утверждения. Таким образом, мы нашли хорошую отправную точку для нашего исследования.

Рассматривая пророчества Бахауллы, я буду иногда также ссылаться на заявления, которые делали Баб и Абдул-Баха. Баб претендовал на статус не только Провозвестника Бахауллы, но и независимого Божоявления, причём этот Его статус был полностью подтверждён Бахауллой. Абдул-Баха, хотя и не считается Божоявлением, тоже считается безошибочным: Он был назначен Бахауллой в качестве направляемого свыше Толкователя Веры, Чьи слова столь же авторитетны и обязательны для исполнения всеми верующими, как и слова Самого Бахауллы. Следовательно, все достоверные заявления этих трёх Центральных Фигур Веры составляют Священное Пи-

сание бахаи, и Их пророчества облечены авторитетом Бахауллы. Иными словами, Бахаулла предсказывает (по крайней мере, косвенно), что пророчества Баба и Абдул-Баха столь же надёжны, как и Его Собственные.

Итак, какие мы можем вспомнить события, которые, по словам Бахауллы, сбылись, будучи заранее «возглашены и предсказаны Наивозвышенным Пером»? Вот те, о которых известно мне, и которые я собираюсь обсудить на нижеследующих страницах:

1. Падение французского императора Наполеона III и последующий развал его империи.
2. Поражение Германии в двух кровавых войнах, что приведёт к «плачу Берлина».
3. Успех и устойчивость правления королевы Виктории.
4. Смещение 'Али-пāши, премьер-министра Турции.
5. Свержение и убийство турецкого султана 'Абдул-'Азйза.
6. Развал Османской империи, приведший к исчезновению «показного великолепия» её столицы, Константинополя.
7. Падение Нāсир ад-Дйн-шаха, персидского монарха.
8. Возникновение конституционного строя в Персии.
9. Крупномасштабный (хотя и временный) упадок монархии по всему миру.
10. Постепенная утрата церковью своей власти по всему миру.
11. Крах мусульманского халифата.
12. Подъём коммунизма — «движения левых», и распространение его власти по всему миру.
13. Катастрофический упадок этого же движения, спровоцированный коллапсом уравнилельной экономики.
14. Возрождение Израиля как родины иудеев.
15. Преследования евреев на Европейском континенте (нацистский Холокост).
16. Жестокие межрасовые конфликты в Америке.

17. Освобождение Бахауллы из тюрьмы города Акка и установление Его шатра на горе Кармель.
18. Захват и осквернение дома Бахауллы в Багдаде.
19. Провал всех попыток создать раскол в Вере Бахаи.
20. Взрывное ускорение научно-технического прогресса.
21. Разработка ядерного оружия.
22. Открытие трансмутации элементов, давней мечты алхимиков.
23. Страшная опасность для всего человечества в результате этого достижения.
24. Открытие того, что сложные элементы развиваются в природе из простых.
25. Признание планет необходимым побочным продуктом образования звёзд.
26. Космические путешествия.
27. Открытие заразных форм рака.
28. Провал поисков «недостающего звена» между человеком и обезьяной.
29. Отсутствие механического эфира (предполагаемого посредника для распространения света, постулированного в классической физике), и его переопределение как умопытельной реальности.
30. Отказ от механических моделей (буквальных образов) как основы для понимания физического мира.

Я рассмотрю каждое из этих пророчеств и расскажу, когда и каким образом каждое из них было сделано, а затем исполнилось. Однако сначала давайте предпримем краткий экскурс в историю.

СКРИЖАЛИ К ЦАРЯМ

Незадолго до прибытия в Акку в 1868 г., а также на протяжении нескольких лет после этого, Бахаулла рассылал царствующим монархам всего мира письма, написанные могущественным и величественным стилем, где излагал Свои притязания и объяснял Свою программу установления всеобщего мира.[41] Он обратился с аналогичными письмами коллективно к тем же самым правителям и главам государств, а также к религиозным лидерам, различным сегментам общества и человечеству в целом.

В этих письмах (которые обычно называют «Скрижалями») Бахаулла заявляет, что человеческое общество скоро полностью преобразится благодаря рождению всемирной цивилизации: «Вскоре нынешний порядок будет свёрнут, и на смену ему предстанет новый.[56] Это величественное преобразование, по Его словам, случится благодаря действию исторических сил, которые Бог безжалостно привёл в движение и которым короли могут сопротивляться (или игнорировать их) только ценой собственного благополучия. Он посоветовал им «пожалеть себя и тех, кто зависит от вас» и объединить силы с тем, чтобы достичь единства человечества.

Бахаулла указал три способа того, как короли могли отреагировать на этот призыв:

1) Они могли исследовать Его притязания, признать Его источником и автором Нового Мирового Порядка и установить, ещё при Его жизни, «Величайший Мир», — то есть даровать человечеству новое духовное рождение, объединив его во всепланетное братство.

2) Даже отвергнув Его притязания, короли всё равно могли бы кое-что сделать немедленно, а именно — установить «Малый Мир», то есть политический союз, включающий создание всемирного правительства и системы коллективной безопасности, способной упразднить войны. Хотя эта временная мера сама по себе не излечила бы глубокие духовные недуги, терзающие человечество, она сделала бы такое исцеление возможным, открыв путь для установления, в долгосрочной перспективе, Величайшего Мира.

3) Они могли отвергнуть оба вышеописанных предложения. В этом случае Бог, действуя руками обычных людей, через какое-то время всё равно установит как Малый, так и Величайший Мир. В краткосрочной перспективе, однако, результатом этого решения должны были стать невиданные доселе «потрясения и хаос».

В этом широком контексте Бахаулла дал конкретные советы отдельным правителям, по ходу сделав несколько подробных пророчеств. Самые важные из этих писем были сведены воедино в книге под названием Сӯрий-и-Хайкаль (Скрижаль Храма), опубликованной в 1869 г. в Бомбее, Индия, и впоследствии несколько раз переиздававшейся. Многие из пророчеств, о которых я буду говорить, были явлены именно в этой Книге; все они были опубликованы и широко распространены задолго до описываемых там событий.

Наполеон III

Пророчество 1: Падение французского императора Наполеона III и последующий развал его империи.

Император Франции Наполеон III Бонапарт, племянник более знаменитого Наполеона I, был самым могущественным и блестящим западным монархом своего времени. Он мечтал о том, чтобы пойти по стопам своего великого дяди и завершить столь безвременно прерванную кампанию по захвату всего мира.

Получив первое из двух писем Бахауллы, он, по слухам, отбросил его прочь со словами: «Если этот человек Бог, то я — два Бога!»[58] Второе письмо Бахауллы к нему как раз и вошло в сборник Сӯрий-и-Хайкаль. Осуждая неискренность императора и его страсть к войне, Бахаулла писал:

За сотворённое тобой царство твоё будет ввергнуто в смуту, и империя твоя выпадет у тебя из рук в наказание за то, что соделал ты. Тогда узнаешь ты, сколь очевидно заблуждался. Смута охватит весь народ твоей страны, если только ты не поднимешься, дабы поддержать Дело сие, и не последуешь за Тем, Кто есть Дух Божий [Иисус], по сей прямой Стезе. Не возгордился ли ты властью своей? Жизнью Своей клянусь! Недолго пребудет она; нет же, скоро она исчезнет, если только ты не возьмёшься прочно за сию надёжную Нить. Мы видим, как унижение спешит за тобой, ты же остаёшься беспечным...[59]

Абдул-Баха вспоминает:

Текст этого предупреждения стал известен всей Персии... и поскольку книга Сӯрий-и-Хайкаль обошла Персию и Индию и находилась в руках верующих, то они с нетерпением ждали, что же последует.[50]

Наполеон же, находясь на вершине своего могущества, начал в 1870 г. войну с Германией, полагая, что сможет легко взять Берлин. Хотя, как отмечает Абдул-Баха, «никто в тот момент не ожидал победы Германии»[61], французская армия в тот год потерпела поражение при Саарбрюккене, Вайсенбурге и Меце и, в конечном итоге, была полностью разгромлена при Седане. Разгром и сдача наполеоновской армии стали «величайшей капитуля-

цией в современной истории».[62] Сам Наполеон был взят немцами в плен и бесславно закончил свою жизнь в Англии два года спустя.

Германия

Пророчество 2: Поражение Германии в двух кровавых войнах, что приведёт к «плачу Берлина».

В Германии ещё не стихли победные крики, а Бахаулла уже выступил с предупреждением к её правителям о том, чтобы они не шли по тому же пути агрессии, который привёл французского императора к краху. В Своей книге законов, Китаб-и-Агдас («Наисвятой Книге»), написанной примерно в 1873 г., Бахаулла обращается с такими словами к германскому кайзеру Вильгельму I:

О государь Берлина!.. Помнишь ли того, чья власть превосходила твою власть и чьё положение было выше твоего положения? Где он? Куда исчезло то, чем он владел? Вот предупреждение тебе, не будь же среди тех, кто крепко спит. Это он отбросил Скрижаль Божию, когда Мы известили его о том, что довелось Нам претерпеть от рук воинов угнетения. Посему позор обрушился на него со всех сторон, и он пал во прах с великим ущербом. Задумайся об участи его, о Государь, а также об участи тех, кто, подобно тебе, завоёвывал грады и правил людьми. Низверг их Всемиловитивый из дворцов в могилы. Внемли же предупреждению и будь из тех, кто размышляет.[63]

Затем Бахаулла раскрывает перед нами удивительную картину сломленной и истекающей кровью Германии, пережившей два последовательных вооружённых конфликта:

О берега Рейна! Мы видели, как на вас запеклась кровь, ибо клинки возмездия обратились против вас; и сие повторится вновь. И Мы слышим плач Берлина, хотя днесь пребывает он в явном почёте.[64]

В ходе Своих путешествий по Западу в 1912 г. Абдул-Баха, процитировав это и другие пророчества Бахауллы, предупредил, что «всемирная война» надвигается быстро и неотвратимо. Его предсказания широко освещались тогда в прессе Северной и Южной Америки, Канады и Евро-

пы,— равно как и Его призывы ко всем нациям начать мирный процесс, опирающийся на принципы Его Отца. Вернувшись к Себе домой, на Святую Землю, Абдул-Баха начал готовиться к грядущей смуте, накапливая продовольственные и лекарственные запасы. Хайфа, будучи Всемирным Центром набирающего силу движения бахаи, стала на тот момент центром притяжения для паломников как с Востока, так и с Запада. Примерно за шесть месяцев до начала военных действий Абдул-Баха ввёл мораторий на приезд новых паломников и начал отсылать прочь тех, кто уже находился на тот момент в Хайфе. Сроки этих поэтапных отъездов были таковы, что к концу июля 1914 г. все гости покинули город. Мудрость Его плана стала очевидна, когда в первые дни августа внезапно вспыхнула Первая мировая война, ошеломившая весь мир и создавшая в Хайфе и на всей Святой Земле исключительно трудную и опасную ситуацию.

Путешествуя по Калифорнии в 1912 г., Абдул-Баха, по некоторым сообщениям, сказал, что в надвигающейся битве «вся Европа будет охвачена пламенем» и подвергнется беспрецедентному опустошению:

*К 1917 году надут царства и катаклизмы сотрясут землю.[65]**

Последующие события полностью оправдали эти прогнозы. Тем не менее, немецкие победы в течение этого периода, а особенно в ходе последнего большого наступления весной 1918 года, были столь впечатляющими, что предвидение Бахауллы касательно поражения Германии высмеивалось врагами Веры бахаи по всей Персии. Только после внезапного и неожиданного краха немецкой военной машины это пророчество доказало свою истинность. Именно тогда на берегах Рейна, действительно, «запеклась кровь, ибо клинки возмездия обратились против» этого народа.

Общенациональный кошмар Германии, впрочем, только начинался. Развивая анализ следствий, вытекающих из слов Своего Отца, Абдул-Баха написал в январе 1920 г.:

Балканы будут по-прежнему недовольны. Их беспокойство будет нарастать. Потерпевшие поражение державы продолжат возбуждать смуту. Они не погнушаются ничем, лишь бы вновь разжечь пламя войны.[66]

* Эти комментарии, взятые из заметок г-жи Коринн Тру, выдающейся американской бахаи того времени, были опубликованы в чикагской *The North Shore Review* 26 сентября 1914 г.

Он самым ясным образом заявил:

Несомненно, вспыхнет ещё одна война, более свирепая, чем прошедшая.[67]

Именно это и произошло с подъёмом гитлеровского Третьего Рейха и началом Второй мировой войны,— хотя, как и в предыдущий раз, немецкие военные кампании поначалу развивались столь успешно, что дело шло скорее к опровержению пророчества Бахауллы, чем к его подтверждению. Победа союзных сил казалась, до самого конца войны, далеко не очевидной.

И вновь события неуклонно раскрывали нам смысл пророчества. «Явный почёт», в котором пребывал Берлин во дни Бахауллы, сменился, как Он и предсказывал, его «плачем». После первой войны этот когда-то великий город склонился под ярмом чудовищных условий грабительского договора; после второй он был разделён на две зоны, контролируемые, соответственно, Восточным и Западным блоком. Печально известная «Берлинская стена», воздвигнутая в 1961 г., стала бетонным символом трагедии, в которую более чем на сорок лет погрузился этот город.*

Королева Виктория

Пророчество 3: Успех и устойчивость правления королевы Виктории.

Послание Бахауллы британской королеве Виктории, в отличие от Его обращений к Наполеону III и кайзеру Вильгельму I, было выдержано в оптимистическом ключе. Впрочем, и в этом случае оно ярко противоречило тогдашнему уровню понимания ситуации. Положение Королевы Виктории казались на тот момент весьма шатким; её здоровье было далеко от идеального, а популярность падала, поскольку она вышла замуж на немца. Бахаулла пообещал ей, что Бог укрепит её правление в награду за её справедливую и человеколюбивую политику. Особенно высоко Он оценил два пункта стратегии её государственного управления: соблюдение незадолго принятых

* Когда я впервые писал эти слова в ноябре 1989 г., «Берлинская стена» как раз открылась, и более двух миллионов ликующих граждан обеих частей Германии пересекли её за один день. Меньше чем через год Германия вновь стала единой нацией, пусть и терзаемой непростыми проблемами.

до этого законов, запрещающих торговлю рабами, и деятельность по расширению и углублению избирательных прав в метрополии.*

О королева в Лондоне! — писал Бахаулла.— Преклони слух свой к гласу Господа твоего, Господа всего человечества. Он, воистину, явился в мир в Своей величайшей славе, и всё упомянутое в Евангелии сбылось. Нас уведомили, что ты запретила торговлю рабами, как мужчинами, так и женщинами. Сие, без сомнения, есть то, что Бог предписал в сём дивном Откровении. За это Бог, воистину, назначил вознаграждение тебе... Мы также слышали, что ты отдала бразды совета в руки народных представителей. Ты, воистину, поступила правильно, ибо тем самым фундамент, на который опирается здание твоих дел, укрепитя, и сердца всех обретающихся под сенью твоей, будь они высокого или низкого звания, обретут спокойствие.[68]

Из всех правителей, которых Бахаулла пригласил исследовать Его Дело и помочь Ему, только королева Виктория снизошла хотя бы до учтивого ответа. «Если это от Бога,— якобы сказала она,— то это дело выстоит; если же нет, оно не принесёт вреда».[69]

В точности как и предвидел Бахаулла, её правление «укрепилось» и Великобритания процветала под её рукой. Она царствовала до 1901 г., и из всех династий, к представителям которых обращался Бахаулла, до сегодняшнего момента дожил только её царствующий дом.†

* Закон 1867 г. о народном представительстве, например, почти удвоил численность английского электората; соответствующие законы для Шотландии и Ирландии, принятые на следующий год, дали аналогичный результат.

† Внучка королевы Виктории, королева Мария Румынская, стала преданным и бесстрашным последователем Бахауллы. Её вера в Его Божественный авторитет, часто провозглашавшаяся ею в печати, вызывала такое изумление среди других царственных особ, что она написала по этому поводу:

«Некоторые представители моего круга удивляются и осуждают моё мужество, когда я делаю этот шаг и произношу слова, непривычные для венценосных особ, однако эти мои поступки обусловлены внутренним побуждением, которому я не могу противиться».

Корона Турции

Пророчество 4: Смещение ‘Али-пáши с поста премьер-министра Турции.

Пророчество 5: Свержение турецкого султана Абдул-‘Азйза.

Турецкий султан ‘Абдул-‘Азйз правил Османской империей, куда Бахаулла был изгнан в 1853 г. и где Он провёл оставшиеся сорок лет Своей земной жизни. Турецкое правительство поначалу не тревожило Бахаулла, однако со временем тоже начало считать Его возможным источником политической смуты. Отвечая на эти страхи, а также на мощное давление со стороны персидских властей, султан три раза ссылал Бахаулла вместе с семьёй и спутниками. Финалом этих репрессий стало тюремное заключение в крепости-тюрьме города Акка. Среди жертв этих грубых преследований было множество женщин с маленькими детьми — то есть людей, очевидно не виновных ни в каких преступлениях против государства.

За все эти годы Бахаулла не раз обращался к султану с решительными протестами, как напрямую, так и через разных министров его двора. Он порицал несправедливость и жестокость его распоряжений; призывал — безуспешно — выделить Ему десять минут на личную аудиенцию, чтобы Он мог ответить на выдвигаемые против Него обвинения; опровергал любые инсинуации касательно того, что Он когда-либо пытался, — или когда-нибудь будет пытаться, — подорвать императорскую власть; указывал, что Его Учение требует верноподданного служения находящемуся у власти правительству; и советовал султану поступать со своим народом справедливо. Он также сделал несколько ярких пророчеств.

Ключевыми игроками в этой драме были двое высокопоставленных чиновников султана: ‘Али-пáшá, турецкий премьер-министр, и Фу’ад-пáшá, министр иностранных дел. Эти могущественные люди сделали всё, чтобы разработать репрессивную политику, на которую ‘Абдул-‘Азйз затем дал своё высочайшее одобрение.

В ходе Своего изгнания в Адрианополь Бахаулла обратился к ‘Али-пáше со Скрижалью под названием Сўрий-и Ра’йс, заявив, что премьер-министр скоро обнаружит себя в состоянии «очевидного убытка».[70] В 1868 г., вскоре после прибытия в Акку, Он повторил это пророчество во

втором письме к ‘Алй-пāше и вновь осудил действия всего османского правительства:

Вскоре Он [Бог] схватит вас в яростном гневе Своём, мятеж вспыхнет среди вас и ваши владения распадутся. Тогда будете вы сожалеть и сокрушаться, но не найдётся никого, чтобы помочь вам или утешить вас... Ожидайте... ибо гнев Божий готов обрушиться на вас. Вскоре узрите вы то, что было ниспослано Пером Моего повеления.[71]

Вскоре после этого, в широко распространившейся Скрижали под названием Лаух-и-Фу’ад, Бахаулла вновь предрёк падение премьер-министра. В этот раз, однако, Он расширил пророчество, включив в него также и султана ‘Абдул-‘Азйза. Комментируя преждевременную смерть Фу’ад-пāши в 1869 г., Скрижаль заявляет:

Скоро низложим Мы того [‘Алй-пашу], кто был подобен ему, и наложим руку на их Начальника [‘Абдул-‘Азйза], который правит страной, ведь Я, воистину, Всемогущий, Всеподчиняющий.[72]

Это пророчество казалось в тот момент столь нелепым, что выдающийся исламский учёный и богослов мйрзā Абу-ль-Фадл ухватился за него как за шанс дискредитировать Бахаулла. Он указал, что выражение «наложить руку на кого-то» означает, на исходном языке Скрижали, жестокую и внезапную гибель этого человека в результате Божественного суда. Таким образом, Бахаулла чётко говорит здесь, что султан будет неожиданно убит. Считая это предположение фантастическим, мйрзā Абу-ль-Фадл заявил, что для него выполнение или невыполнение одного этого пророчества станет решающим экзаменом на достоверность этого так называемого Откровения. Чтобы драматизировать свою уверенность в том, что пророчество окажется пустышкой, он дал клятву присоединиться к рядам приверженцев Бахауллы, если султана действительно постигнет предсказанная ему участь.

Детали того, что именно произойдёт с султаном согласно пророчеству, были раскрыты в другой Скрижали, где Бахаулла предупреждал султана, чтобы он остерегался предательства со стороны неверных подчинённых:

Предавший Бога предаст и своего царя... Остерегайся, дабы бразды правления твоей державой не перешли в чужие руки, и не полагайся на вельмож, недостойных твоего доверия... Избегай их

и держи себя в неусыпной бдительности, дабы их ухищрения и происки не навредили тебе.[73]

Через несколько лет после изгнания Бахауллы в Акку ‘Алй-пāшā был смещён со своего поста премьер-министра. Лишившись своей силы, он погружился в пучину забвения. Таким образом, первая стадия пророчества исполнилась. Вторая стадия наступила в 1876 г., когда султан ‘Абдул-‘Азйз был внезапно свергнут в результате дворцового переворота и четыре дня спустя убит. Получилось, что монарх был предан и убит теми самыми подчинёнными, против которых Бахаулла предупреждал его.

В идеальном мире мйрзā Абу-ль-Фадл, наверное, спокойно счёл бы этот результат интереснейшей демонстрацией пророческой силы Бахауллы и признал Его. В реальном же мире всё оказалось не так просто. Неожиданное исполнение пророчества так разгневало и напугало его, что когда бахаи напомнили ему о его клятве, он лишился самообладания. Тем не менее, этот эпизод разрушил оболочку его самодовольства и побудил его, впервые в жизни, серьёзно рассмотреть притязания Бахауллы. После периода молитв и тщательного изучения он убедился в их истинности. Отказавшись от своей высокой должности (он возглавлял один из ведущих исламских университетов Тегерана), он стал вести жизнь в нищете, периодически попадая в тюрьму за распространение послания Бахауллы. Его книга «Доказательства бахаи», а также длительная поездка в Америку в первые годы XX века, весьма помогли развитию Веры в этой стране. (Собственный рассказ мирзы Абу-ль-Фадла об этом эпизоде см. в книге Адиба Тахерзаде «Откровение Бахауллы», т. III, стр. 97-104.)

Османская империя

Пророчество 6: Развал Османской империи, приведший к исчезновению «показного великолепия» её столицы, Константинополя.

В одном из процитированных выше писем Бахаулла предупреждал турецкие власти: «Ваши владения распадутся». Владения эти на тот момент протянулись от центра Венгрии до Персидского залива и Судана, от Каспийского моря до алжирского города Орана в Африке. Бахаулла также сделал конкретные пророчества касательно Адрианополя и Константинополя (последний был тогда столицей империи). В первом из двух писем к ‘Алй-пāше Он писал:

Близится день, когда Земля Тайны [Адрианополь], и всё, что рядом с ней, изменится, и уйдёт из-под руки царя, и вспыхнут волнения, и поднимется плач, и свидетельства смуты явятся со всех сторон, и смятение распространится по причине того, что выпало сим пленникам от рук воинов угнетения. Ход событий изменится, и обстоятельства станут столь мучительны, что даже пески на пустынных холмах будут стонать и деревья на горах возрыдают, и кровь потечёт из всех вещей. Затем узришь ты сей народ пребывающим в горьких бедствиях.[74]

В Китāб-и Ақдас, явленной вскоре после изгнания из Адрианополя в Акку, Бахаулла так обратился к резиденции турецких властей:

О Край [Константинополь], лежащий на берегах двух морей! Престол тирании, воистину, воздвигнут в тебе, и пламя ненависти разгорелось в груди твоей... Несомненно, преисполнен ты явной гордыни. Тщеславишься ли ты внешним блеском своим? Клянусь Тем, Кто есть Господь человечества! Вскоре он исчезнет без следа, и возрыдают дочери твои и вдовы, и все племена, что обретаются в тебе. Так возвещает тебе Всезнающий, Премудрый.[75]

Если эти пророчества, может быть, и звучали несколько мелодраматично, когда Бахаулла записывал их, вскоре они стали восприниматься уже совершенно иначе. История пошла таким путём, что они стали выглядеть чуть ли не шедевром преуменьшения истины. За восстаниями на Крите и Балканах последовала война 1877-1878 годов, после которой по крайней мере одиннадцать миллионов человек были освобождены из-под турецкого ига. Русские войска заняли Адрианополь, исполняя предсказание о том, что он «уйдёт из-под руки царя». Сербия, Черногория и Румыния провозгласили свою независимость; Болгария стала самоуправляемым государством, платящим дань; Кипр и Египет были оккупированы; французы установили протекторат над Тунисом; Восточная Румелия отошла Болгарии; тысячи армян лишились жизни в нескольких кровавых боях; Босния и Герцеговина были захвачены Австрией; и наконец, повсеместная ненависть к правительству привела к Младотурецкой революции. Военные неудачи в Первой мировой войне ещё больше ослабили империю; арабские провинции восстали; 90 % турецкой армии погибло или дезертировало; четвёртая часть населения погибла от войны, болезней, голода или массовых казней. Мухаммад VI, по-

следний султан, был свергнут, завершив столетнюю династию, к которой принадлежал и его предшественник ‘Абдул-‘Азйз. Огромная Турецкая империя сжалась в скромную азиатскую республику, а её столица Константинополь была брошена завоевателями и лишилась своего «показного великолепия».

Нәсир ад-Дйн-шәх

Пророчество 7: Падение Нәсир ад-Дйн-шәха, персидского монарха.

Самая длинная из Скрижалей Бахауллы, адресованных монархам индивидуально, была послана Им правителю Его родной страны Нәсир ад-Дйну, шаху персидскому. В ней Бахаулла заверял шаха в Своей лояльности, предлагал Свою помощь и ходатайствовал о справедливом рассмотрении Своих притязаний. Значимый для нас отрывок гласит:

О если бы украшающее мир пожелание Его Величества постановило, дабы сей Слуга мог встретиться лицом к лицу с богословами сей эпохи и представить доказательства и свидетельства в присутствии Его Величества Шаха! Сей Слуга пребывает в готовности и упоает на Бога в том, что такая встреча может быть созвана, дабы истина сего вопроса была доведена до сведения Его Величества Шаха и стала очевидной ему. Власть приказывать принадлежит тебе, и Я пребываю в готовности перед престолом твоего владычества. Посему реши в Мою пользу или против Меня.[76]

Шах ответил на эту вполне разумную просьбу тем, что запытал до смерти курьера, доставившего её. По его распоряжению этот семнадцатилетний юноша по имени Бадй’ был закован в цепи, его прижигали на протяжении трёх дней раскалёнными кирпичами и подвергали иным пыткам, пытаясь выбить из него какую-нибудь информацию или заставить его отказаться от веры. Бадй’, безмятежный и непреклонный, был сфотографирован в момент пытки. Наконец, бессильные сломить его дух, разочарованные палачи проломили ему голову.

Подобные зверства были скорее нормой, чем исключением в период правления этого монарха, чьи руки уже были запятнаны кровью Баба и двадцати тысяч мучеников-баби. Касательно подобных правителей Бахаулла дал клятву:

Бог никогда не закрывал и не будет закрывать глаза на жестокость угнетателя. Особенно же в сём Откровении — каждый из тиранов испытал на себе Его мщение.[77]

Осудив Нāсир ад-Дйн-шāха как «Князя Гонителей»,[71] Бахаулла написал, что персидский монарх скоро станет «наглядным уроком для всего мира».[79]

Нāсир ад-Дйн правил до 1896 г., пережив Бахаулла на четыре года; его царствование растянулось почти на полвека.* Чтобы отметить пятидесятилетний юбилей этого царствования, Персия готовилась к самому шумному празднеству в своей истории. Всем заключённым собирались объявить амнистию. Крестьян должны были освободить от налогов на два года. Шах планировал возгласить наступление новой эры, объявив себя «Величественным отцом всех персов», и отречься от своих деспотических прерогатив. Страна пребывала в таком ликовании, что власти даже «решили на время прекратить преследования [бахай] и других неверных».[80]

Мы можем только предполагать, вспоминал ли Нāсир ад-Дйн, наблюдая кипучие приготовления к своему юбилею, о том унижительном конце, что предрёк ему Бахаулла. Пребывая на вершине своей карьеры, когда всё шло именно так, как он хотел, он наверняка казался себе непобедимым триумфатором.

1 мая 1896 г., накануне своего великого празднования, он посетил гробницу предыдущего шаха. В ходе этого визита он погиб от пули убийцы. В последовавшей затем жуткой неразберихе министры закрепили его тело в королевской карете в сидячем положении и повезли назад в столицу, пытаясь как можно дольше замолчать факт его убийства.

Поначалу в преступлении обвинили бахай. Несколько верующих поспешно казнили — среди них были, например, знаменитый поэт Варқā и его двенадцатилетний сын Рӯху'ллāх, оба — выдающиеся учителя Веры. Впрочем, обвинение было снято после того, как нашёлся убийца,— мйрзā Рида,

* Нāсир ад-Дйн взошёл на престол в 1848 г., то есть чуть меньше чем за пятьдесят лет до этого момента по грегорианскому солнечному календарю. Исламские лунные года, однако, немного короче, и 1896-й был пятидесятым годом его царствования по этому летоисчислению.

панисламистский террорист и последователь сиййида Джамаль ад-Дйна-и Афганй,— между прочим, известного врага веры бахаи.*

Персидская Конституция

Пророчество 8: Возникновение конституционного строя в Персии.

Примерно в 1873 г. Бахаулла написал в Китаб-и Ақдас такие слова, обращённые к Его родной Персии:

Скоро положение дел в тебе изменится, и бразды правления окажутся в руках народа.[81]

Убийство Насир ад-Дйн-шаха стало первым вестником революции, о которой говорит этот отрывок. Идея конституции, ограничивающей власть монарха, обрела такую мощную поддержку после его смерти, что следующий шах, Музаффар ад-Дйн, вынужден был подписать этот документ в 1906 г., незадолго до своей смерти. Следующие самодержцы, однако, отказались чтить его установления, и Персия была втянута в долгую Конституционную Революцию, бушевавшую с 1906 по 1911 г. Мухаммад-‘Али-шах, который наследовал Музаффар ад-Дйну, настолько ненавидел конституцию, что повелел обстрелять место, где заседал парламент, после чего повстанцы его свергли. Его преемник, юный Ахмад-шах, вёл себя столь безответственно, что парламент не только сместил его, но и упразднил всю династию Каджаров, правившую Ираном с 1796 г.[82]

В речи, произнесённой 11 июля 1909 г., Абдул-Баха сказал:

* Если бы Бахаулла хотел поспособствовать свержению Насир ад-Дйна, за несколько лет до этого Он имел чудесную возможность для этого благодаря принцу Зилл ас-Султану,— старшему сыну шаха, которому был закрыт официальный путь к трону по причине того, что его мать была низкого происхождения. Зилл ас-Султан послал эмиссара к Бахаулле, предлагая защиту всем персидским бахаи в обмен на их помощь в убийстве двух своих братьев и захвате трона своего отца. Бахаулла решительно отверг эту просьбу, заявив, что вера бахаи — не политическая организация и с ней такие игры невозможны. Будучи губернатором провинций, составляющих почти половину Персии, Зилл ас-Султан ответил на этот отказ тем, что развязал очередную кровавую кампанию террора против бахаи. См. Казем Каземзаде. «Варқā и Руху’ллāх: смертью смерть поправшие». Журнал «Миропорядок», зима 1974-1975, стр. 32. Kazem Kazemzadeh, 'Varqa and Ruhullah: Deathless in Martyrdom', World Order magazine, Winter 1974-5, p. 32.

Революция, бушующая сегодня в Персии, была предсказана [Бахауллой] сорок лет тому назад... в Книге Законов [Китāб-и Ақдас]. И это пророчество было сделано в тот момент, когда Тегеран пребывал в совершенном спокойствии и правительство Нāсир ад-Дин-шāха стояло нерушимо.[83]

Понятно, что такое состояние дел не гарантировало будущей стабильности Персии. Абдул-Баха написал (также в июле 1909 г.), что если между противостоящими сторонами не будет заключён союз, иностранные державы вмешаются и разделят страну.[84] Именно это и произошло, когда Персия, ослабленная долгими междоусобицами, через какое-то время была поделена на сферы влияния: Россия забрала север, Великобритания — юг.

Хотя Бахаулла предвидел возникновение конституционного правительства в Персии, Он не позволял Своим последователям принимать участие в агитационной кампании. Это полностью соответствовало Его стратегии запрещать бахаи участие в политических движениях, ибо эти движения, несмотря на все их достоинства, неизбежно скомпрометировали бы общечеловеческий характер Веры и воспрепятствовали исполнению её важнейшей миссии — достижению духовного единства всего мира. Одним из второстепенных плюсов такой стратегии было то, что никто не смог бы обоснованно обвинить бахаи в том, что они продвигали конституцию с целью добиться выполнения пророчества.

Понятно, что ключевое слово здесь — «обоснованно». Как объяснял Абдул-Баха:

Это пророчество, столь отчётливо и очевидно высказанное, напечатанное и опубликованное, хорошо известно среди людей. Поэтому, когда в Персии была принята Конституция, муллы с монархическими взглядами провозглашали с кафедр, что «любой, кто принимает Конституцию, неизбежно принимает и религию бахаи, по той причине, что глава этой религии, Его Святость Бахаулла, предсказал её в Своей Книге, и бахаи действуют как агитаторы и сторонники конституционализма. Они специально внедрились Конституцию, чтобы выполнить пророчество, сделанное их Вождём. Потому остерегайтесь, остерегайтесь принять её!»[85]

ОБЩИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Когда Его притязания и Его мирная программа были проигнорированы, Бахаулла повторил Своё предупреждение об ужасных последствиях такой слепоты.

Ветры отчаяния, увь, веют отовсюду,— писал Он,— и борьба, что разделяет и сокрушает род человеческий, усиливается с каждым днём. Признаки надвигающихся потрясений и хаоса заметны повсюду, ибо господствующий порядок крайне несовершенен.[86]

Он указал, что больше всего потеряют от грядущей смуты как раз те, чьё небрежение её и вызвало: а именно, светские и религиозные лидеры мира. Он заявил, что Бог, желая наказать их за такое поведение, лишит их влияния:

У двух категорий людей отнята власть: у королей и священников.[87]

Давайте теперь более внимательно рассмотрим заявления Бахауллы насчёт каждой из этих групп.

Монархия

Пророчество 9: Крупномасштабный (хотя и временный) упадок монархии по всему миру.

Только что процитированное пророчество перекликается с предупреждением из Сӯрий-и Мулюк («Послания к царям») — одного из первых провозглашений Бахауллы, обращённых ко всему сонму монархов Востока и Запада:

Если вы не прислушаетесь к увещаниям, кои Мы являем в сей Скрижали несравненным и ясным языком, Божие возмездие обрушится на вас со всех сторон и будет вынесен вам приговор Его суда. В тот день вы не сможете противиться Ему и осознаете собственное бессилие.[88]

Помимо отдельных правителей, чья участь была предречена Бахауллой, что мы можем сказать о состоянии царственных особ в целом?

При жизни Бахауллы большинство человечества, особенно в Европе и Азии, жило в обширных империях, управляемых абсолютными, всевластными монархами, считавшими всю землю своей личной вотчиной. Хотя сидение на троне никогда не входило в список наиболее безопасных профессий, сам институт монархии казался неуязвимым.

В течение нескольких десятилетий после того, как Бахаулла огласил Своё пророчество, эта иллюзия безопасности развеялась, как дым. Ураган изменений ворвался в каждый уголок Земли, не только опрокидывая престолы, но и систематически подрывая их основания. К 1944 году, концу первого века эпохи бахаи, исчезли царства Османов и Наполеонов, немецкая, австрийская и русская империи; была сметена прочь династия Каджаров в Персии; китайская империя, испанская и португальская монархии превратились в республики; были изгнаны венценосные руководители Голландии, Норвегии, Греции, Югославии и Албании и лишены власти короли Дании, Бельгии, Болгарии, Румынии и Италии. Не утратив своей гневной силы, этот «неослабевающий революционный процесс», как его назвал Шоги Эффенди,[89] неуклонно продолжает развиваться по сей день. Среди относительно недавних и достаточно впечатляющих примеров этих сдвигов — превращение древней Японской империи в республику и ниспровержение тысячелетнего «Павлиньего Престола» в Персии.

Сегодня великие державы управляются законодательными собраниями или другими центральными органами; их лидеры избираются либо назначаются; монархии стали экзотикой. Британская Корона, когда-то правившая крупнейшей на земле империей, превратилась в чисто церемониальный институт и переживает не лучшие времена. Монархии остались только в нескольких небольших странах, не обладающих значительным весом в мире.

Учитывая всё вышесказанное, необходимо заметить, что бахаи уверены: нынешний упадок среди царственных особ — временное явление. Бахаулла утверждает, что в будущем появятся «справедливые цари», которые будут ставить благосостояние своих подданных выше собственных интересов и восстановят престиж монархии.[90]

Хотя республиканская форма правления принесёт пользу всем народам мира,— пишет Он,— всё же величие монаршей власти есть один из знаков Божьих. Мы не желаем, чтобы страны мира

были лишены его. Если дальновидные соединят сии две формы в одну, велика будет им награда в присутствии Бога.[91]

Духовенство

Пророчество 10: Постепенная утрата церковью своей власти по всему миру.

Пророчество 11: Крах мусульманского халифата.

Бахаулла, предсказывая упадок королевской власти, утверждает также, что «власть была отнята» и у духовенства. Он так обращается к религиозным лидерам мира:

О сонм священников! Отныне не узрите у себя никакой власти, ибо Мы отняли её у вас, предназначив её тем, кто верует в Бога, Единого, Всевластного, Всемогущего, Нестеснённого.[92]

Последовавший за этим возгласением упадок религиозных учреждений был не менее грандиозным и катастрофическим, чем утрата власти светскими правителями. Давайте рассмотрим сначала две организации, которые во времена Бахауллы обладали огромным духовным и светским могуществом — папство и халифат.

Среди Скрижалей Бахауллы к царям была и Скрижаль, обращённая к папе Пию IX, где есть следующие слова:

О Папа! Разорви завесы в ключья. Тот, Кто есть Господь господствующих, пришёл под сенью облаков, и повеление исполнилось по воле Бога, Вседержителя, Неограниченного. Он, воистину, снова сошёл с небес, как сошёл Он с них и в первый раз... Остерегайся, дабы никакое имя не заградило тебе дорогу к Богу... Обитаешь ли ты во дворцах в то время, как Тот, Кто есть Царь Откровения, живёт в самом заброшенном из пристанищ? Оставь их тем, кто возжелал их, и с радостью и восторгом обрати лицо своё к Царствию Небесному. Слово, сокрытое Сыном, явилось ныне. Ниспослано Оно в обличии Храма Человеческого в сей день. Да святится Господь, Который есть Отец! Воистину, Он пришёл к народам во всём Своём величии.[93]

Светская власть Папы, когда-то обширная, успела значительно сократиться до того, как Бахаулла написал Своё письмо, однако под его рукой по-прежнему находилось Итальянское королевство. Бахаулла повелел Папе добровольно отказаться от этой всё ещё остававшейся у него власти: «Оставь своё царство царям».[94] Если бы стареющий понтифик поступил именно так, он бы избежал унижительной потери свободы, достоинства и престижа, что последовали за оккупацией его царства в 1870 г. королём Виктором Эммануэлем. Проиgnорировав совет Узника Акки, Папа Пий IX стал Узником Ватикана.*

Ещё более грандиозным событием стало падение халифата, отчётливо предсказанное как Бабом, так и Бахауллой. Однако чтобы понять эти пророческие намёки, нам придётся сначала сделать экскурс в историю.

Ислам делится на две основные ветви — суннитов и ши'итов, которые можно отчасти уподобить разделению христианства на католиков и протестантов. Халиф, духовный глава куда более многочисленной суннитской ветви, может считаться мусульманским аналогом Папы у католиков.

Хотя эти посты совершенно различны, но мусульманский халифат и турецкий султанат традиционно соединялись в одной личности. Это давало халифу огромную светскую власть, и при этом его духовная юрисдикция распространялась далеко за пределы Османской империи, охватывая подавляющее большинство мусульман по всему миру.

Эта религиозная монархия возникла в 632 г. н. э., когда Мухаммад покинул этот мир, а Его последователи разделились на два лагеря по вопросу о преемственности власти. В тот момент халифат, созданный группой последователей Пророка, был принят большинством мусульман, которые стали известны как сунниты. Меньшинство, позже получившее имя «ши'а» (шииты), утверждало, что Мухаммад назначил Своего зятя 'Али первым представителем династии Своих преемников — Имāмов.†

За этим последовала 260-летняя война, в ходе которой халифы, стремясь избавиться от конкурентов в лице Имāмата, пытались прервать эту династию, убивая каждого потомка Мухаммада, до которого могли дотянуться. (Хотя они и потерпели в этом неудачу, но Имāмат закончился с исчезно-

* Примечательно, что именно в 1870 г. папа впервые провозгласил новый догмат о папской непогрешимости.

† Бахаулла учит, что правы были именно шииты: Мухаммад действительно назначил 'Али Своим преемником. Таким образом, бахаи признают законность Имāмата и считают халифов самозванцами.

вением Двенадцатого Имāма.) Самой трагической жертвой этой войны стал Имāм Хусайн, третий и наиболее выдающийся представитель династии, чьё имя в персидской литературе практически олицетворяет весь Имāмат в целом.

Принимая во внимание этот контекст (с которым Его мусульманские современники были, конечно же, хорошо знакомы), Баб чётко сослался на халифат в следующем отрывке:

Вскоре Мы, подлинно и несомненно, обрушим на тех, кто развязал войну против Хусайна в Земле Евфрата, самые страшные мучения и самое ужасное и образцовое из всех наказаний.[95]

Причём это ниспосланное свыше наказание отнюдь не заключалось в каком-то мистическом или метафизическом «суде», что должен свершиться на некоем незримом будущем уровне бытия: как писал Баб, оно произойдёт и «в мире грядущем» (т. е. в загробной жизни), и «в момент Нашего возвращения» (т. е. после прихода Обетованного, Которого Баб считал возвращением всех предыдущих Пророков, включая Себя Самого).[96] Таким образом, Его пророчество предвещало некую зримую катастрофу, которая должна была обрушиться на Халифат ещё в этой, земной жизни.

Бахаулла подтвердил это пророчество. Ссылаясь на всесильный Халифат как на «величественный престол», Он описал его падение как заранее predetermined факт:

Из-за деяний ваших,— писал Он, обращаясь к мусульманскому духовенству,— возвышенное положение сего народа было утрачено, знамя Ислāма повержено, а его величественный престол опрокинут.[97]

Когда после Первой мировой войны Султанат был упразднён, Халифат отмер не сразу. Бывший султāн, Мухаммад VI, какое-то время сохранял свой духовный титул, занимая «аномальное и шаткое положение».[98] Однако правительство новой Турецкой республики не собиралось мириться с этой странной ситуацией; в марте 1924 г. оно провозгласило упразднение халифата и официально отмежевалось от этого института. Экс-халиф бежал в Европу. Такой поворот событий разрушил единство суннитского мира, с представителями которого никто даже не посчитал нужным проконсультроваться. Чтобы восстановить халифат, в Каире в 1926 г. собрался специальный Конгресс; однако его участники так и не смогли прийти к согласию.

Падение халифата привело к формальной секуляризации Турецкой республики и резкому снижению влияния суннитского духовенства. Канонический суннитский закон был заменён гражданским кодексом; его религиозные предписания потеряли свой авторитет, иерархическая структура была распущена, а церковные заведения лишились финансовой поддержки.

Шиитское духовенство в Персии испытало аналогичный упадок. Шахский двор, официально вроде бы сохраняя связь с религиозной иерархией, начал систематически подрывать ту всеподавляющую власть, которую духовенство имело над каждым аспектом персидской жизни и культуры. Муллы, каждый каприз которых когда-то имел силу закона, скоро обнаружили, что вынуждены подчиняться гражданским властям. Освящённые временем религиозные институты стали приходить в упадок, а в общество, несмотря на протесты духовенства, стали проникать западные обычаи и стили одежды. На протяжении большей части этого века шиитов постигала одна унижительная катастрофа за другой. Исламская революция 1979 года отчасти восстановила былую власть духовенства. Впрочем, долгосрочные перспективы этой революции так и остаются туманными.

После практически полной утраты Папой светского владычества христианские иерархи по всему миру обнаружили, что власть всё больше утекает у них из рук, — как песок сквозь пальцы. Франция, Испания, Россия и другие страны отказались от государственной религии; распад Австро-Венгерской империи лишил Католическую Церковь её важнейшего политического и финансового покровителя; распространение коммунизма сопровождалось попытками полного искоренения религии из жизни масс; националистические настроения во многих странах или подорвали влияние христианства, или их сторонники, поступив более коварно, нашли способы манипулировать им для достижения собственных целей. На протяжении последних ста лет углубляющийся кризис доверия к религиозным организациям неуклонно разрушал нравственный авторитет христианских руководителей. В течение 1980-х годов волна скандалов, связанных с финансовыми и сексуальными злоупотреблениями, погубила карьеры нескольких самых популярных евангелистов христианского мира. В последние годы так называемые «религиозные правые» предпринимали всё больше политических и законодательных инициатив с целью отвоевать утраченные позиции; почти все подобные усилия оканчивались неудачами.

Упадок, так сильно тревожащий мусульманских и христианских лидеров, не обошёл стороной и духовенство других вероисповеданий. Более того, как верят бахай, эта постепенная утрата авторитета церковными властями кардинально отличается от временного спада, постигшего царственных

особ. Хотя власть действительно была «отнята у двух категорий людей: у королей и священников», Шоги Эффенди пишет:

Слава первых испытывает временное затмение, тогда как власть последних утрачена безвозвратно.[99]

И Абдул-Баха, и Шоги Эффенди предупреждают, что агония духовенства будет сопровождаться множеством откатов назад и жестоких конвульсий.[100] События на Ближнем Востоке уже продемонстрировали, насколько страшными могут быть такие потрясения.

«Движение левых»

Пророчество 12: Подъём коммунизма, «движения левых», и распространение его власти по всему миру.

Пророчество 13: Катастрофический упадок этого же движения, спровоцированный коллапсом уравнилельной экономики.

Вскоре после Первой мировой войны Абдул-Баха написал:

Недуги, от которых сегодня страдает мир, будут множиться; окутывающий его мрак будет углубляться. Новорождённые движения, всемирные по охвату, будут всеми силами стремиться к продвижению своих замыслов. «Движение левых» приобретёт большое значение. Его влияние будет распространяться.[101]

«Движение левых» — это коммунизм и социализм, которые пришли к власти в России благодаря Большевицской Революции 1917 года. Неисчислимые бедствия и стужающиеся над послевоенным миром тучи способствовали тому, что левая идеология, предсказанная Абдул-Баха, распространилась молниеносно. Пустив первые корни в Советском Союзе, это движение привело к возникновению коммунистических правительств в Восточной Европе, Китае и множестве других стран Азии и Африки, а также установлению его западных форпостов на Кубе и в Никарагуа. Левацкие идеи пользовались горячей поддержкой и вызвали столь же горячее неприятие далеко за пределами этих стран. Сдерживание коммунизма стало основной заботой некоммунистических стран, и с обеих сторон страсти достигли истерического накала во время так называемой «холодной войны».

Вдохновляемый учением Карла Маркса, коммунизм опирался в пропаганде своих идей на страстную мечту о «бесклассовом обществе». Этот термин означает общество, в котором частная собственность упразднена, а орудия производства и его плоды принадлежат равно всем гражданам. Богатство надлежит распределять согласно классической марксистской формуле: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Поскольку потребности у всех людей более или менее одинаковы (если не брать случаи болезни, инвалидности и т. д.), то на практике это выливается в принудительное выравнивание зарплат и стандартов жизни. Подобная политика, дополненная этикой радикальной уравниловки, стала основной чертой коммунистических обществ по всему миру. В этих странах систематически насаждался, через образовательную систему и политическую пропаганду, климат глубокой враждебности, со стороны как государственных органов, так и общественности, к любому человеку, получающему доход или процветающему в результате личной инициативы. Неожиданным результатом этого, в каждом случае, стало подавление инноваций, снижение производительности труда и дефицит услуг, — и при этом не удалось ни в малейшей степени победить корыстные устремления или эксплуатацию населения со стороны правящей элиты.

Само собой разумеется, что предсказать экспансию коммунизма (или любого другого движения) не означает одобрить его. Писания бахаи называют коммунизм одним из трёх «ложных богов», которым люди поклонялись на протяжении всего XX века.[102] (Два других — расизм и национализм.) Хотя вера бахаи предлагает ограничить вопиющие крайности богатства и нищета, она при этом поддерживает право на частную собственность и считает как несправедливыми, так и нежизнеспособными любые схемы, насаждающие жёсткое экономическое равенство.*

Ещё в 1905 г., задолго до коммунистической революции в России, Абдул-Баха сказал:

* Бахаулла не предписывает никакой конкретной, «идеальной» экономической системы. Тем не менее, Он однозначно утверждает, что экономика должна прочно опираться на духовные принципы; Он также перечисляет и некоторые из подобных принципов. Два отличных эссе по этой теме можно найти у Уильяма С. Хэтчера в «Экономика и нравственные ценности» (журнал «Миропорядок», зима 1974-1975 гт., стр. 14-27 — William S. Hatcher, 'Economics and Moral Values', World Order magazine, Winter 1974-5, pp. 14-27) и у Грегори Дала в «Экономика и учение бахаи (журнал «Миропорядок», осень 1975 г., стр. 19-40 — Gregory C. Dahl, 'Economics and the Bahá'í Teachings', World Order magazine, Fall 1975, pp. 19-40).

...Абсолютное равенство в размере состояний, в почестях, в торговле, земледелии и промышленности приведёт к неразберихе, к хаосу, к дезорганизации путей заработка и повсеместному разочарованию: порядок в обществе будет очень сильно нарушен.[103]

Эти накапливающиеся беды — плоды семидесятилетнего эксперимента в искусственно созданной среде экономического равенства — в конечном итоге, в конце 1980-х, превысили критическую массу и обрушили коммунистический блок. Мир с трепетом наблюдал, как сбывалось, слово в слово, леденящее душу предсказание Абдул-Баха. Разрушение этой системы спровоцировало революцию, общественные беспорядки и крупномасштабную политическую и экономическую перестройку. К началу 1990-х годов большинство стран Восточной Европы покинуло коммунистическую систему. Советская коммунистическая партия, отчаянно пытаясь выжить, добровольно отказалась от монополии на политическую власть и стала проводить косметические реформы с целью изобразить свободный рынок. Не удовлетворённые этими половинчатыми мерами, недовольные республики провозгласили роспуск когда-то могущественного Советского Союза и рождение нового Содружества Независимых Государств. В странах Азии коммунистические режимы стали разными способами пытаться утихомирить ропщущее население: некоторые с помощью введения рыночных стимулов, другие — путём усиления централизованного контроля.

Пока ещё преждевременно делать какие-то выводы насчёт окончательного результата этих катаклизмов. Тем не менее, одно можно сказать точно: марксизм в его радикальной форме больше не воспринимается серьёзно теми массами, которые он когда-то обещал освободить. Редко когда в истории человечества некое движение испытывало столь стремительный расцвет и не менее стремительный упадок.

Иудеи: Родина и Холокост*

Пророчество 14: Подъём Израиля как родины иудеев.

Пророчество 15: Преследования евреев на Европейском континенте (нацистский холокост).

Как Бахаулла, так и Абдул-Баха часто говорили о будущем подъёме и укреплении иудейской общины на Святой Земле. В выступлении, впервые опубликованном в 1908 г., Абдул-Баха сказал:

В этом цикле Израиль соберётся на Святой Земле, и... еврейский народ, рассеянный по Востоку и Западу, Югу и Северу, воссоединится. Вы можете видеть, как со всех частей света племена евреев приезжают на Святую Землю; они живут в деревнях и на участках, которые они забирают себе, и день ото дня их становится всё больше и больше, так что вся Палестина станет их домом.[104]

Возвращение евреев на Святую Землю, куда им был закрыт доступ на протяжении почти двух тысяч лет, началось ещё при жизни Абдул-Баха. Однако немногие могли бы в то время представить себе, какую силу наберёт этот процесс, а уж тем более — предвосхитить создание в 1948 г. государства Израиль и ту стратегическую важность, которую приобретёт эта страна. Этот процесс существенно ускорился за последние несколько лет благодаря снятию ограничений на выезд евреев из республик бывшего Советского Союза, что позволило им начать массово эмигрировать в Израиль.

Впрочем, прогнозы Абдул-Баха насчёт еврейского народа отнюдь не были сплошь оптимистичными. В ходе Своего турне по Америке в 1912 г. Он намекнул на грядущий взрыв насилия против евреев в Европе и призвал к немедленным действиям с целью предупредить эту катастрофу:

...Вам не следует полагать, что всё уже закончилось,— сказал он, ссылаясь на преследования, имевшие место в прошлом.— Не исключено, что наступит время, когда даже европейцы поднимутся против евреев.[105]

* Библейские пророчества по этой теме см. Исаия 10:22.

Три десятилетия спустя Его предупреждения материализовались в Холокосте, когда около шести миллионов европейских евреев — третья часть или даже больше от общей численности всего этноса — погибло в нацистских концлагерях.

Межрасовая напряжённость в Америке

Пророчество 16: Жестокие межрасовые конфликты в Америке.

Вероятность ожесточённых, а иногда и кровавых межрасовых конфликтов в Америке была настолько очевидна для Абдул-Баха в 1912 году, как если бы всё это произошло на Его глазах.

Вопрос союза белых и чёрных крайне важен,— предупреждал Он в ходе Своего путешествия по Америке,— ибо если его не удастся достичь, то вскоре вы столкнётесь с огромными трудностями и непростыми проблемами.[106]

В 1912 г., в письме одному чикагскому бахаи, Он писал:

Если этот вопрос останется без внимания, враждебность будет нарастать день ото дня, что, в конце концов, приведёт к таким проблемам, которые могут закончиться кровопролитием.

Затем он добавил, что до тех пор, пока межрасовые предрассудки не преодолены:

...Царство человечества не обретёт покоя. Нет же, но разногласия и кровопролитные битвы будут ужесточаться день ото дня, и фундамент процветания человеческого будет уничтожен.[107]

С высоты 1990-х годов подобные наблюдения могут показаться самоочевидными. Для белого населения Америки в 1912 году они казались немислимыми. Тем не менее, возрождение «Ку-клукс-клана» в 1915 году и экономическая разруха, последовавшая за Первой мировой войной, скоро вывели межрасовые трения на новый уровень. Пик противостояния наступил «Красным летом» 1919 года, когда в разных городах вспыхнуло двадцать пять расовых бунтов.[108] Сам Абдул-Баха интерпретировал эти вспышки как не более чем первые признаки надвигающихся жестоких битв.

Настало время,— сказал он в 1920 г.,— когда американцы должны взяться за этот вопрос серьёзно и достичь сплочённости белого и цветного населения. А иначе ждёт вас впереди уничтожение! Ждёт вас впереди опустошение! [109]

Шоги Эффенди, вспоминая эти и многие аналогичные высказывания, писал в 1954 году:

...Наиважнейший, неизбежный и неотложный долг, о котором столь часто и наглядно говорил и который подчёркивал Абдул-Баха, перечисляя основные слабые места в социальной ткани этого народа,— пока ещё есть время, исправить, опираясь на революционные изменения в концепциях и в отношении рядовых белых американцев по отношению к их согражданам-неграм, эту ситуацию, которая, если её пустить на самотёк, приведёт, как указывал Абдул-Баха, к тому, что по улицам американских городов потекут реки крови... [110]

Межрасовые столкновения 1960-х годов, когда чёрные американцы громко заявили о давно назревшей необходимости экономической и социальной справедливости, полностью подтвердили предсказания Абдул-Баха. В расовых бунтах, случившихся между 1965 и 1969 годом, согласно данным «Нью-Йорк Таймс», около 250 человек было убито, 12 000 получили ранения и 83 000 были арестованы.[111] В течение одного лета примерно 40 городов пылали в огне пожаров и по крайней мере в один — Детройт — были ведены федеральные войска.[112] Кровапролитие наверняка было бы куда более жестоким, если бы не успех преподобного Мартина Лютера Кинга, сумевшего направить движение за гражданские права в ненасильственное русло. Грустная ирония ситуации заключается в том, что именно убийство Мартина Лютера Кинга и спровоцировало открытые межрасовые столкновения в ряде крупнейших американских городов, когда и чёрные, и белые одинаково выплёскивали своё отчаяние, разочарование и долго сдерживаемый гнев.

Весной 1992 года четверо белых офицеров полиции были оправданы белыми присяжными, несмотря на представленную видеозапись избияния ими в Лос-Анджелесе автомобилиста Родни Кинга, которого они поймали после скоростной погони. Пять дней бушевали беспорядки, в результате чего 60 человек погибло, множество было ранено, и 7 тысяч было арестовано по обвинениям, связанным с неповиновением властям. Насилие охватило

множество городов, вплоть до Атланты, Лас-Вегаса, Сан-Франциско, Майами и Сиэтла. Этот приговор и его жуткие следствия продемонстрировали, что шаткое перемирие предыдущих двух десятилетий лишь маскировало симптомы расизма, тогда как болезнь продолжала разъедать эту нацию изнутри.

Прогнозируя эти события пятьюдесятью годами ранее, Абдул-Баха призывал обратить внимание на более глобальный и важный аспект этого конфликта. Он заявил, что если белые и чёрные американцы соединятся узами подлинного братства, их единство настолько усилит миротворческий потенциал нации, что она сможет «обеспечить мир во всём мире»[113]; если же этого не произойдёт, то межрасовые конфликты серьёзно ослабят Америку изнутри в то самое время, когда само её существование подвергнется опасности со стороны внешних сил. Если время будет упущено, добавил Он, это может запросто привести к «уничтожению Америки».[114] Шоги Эффенди повторил эти предупреждения в процитированном выше письме 1954 года, заявив, что американский народ «опасно недооценил» наступающий кризис. Так и вышло: межрасовые столкновения конца 60-х достигли своей кульминации в самые мрачные дни «холодной войны», когда враги Америки загнали её на край атомной пропасти.

Как мы сегодня знаем, Америка смогла пережить тот кризис. И «холодная война», и та формальная система расовой сегрегации, что породила движение за гражданские права, превратились в мёртвые реликвии прошлого. Дискриминация, хоть и поныне привычная, сегодня хотя бы поставлена вне закона; и политики уже не могут безнаказанно провозглашать расистские лозунги. Тем не менее, как показали последние события, эти косметические меры не обязательно указывают на те «революционные изменения» в мировоззрении простых американцев, о которых Абдул-Баха говорил как о единственной гарантии решения межрасовых проблем Америки. До тех пор, пока расизм остаётся заметной частью американской психологии, мы так и будем с опаской ожидать, когда же будет дописан последний акт этой трагедии.

БАХАУЛЛА И ЕГО ВЕРА

Бахаулла и Абдул-Баха предсказали ряд поразительных событий и феноменов, связанных собственно с Верой Бахаи. Некоторые них описаны ниже.

Пророчество 17: Освобождение Бахауллы из тюрьмы города Акка и установление Его шатра на горе Кармель.

Венценосные враги Бахауллы — султāн ‘Абдул-‘Азиз и Нāсир ад-Дйн-шāх — имели все основания верить в то, что смогут уничтожить Его, заключив в тюрьму в Акке. Жуткие условия содержания в этой темнице были специально подобраны так, чтобы гарантировать раннюю смерть узников, а указ султана жёстко предписывал пожизненное заключение Бахауллы. Когда Он попал в эту тюрьму, Его здоровье уже было подорвано, Он был лишён материальных средств и окружён сонмищами шпионов и жестоких тюремщиков, решительно настроенных выполнить этот приговор. Его произведения этого периода показывают нам, что Он великолепно осознавал, как много тяжелейших страданий ждёт Его в грядущие годы.

Но при этом не успели на Его приговоре высохнуть чернила, а Бахаулла уже заверил Своих венценосных пленителей, что торжествовать, в конечном итоге, будет Он, а не они. Вскоре после прибытия в Акку в 1868 году Он писал Нāсир ад-Дйн-шāху:

Нет никаких сомнений в том, что все сии несчастья сменятся излияниями всевышнего милосердия, и за сими ужасными напастями последует изобильное процветание.[115]

В самые мрачные дни Своего тюремного заключения Он писал Своим друзьям:

Не бойтесь. Сии двери откроются. Мой шатёр будет раскинут на горе Кармель, и наступит величайшее блаженство.[116]

Жёсткие условия содержания Бахауллы под стражей соблюдались со всей строгостью на протяжении многих лет, и Он терпел неописуемые страдания. Однако со временем Его кандалы перестали держать Его столь жёстко. Невинность и честность Бахауллы становились очевидны всему местному населению, хотя поначалу оно было настроено исключительно враждебно; доброжелательный дух Его Учения постепенно завоёвывал восхищение людей как высокого, так и низкого звания; и враждебные чиновники, один за другим, заменялись более доброжелательными или смещались со своих постов.

В Акке через некоторое время появился новый губернатор, «прозорливый и гуманный» Ахмад Биг Тауфйқ, который настолько восхищался

ссылными, что даже отправил своего сына учиться к Абдул-Баха. Всё чаще к Узнику Акки приезжали богословы и аристократы, ходатайствуя об аудиенции и свидетельствуя о Его величии. Турецкое правительство, обеспокоенное сообщениями о росте уважения к Бахаулле, время от времени отряжало в город-тюрьму недружелюбных чиновников с диктаторскими полномочиями, имеющих предписание о решительном исправлении ситуации. Но даже эти люди, так и не найдя себе помощников в реализации своих планов, вынуждены были расписываться в своём бессилии и так и уезжали из города, неспособные обратиться вспять волну симпатии к Бахаулле.

На протяжении всего этого периода Бахаулла не пошевелил и пальцем, чтобы добиться Своего освобождения; напротив — Он неоднократно отказывался покинуть тюрьму, даже когда представлялась такая возможность. Сам губернатор Акки предложил Ему свободу; Бахаулла вежливо отклонил это предложение, настаивая, что Он по-прежнему узник. В конечном итоге, однако, строгий эдикт султана превратился в мёртвую букву. Муфтий Акки — глава мусульманской религиозной общины — на коленях умолял Бахаулла покинуть городские стены и переехать в комфортабельный дом в сельской местности. «Кто может сделать Вас узником? — спрашивал муфтий. — Вы Сами держите себя в тюрьме». Он уговаривал Бахаулла целый час, прежде чем тот, наконец, согласился.

Бахаулла провёл оставшиеся годы Своей жизни в любимой Им с детства сельской местности, посвящая Своё время литературным трудам и занимаясь просвещением Своих последователей.

Правители Палестины, — говорит Абдул-Баха, — завидовали Его влиянию и могуществу. Губернаторы и мутисаррифы, генералы и местные чиновники смиренно просили оказать им честь побывать в Его присутствии, — просьба, которую Он редко удовлетворял.[117]

В результате этих невероятных событий Бахаулла смог, в последние годы Своей жизни, несколько раз съездить в Хайфу. Там, как Он и предсказывал за много лет до этого, Он раскинул Свой шатёр на горе Кармель. В ходе одного из таких путешествий Он указал Абдул-Баха место, где следовало воздвигнуть Гробницу Баба. В ходе другого визита Он явил удивительно красивую Скрижаль горы Кармель — хартию будущего всемирного административного и духовного центра Своей Веры, что должен был вырасти на этой горе.

Дом Бахауллы

Пророчество 18: Захват и осквернение Дома Бахауллы в Багдаде.

Дом, который Бахаулла занимал во время Своей ссылки в Багдад, был назначен Им, в Его книге законов, центром паломничества для бахаи. Он Сам приобрёл его в личную собственность, и это здание оставалось в безраздельном и неоспоримом владении общины бахаи после Его отъезда из Багдада. Бахаулла, тем не менее, написал о нём следующее:

Не печалься, о Дом Бога, если покров твоего благочестия будет разорван неверными.[118] Воистину, в грядущие дни сей дом будет столь унижен, что всякое пронизательное око восплачет. Так открыли Мы тебе то, что сокрыто завесою...[119]

Почти через полвека после написания этих слов, когда Абдул-Баха только что покинул этот мир, шиитская мусульманская община Багдада, не обладавшая даже тенью прав на эту недвижимость, захватила её и выгнала оттуда бахаи. После ряда юридических битв иракский Апелляционный суд принял решение в пользу мусульман. Бахаи обратились в Лигу Наций, которая на тот момент управляла Ираком. Совет Лиги — высочайший мировой трибунал — единогласно принял решение в пользу бахаи, постановив, что как сам захват, так и последующий приговор апелляционного суда были мотивированы религиозными пристрастиями.

После этого было много лет задержек, протестов и уклонений. В итоге бахаи так и не восстановили права владения на своё имущество. Единственным утешением им служит ещё одно пророчество Бахауллы касательно Его дома:

В назначенный срок Господь силою истины возвысит его в глазах всех людей. Он сделает его Стягом Своего Царства, Святислицем, вокруг коего будет шествовать сонм верных. Так сказал Господь, Бог твой, прежде чем настал день плача.[120]

Единство бахаи

Пророчество 19: Провал всех попыток создать раскол в Вере Бахаи.

Дробление религий на секты — феномен настолько распространённый, что историки склонны считать его естественным и неизбежным. Поэтому никакой сторонний наблюдатель не смог бы предположить, наблюдая Веру Бахаи в её младенчестве, что она распространится по миру,

сопротивляясь любым попыткам создать раскол в её рядах. Бахаулла, однако, предсказал именно такой уникальный (насколько мне известно) путь развития, неповторимый и беспрецедентный в анналах религиозной истории. Если бы даже Дело Бахаи не могло похвастаться ничем другим, одного только исполнения этого поразительного пророчества было бы достаточно для привлечения внимания всего мира.

Ясно, что этот момент имеет критическую важность, поскольку Вера Бахаи — первая из религий, заявляющая, что ей поручено Богом объединить весь мир. Понятно, что для реализации этого замысла ей нужно, для начала, хотя бы сохранить собственное единство.

Чтобы сохранить это единство, Бахаулла назначил Своим преемником Абдул-Баха и создал Административный порядок бахаи,— средоточие власти, к которому все бахаи должны обратиться. Эти защитные меры известны как Завет. Именно из-за наличия объединяющего Завета Бахаулла назвал Своё Откровение «Днём, за которым не последует ночь»,^[121] «Весной, что не сменится осенью»,^[122] и сказал об Административном Порядке такие слова:

Десница Всемощности воздвигла Его Откровение на нерушимом и вечном основании. Ураганы человеческих распрей бессильны подорвать его основы, и никакие причудливые измышления людские не смогут повредить его здание.^[123]

Абдул-Баха охарактеризовал усилия по подрыву единства бахаи такими терминами:

...Не более чем океанская пена... пена на поверхности океана неустойчива и скоро исчезает, океан же Завета вечно вздымает свои ревущие волны.^[124]

Шоги Эффенди писал, что Административный Порядок Бахаи:

...Беспрецедентным в истории прежних вероисповеданий образом должен защищать — и непременно защитит — от раскола ту Веру, из которой он вышел;^[125]

и заявил:

...Этот бесценный самоцвет Божественного Откровения, ныне всё ещё пребывающий в стадии зародыша, будет развиваться в оболочке Его Закона, а затем будет триумфально шествовать вперёд, единый и неделимый, пока не охватит всё человечество.[126]

Конечно же, невозможно заявить об исполнении пророчества, которое гласит, что нечто «никогда не произойдёт». Можно лишь отметить, что это пока ещё не произошло. Тем не менее, факт остаётся фактом: Вера Бахаи пережила, «единая и неделимая», все многочисленные попытки, со стороны могущественных внутренних врагов, создать раскол в её рядах. Ни одна из этих попыток не пережила того поколения, в котором она появилась.

Первым попытался расколоть Веру младший сводный брат Бахауллы, мйрзā Йахйā. Когда Бахаулла объявил Себя тем самым Обетованным, о котором говорил Баб, и был принят в этом качестве большинством баби, Йахйā воспылил к Нему самой чёрной завистью. Он выступил с аналогичной заявкой, которую пытался продвигать путём воровства, яда, клеветы и подлога. Хотя он и доставил Бахаулле ужасные страдания, но Веру расколоть так и не смог. Его группа отколовшихся, известная как ‘азалй, постепенно сошла на нет, а сам Йахйā умер в безвестности.

Абдул-Баха столкнулся с аналогичными нападками на Своё лидерство со стороны Мухаммада-‘Алй — Его собственного сводного брата, а также со стороны Ибрахима Хайруллы — сирийца, отправленного Им учить Вере в Америку.

Шоги Эффенди вынужден был соперничать с прежним секретарём Абдул-Баха, Ахмадом Сохрабом, который пытался создать ответвления в Вере под названием «Общество новой истории» и «Караван Востока и Запада». После смерти Шоги Эффенди один выдающийся учитель-бахай, Чарльз Мейсон Рими, пытался провозгласить себя Хранителем Веры, в явное нарушение завещания Абдул-Баха.

Каждый из них был энергичным, находчивым и честолюбивым человеком, решительно настроенным заполучить главенство над общиной — и, по своему положению, вполне способный добиться своего. Более того — каждый из них на короткое время, казалось, одерживал верх. И каждый из них затем в растерянности наблюдал, как его последователи исчезали, словно дым, в то время как единство Веры Бахаи оставалось нерушимым, — в точности как и было обещано Бахауллой и Его преемниками.

Глава 5

ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Когда небеса были низким синим потолком с приклеенными звёздами, я думал, что Вселенная слишком узка и тесна, я почти задыхался от недостатка воздуха. Теперь же небо стало выше и шире... Я начинаю дышать более свободно, и думаю, что теперь Вселенная несравненно величественнее прежнего.

— Бернар де Фонтенель

В науке никто в точности не знает, что будет дальше. Мы всегда притворяемся, что знаем ответы, а природа постоянно напоминает нам, что это не так.

— Карло Руббиа

До этого момента мы проверяли пророчества бахаи, в которых прогнозировались либо мировые тенденции, либо исторические события. В этой главе мы обсудим пророчества, предвосхищавшие научные открытия и содержавшие либо конкретные предсказания, либо раскрывавшие неизвестные ранее факты.

К оценке научной стороны какой бы то ни было религии следует подходить с осторожностью. Многие Писания (в том числе аллегория сотворения мира, приведённая в Книге Бытия) писались символическим языком, и настаивать на буквальном толковании подобных отрывков было бы неоправданно. Тем не менее, Абдул-Баха объясняет, что физическая реальность сама по себе есть метафора духовного мира:

...Внешнее есть выражение внутреннего; земля есть зеркало Царства Божиего...[127]

В результате, многие утверждения несут как внутренний, духовный смысл, так и внешний, буквальный:

...И ни явное не отменяет сокровенного, ни сокровенное — явно-го.[128]

Таким образом, мы не можем вот так запросто отмахнуться от некоего утверждения Божоявления как от имеющего «чисто духовный» смысл по той лишь причине, что это утверждение противоречит нынешним научным теориям. Бахаи полагают, что правильное понимание истинной науки и истинной религии всегда продемонстрирует их фундаментальную гармонию. Тем не менее, учёные, изучающие некую конкретную дисциплину, время от времени неправильно истолковывают природные явления,— точно так же, как приверженцы некоего конкретного Божоявления иногда ошибочно толкуют Его Учение. Учёные постоянно перепроверяют свои заявления, и открытия, сделанные в одной эпохе, всегда сменяются потом новой информацией. Абдул-Баха приводил в качестве примера тот факт, что Мухаммад оспаривал официальную научную теорию своего времени и утверждал, что Солнце, на самом деле, неподвижно стоит на своём месте и при этом вращается вокруг своей оси:

Когда появился Кур'ан, все математики насмеялись над этими заявлениями и приписывали эту теорию невежеству Автора. Даже богословы Ислама, когда они видели, что эти стихи противоречат общепринятой системе Птолемея, вынуждены были объяснять их как-то иначе.[129]

Это положение сохранялось на протяжении почти 900 лет,— до тех пор, пока Коперник не доказал движение Земли вокруг Солнца, и тогда:

...Стало очевидно, что стихи Кур'ана согласуются с имеющимися фактами...[130]

Бахаулла пишет:

Не взвешивайте Книгу Божию на весах своих правил и наук, ибо сама Книга сия есть непогрешимые Весы, установленные среди людей. На сих совершеннейших Весах подлежит взвешиванию всё, чем владеют народы и племена земли...[131]

И тем не менее, если Откровение бахаи истинно, со временем должны накапливаться свидетельства соответствия между его учением и научной реальностью. В этой главе мы рассмотрим, действительно ли дело обстоит именно так.

Взрыв знаний

Пророчество 20: Взрывное ускорение научно-технического прогресса.

Бахаулла утверждает, что человечество вступает в эпоху беспрецедентного научно-технического прогресса, когда новые открытия из тонкого ручейка превратятся в могучее цунами:

Новая жизнь в сей век бурлит среди всех народов земли, но никто до сих пор не открыл её источника и не постиг её побудительной силы.[132]

Он определил этот источник как «ветра благодати», приведённые в движение Гласом Божиим, рекущим через Него Самого и через Баба:

Всякое слово, исходящее из уст Божиих, наделено такой силой, коя способна даровать новую жизнь любому человеческому существу... Благодаря откровению одного лишь слова «Кроитель», слетевшего с губ Его и возвестившего человечеству об одном из Его качеств, высвободилась сила, что в последующие века сможет вызвать к жизни все многообразные искусства, кои только способны создать руки человеческие... Как только было изречено сие блистательное слово, его животворная энергия, пробудившаяся во всём сотворённом, породила средства и орудия, с помощью коих такие искусства могут возникнуть и достичь совершенства. Все удивительные достижения, кои вы ныне видите, суть прямые результаты Откровения сего Имени. В грядущие дни, воистину, узрите вы то, о чём никогда не слышали прежде. Так заповедано в Скрижалях Божиих... Подобным же образом, как только слово, выражающее Моё качество «Всеведущий», исходит из уст Моих, всё сотворённое, согласно своим возможностям и ограничениям, наделяется силой раскрывать сведения об удивительнейших науках, и со временем сможет явить их по велению Того, Кто есть Вседержитель, Всезнающий. Не сомневай-

ся, что Откровение каждого иного Имени сопровождается схожим проявлением Божественного могущества.[134]

Этот созидательный принцип, как утверждает Бахаулла, лежит в основе поразительного исторического факта: рождение каждой из мировых религий сопровождалось всплеском изобретений и открытий. Он заявил, что новейшее Божие Откровение, имея значительно больший масштаб и интенсивность, приведёт и значительно большему ускорению прогресса. Нынешнее излияние ниспосланных свыше сил и знаний, писал Он в *Сӯрий-и-Хайкаль*, скоро воздвигнет учёных невиданного доселе калибра, чьи открытия проложат путь для удивительных технологических достижений, подобных коим никто до этого не мог себе и вообразить.[135]

Чтобы дать нам аналогию масштаба грядущей научной революции, Бахаулла уподобил всё знание 27 буквам, из которых всего две были раскрыты людям до прихода Баба. Ныне же, сказал Он, человечество получит оставшиеся 25.[136]

Вершины, коих, по бесконечной милости Божией, способны достичь в сей День смертные, ещё не открыты их взору,— писал Он.— Именно о сём Дне было сказано: «О сын мой! Воистину, Бог явит на свет всякую вещь, будь она весом хоть с горчичное зёрнышко и притом сокрыта в камне, или в небесах, или в земле...»[137]

Примерно до первой трети XIX века — то есть в течение многих лет после рождения Бахауллы и Баба,— прогресс человечества шёл неспешными темпами. Подобное развитие можно было бы изобразить на графике как почти горизонтальную линию с небольшим подъёмом, иногда прерываемую нерегулярными всплесками и рывками. Однако постепенно научная революция, предсказанная Бахауллой, набирала ход,— сначала незаметно, а потом всё быстрее и быстрее, так что изображающая прогресс линия сейчас выглядит почти вертикальной. Беспокойный дух приключений и открытий пришёл в науку, литературу, музыку, искусство, педагогику, медицину, технологию и все прочие аспекты человеческой жизни, принеся с собой беспрецедентные успехи. Этот процесс продолжается и ныне, несясь вперёд с неослабевающей силой и сметая на своём пути любые преграды. Сегодня сумма всех человеческих знаний удваивается каждые несколько лет — насколько быстро, не в силах сказать никто (я видел оценки от 10 лет до 6 месяцев). В результате прогресс в технологиях после того, как Бахаулла сделал

Своё предсказание, шагнул дальше, чем за всю прежнюю историю человечества.

С высоты нашего нынешнего понимания может показаться очевидным, что именно в XIX веке накопленные знания должны были достичь критической массы и привести к взрывному росту. Ли Симонсон как-то сказал: «Любое событие может быть впоследствии представлено компетентным историком как неизбежное». Тем не менее, надвигающаяся революция в знаниях почти никому не казалась на тот момент очевидной. Множество мудрых наблюдателей полагало, напротив, что цивилизация почти достигла своей вершины и наука и технология скоро упрутся в свой потолок.

В 1844 году философ Огюст Конт привёл химический состав звёзд в качестве примера информации, навсегда закрытой от человека. Даже после того, как начался настоящий потоп новых открытий, сами учёные нередко были склонны истолковывать его как всего лишь ещё один короткий спазм прогресса, которому суждено вскоре исчерпать себя, или даже как последний сезон расцвета человеческой любознательности и творчества. Знаменитый физик А. А. Майкельсон сказал в 1894 году, что грядущая наука будет состоять лишь в «добавлении нескольких десятичных знаков к уже полученным результатам».[138] Макс Борн, один из самых выдающихся физиков в мире, в 1929 году выразил ту же пессимистичную идею: «Физика в том виде, как мы её знаем, завершится за шесть месяцев».[139]

Следует отметить, что и Майкельсон, и Борн со временем пожалели о том дне, когда у них вырвались подобные опрометчивые высказывания, и как тот, так и другой стали пионерами той самой революции в физике, которая превратила их собственные ранние заявления в причудливый анахронизм.

Никакой серьёзный учёный не стал бы делать подобных неосторожных замечаний сегодня. Теперь все уже ясно понимают, что взрывное увеличение объёма знаний, сколь бы ни было оно впечатляющим, на самом деле едва-едва началось. По сути, не вызывает сомнений тот факт, что этот процесс нарастает экспоненциально и будет следовать подобной тенденции и дальше,— если только мы не уничтожим себя с помощью его плодов.

Бахаулла осознавал, что успехи в материальной области придут прежде, чем человечество обретёт духовную зрелость, необходимую для их мудрого использования. Он писал:

Цивилизация, столь часто превозносимая умнейшими представителями науки и искусства, если ей позволить перейти границы

умеренности, навлечёт на людей великое зло... Доведённая до крайности, цивилизация может стать бесконечным источником зла,— так же, как, пребывая в границах умеренности, она служит неиссякаемым источником добра... Близится день, когда её пламя испепелит города...[140]

Он указал, что наука не только даст нам средства для объединения планеты, но и создаст такую угрозу массовых разрушений, что это объединение будет поставлено перед нами как ультиматум. И только после этого человечество будет готово к всепланетному религиозному ренессансу, питаемому тем же ниспосланным свыше импульсом, который сейчас толкает вперёд точные науки.

СЕРДЦЕ АТОМА

Грядущая заря Атомной Эпохи отчётливо просматривается в пророчествах и Бахауллы, и Абдул-Баха.

Атомный ужас

Пророчество 21: Разработка ядерного оружия.

В Скрижали под названием «Райские слова», вышедшей из-под пера Бахауллы незадолго до Его смерти в 1892 г., отмечена нацеленность западной цивилизации на разработку всё более смертоносных орудий войны. Объясняя важность Своего призыва к миру и единству, Он провозгласил:

Странные и поразительные вещества таятся в земле, но сокрыты они от умов и понимания людей. Сии вещества способны изменить всю атмосферу земли, и заражение ими может принести смерть.[141]

Эта ссылка на «странные и поразительные вещества» довольно точно описывает две ядерные реакции — расщепления и синтеза, с помощью которых мы получаем атомную энергию. Реальность такой энергии была подчёркнута в 1911 году Абдул-Баха:

Существует изумительная сила, до сих пор, к счастью, не открытая человеком. Давайте молить Бога, Возлюбленного, чтобы эта сила не была обнаружена наукой до тех пор, пока духовная

цивилизация не покорит человеческое мировоззрение. В руках людей низменной материальной природы эта сила будет способна уничтожить всю землю.[142]

Абдул-Баха адресовал эти мрачные пророческие слова японскому послу в Испании виконту Аравака,— и мы знаем теперь, что для его страны это предупреждение было вовсе не пустым звуком.

Печальное совпадение? В таком случае, оно было не единственным. В 1920 г. Абдул-Баха написал группе студентов в Токио:

В Японии Божественное провозглашение раздается как ужасный взрыв.[143]

В Писаниях бахаи я нигде не сталкивался с другими примерами использования метафоры взрыва.

Четверть века спустя японские города Хиросима и Нагасаки испарились при первом в истории боевом применении атомных бомб. Сегодня мировые ядерные арсеналы содержат достаточно боеприпасов, чтобы не только гарантированно уничтожить человечество несколько раз, но и изменить климат и заразить атмосферу Земли до такой степени, что наша планета станет непригодной для жизни.

Медь в золото

Пророчество 22: Открытие трансмутации элементов, давней мечты алхимиков.

Пророчество 23: Страшная опасность для всего человечества в результате этого достижения.

Открытие ядерной энергии пролило новый свет на старый вопрос о том, возможно ли превращать недрагоценные металлы в золото. Древние алхимики страстно искали секрет такой трансмутации, однако во времена Бахауллы учёные уже давно закрыли этот вопрос, доказав, что это теоретически невозможно. Никакой элемент, как они полагали тогда, нельзя преобразовать в другой элемент. Это их убеждение твёрдо опиралось на опыт. Века экспериментов, исследований, проб и ошибок заставляли их решительно утверждать: некоторые вещества невозможно разложить на более простые или синтезировать из более простых никакой методикой, известной

химикам. Эти фундаментальные вещества получили название *элементов*, — чтобы отличить их от *соединений*, которые можно как разлагать, так и синтезировать из других веществ.

Как соединения, так и элементы считались состоящими из неких базовых модулей, — кирпичиков, называемых атомами. Почему элементы не подвержены никаким изменениям? Естественное объяснение этому заключалось в том, что атомы разных элементов отличны друг от друга, но для одного и того же элемента они все одинаковы. Таким образом, соединения — например, вода, состоящая из водорода и кислорода, — могут быть разложены на составляющие, в случае воды — отделением водородных атомов от кислородных. Но кислород, будучи элементом, невозможно разложить на более простые вещества, сколько бы мы ни перетасовывали его идентичные атомы.

Атомы были постулированы древними греками, хотя их существование, широко принятое в научном мире, не было чётко доказано до 1905 года — то есть на протяжении 13 лет после смерти Бахауллы. При Его жизни считалось, что атомы, если они вообще существуют, представляют собой минимальные частицы материи, неделимые и непроницаемые. Эта теория подразумевала, что никакой элемент никогда не удастся переделать в другой, так как это означало бы изменение неизменных атомов.

Бахаулла, ещё в начале 1860-х годов, бросил вызов этому постулату. Он несколько раз упоминал в Своих Писаниях, что давняя мечта алхимиков — превращение меди в золото — вполне может быть реализована*, хотя и медь, и золото суть элементы.

Когда это заявление было приведено Его очернителями как доказательство Его невежества, Он написал:

Задумайся о сомнениях, что заронили в сердцах людей сей земли те, что придают Богу сотоварищей. «Возможно ли, — вопрошают они, — дабы медь когда-либо превратилась в золото?» Да, клянусь Господом моим, сие возможно. Однако тайна сия сокры-

* Бахаулла много писал по вопросу алхимии. Он отговаривал Своих последователей от занятия физическими аспектами этой ветви исследований и призывал их обратиться к её духовным аспектам — то есть заняться личной трансформацией. Он считал традиционную алхимию, — которая представляла собой причудливую смесь псевдонаучных вымыслов и предрассудков с редкими вкраплениями интересных идей и удачных предположений, — не чем иным, как «**праздными и негодными учениями**» и «**голословными заявлениями**». (Китаб-и-Иган, абз. 203 и 208.)

та в Нашем Знании... То, что медь способна обращаться в золото, по сути, есть веское доказательство того, что и золото, в свою очередь, может превращаться в медь... Всякий минерал может обрести плотность, вид и состояние любого другого минерала.[144]

В другом месте Бахаулла писал, что трансмутация элементов станет реальностью, и что это достижение будет одним из признаков наступления зрелости рода человеческого. Кроме того, Он предсказал, что после этого открытия миру будет угрожать великое бедствие, если только человечество не придёт под сень Дела Божьего.[145]

Это последнее пророчество вызвало определённое недоумение. Трансмутация могла оказаться возможной или невозможной, но одно всегда казалось самоочевидным: если она возможна, это будет огромный и несомненный выигрыш для всего человечества. Если люди смогли бы превращать медь в золото, или вообще любой элемент в любой другой, за этим однозначно должно было бы последовать безграничное богатство. Можно было бы изготавливать тогда любые дорогие товары — продовольствие, медикаменты, промышленное сырьё,— дёшево и в безграничных количествах. Дивные новые изобретения и чарующие открытия возвестили бы начало Золотого Века материального благосостояния. Подобные видения, по сути, и воодушевляли алхимиков на протяжении нескольких тысяч лет.

Трансмутация элементов была, в конечном итоге, достигнута,— древний секрет был раскрыт в начале XX века. Но, как и предвидел Бахаулла, здесь скрывалась ловушка: превращение одного элемента в другой связано с высвобождением ядерной энергии. Два этих феномена — трансмутация элементов и ядерная энергия — суть аспекты единого процесса; это две стороны одной монеты.

Большая часть энергии атома скрыта в его ядре — отсюда и термин «ядерная». Часть этой энергии может быть высвобождена либо путём его расщепления (т. е. разделения ядра атома на два более лёгких), либо путём синтеза (т. е. объединения двух или более ядер в одно более крупное). Это высвобождение энергии путём деления или синтеза приводит к появлению новых атомов, имеющих другие размеры и вес,— то есть, элементы превращаются друг в друга.

Взрыв водородной бомбы происходит из-за трансмутации водорода в гелий в результате реакции ядерного синтеза. Этот же процесс превращения водорода в гелий питает энергией Солнце и другие звёзды. На обычной

атомной электростанции расщепление атомов урана приводит к появлению целого зоопарка более лёгких элементов, а некоторые из нерасщепившихся атомов урана превращаются в плутоний, поглощая дополнительные нейтроны. Трансмутация элементов также происходит при самопроизвольном радиоактивном распаде, в результате чего уран, торий и ряд других элементов могут постепенно превращаться в более лёгкий свинец.

Таким образом, существует несомненная связь между обсуждаемым здесь предсказанием Бахауллы насчёт трансмутации элементов и Его пророчеством насчёт силы, способной отравить всю атмосферу земли, о которой мы подробно говорили в предшествующем разделе. Оба этих пророчества указывали на одно открытие: на ядерную энергию. Не менее поразительно и то, что Сам Бахаулла, несомненно, видел связь между ними — связь, о которой не мог знать ни один человек в Его время. Реализация древней мечты алхимиков, как Он и только Он предвидел, принесла не только благословения — это открытие дало в наши руки опасное орудие, которое, при отсутствии мудрости с нашей стороны, поставило человечество на грань ядерной катастрофы.

Хотя в бомбах и реакторах, равно как и в лабораторных экспериментах, можно получить самые разные элементы, большинство реакций трансмутации слишком сложно и дорого для практического применения на уровне нынешних технологий. Превращение меди в золото до сих пор попадает именно в эту категорию. Современная ядерная физика, тем не менее, определённо доказала, что Бахаулла был прав, когда говорил о возможности подобных реакций.

Сегодня чётко доказано, кроме того, что реакции трансмутации такой или даже большей сложности протекают внутри звёзд. Этот момент, связанный с ещё одним научным пророчеством бахаи, мы рассмотрим в следующем разделе.

Эволюция элементов

Пророчество 24: Открытие того, что сложные элементы развиваются в природе из простых.

Поскольку общее число элементов значительно превышает сотню, а их атомы весьма различаются по размерам и массе, естественным образом возникает вопрос, как возникло подобное разнообразие. Если бы мы, как это считалось до 1911 года, полагали, что атомы не подвержены изменениям, то нам оставалось бы всего две возможности:

Первая — мы могли бы считать, что это разнообразие существовало всегда.

Вторая — что оно возникло одновременно, либо естественным путём, либо благодаря Божественному акту творения, в отдалённом прошлом.

Абдул-Баха предложил третью альтернативу, изложенную Им в книге «Ответы на некоторые вопросы». Этот поразительный труд представляет собой сборник застольных бесед, которые Он вёл в Акке с 1904 по 1906 год, отвечая на вопросы Лауры Клиффорд Барни. Ответы стенографировались на персидском языке. Абдул-Баха впоследствии проверил эти заметки на точность, «иногда изменяя то или иное слово или строку Своим тростниковым пером», а затем подписал их.[146] Эти беседы были переведены на английский мисс Барни и были впервые опубликованы в 1908 г.

Согласно Абдул-Баха, разные элементы ведут своё начало от единственной формы материи, достигая своего нынешнего состояния после прохождения ряда промежуточных стадий:

...Итак, очевидно, что вначале материя была едина, и что единая материя проявлялась по-разному в каждом элементе. Так было создано многообразие форм, и различные виды проявления материи, единожды возникнув, остались в качестве постоянных, так что каждый элемент обрёл свою индивидуальность. Но это постоянство было не окончательным, и полностью и в совершенстве осуществилось лишь по прошествии очень долгого периода времени.[147]

Детальная проверка этого постулата — одна из самых удивительных страниц истории современной науки. Впервые эта тайна была приоткрыта в 1929 году, — причём благодаря открытию, казалось бы, из совершенно другой области. Астроном Эдвин Хаббл заметил, что все наблюдаемые галактики удаляются от нас со скоростью, пропорциональной расстоянию до них. Иными словами, чем дальше они от нас, тем быстрее удаляются. Это привело учёных к умозаключению, что мы живём в расширяющейся Вселенной, которая когда-то была сжата в бесконечно малом объёме.

Несколько независимых наборов фактов приводят нас к убеждению в том, что наш космос ведёт своё начало из некоего точечного источника, су-

ществовавшего 15-18 миллиардов* лет тому назад, и этот процесс назвали «Большим взрывом». Детали «Большого взрыва» до сих пор не совсем ясны. Одна из модных в настоящее время теорий «вакуумной флуктуации», предложенная Эдвардом Трайоном (Edward Tryon) и уточнённая Аланом Гусом (Alan Guth) предполагает, что подобное могло случаться несчётное множество раз, порождая многочисленные, скрытые друг от друга Вселенные. Согласно Алану Гусу, наш собственный Большой взрыв мог быть спровоцирован событиями в другой Вселенной, а наша Вселенная, в свою очередь, могла дать рождение другим мирам. Некоторые учёные постулируют «пульсирующую Вселенную», за каждым расширением которой следует сжатие и ещё один «Большой взрыв». В теории «конечной, но неограниченной» Вселенной Стивена Хокинга путём сложных математических выкладок «Большой взрыв» делается частью Вселенной, «не имеющей края в пространстве и начала или завершения во времени».[148]

Какое бы из этих объяснений ни оказалось правильным, немногие космологи сомневаются сегодня в том, что «Большой взрыв» действительно имел место. Модель «Большого Взрыва» однозначно исключает любую возможность того, что наблюдаемые нами сложные элементы всегда существовали в их нынешней форме. Любые атомы, что могли бы образоваться в той плавильной печи, были бы немедленно разорваны на части титаническим давлением и температурой. Не могли эти элементы появиться и одновременно после взрыва. Расчёты утверждают, что этот огненный шар, несмотря на всю свою энергию, расширился и охладился слишком быстро, и не смог бы поддержать те сложные взаимодействия, которые необходимы для создания более тяжёлых элементов.

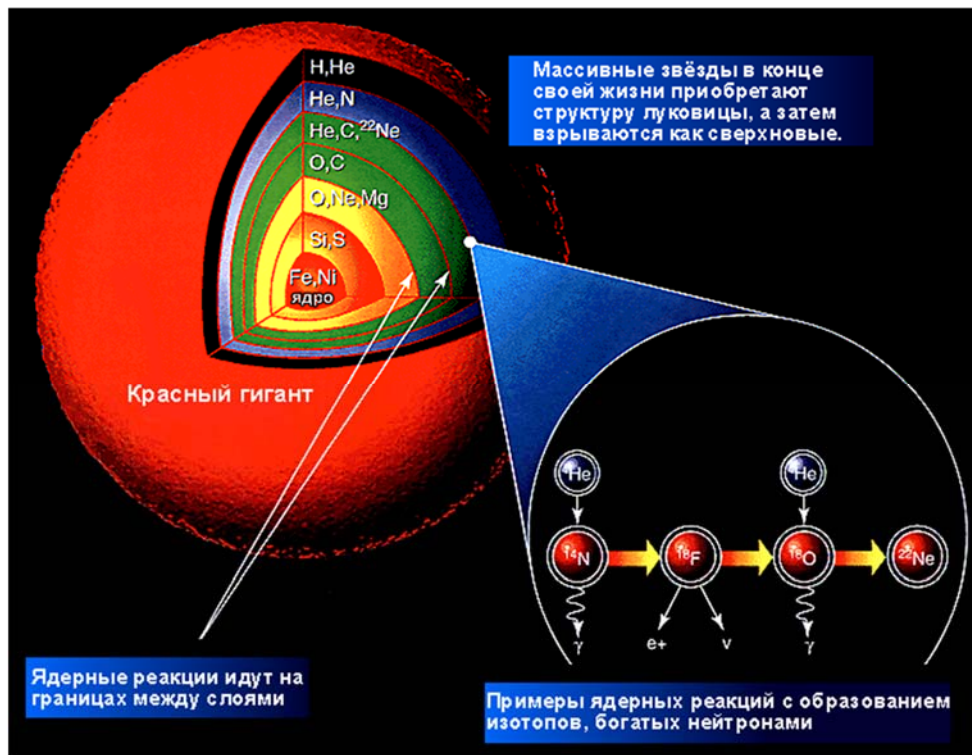
Учёные встали перед загадочным вопросом: где и каким образом возникают тяжёлые элементы? Наконец, после десятилетий исследовательской работы, изучения ядерных реакций и спектроскопического анализа звёзд они выработали подходящую теорию. Последние несколько частей мозаики встали на место в 1957 году. Я приведу ниже краткое (и весьма упрощённое) изложение этого процесса, как мы его сейчас понимаем.

В первые мгновения Вселенная представляла собой кипящий котёл неоформленной энергии, слишком горячий для того, чтобы вещество могло существовать в какой бы то ни было форме. Плотность этой конденсированной энергии превышала плотность камня; температура достигала миллиардов градусов. По мере того, как это адское протовещество расширилось и

* По современным представлениям, Вселенная возникла $13,7 \pm 0,13$ млрд. лет назад. — *прим. перев.*

охлаждалось, оно порождало ливни субатомных частиц, которые, благодаря взаимному притяжению, соединялись в атомы водорода, самого простого элемента. За то время, пока температура упала слишком низко для поддержания ядерных реакций, примерно одна пятая часть этого водорода превратилась в гелий (следующий элемент после водорода), а также в небольшие количества лития и бериллия.

Всё это произошло в течение нескольких минут. Следующие несколько миллиардов лет прошли без ярких событий: водородно-гелиевые облака плыли сквозь тьму, где-то истончаясь, где-то уплотняясь. Космос не совсем пуст; даже сегодня он по-прежнему наполнен остатками того изначального газа. Более плотные облака уплотнялись под собственным весом, через некоторое время набирая достаточное внутреннее давление, чтобы внутри них загорелся огонь реакций синтеза, породив видимые нам звёзды.

ряд более сложных реакций синтеза. Эти реакции постепенно порождают весь ассортимент привычных нам лёгких элементов — углерод, кислород и так далее,— которые образуют вокруг ядра звезды разные слои, в зависимости от своего веса.*

Эта фаза процесса обычно занимает ещё несколько миллиардов лет. Самый тяжёлый из образующихся таким образом элементов — железо, оно формирует внутренний газовый слой звезды и делает её неустойчивой. Если звезда достаточно массивна, эта нестабильность в какой-то момент приводит к схлопыванию её сердцевины, в результате чего через все прочие слои проносится чудовищно громкая ударная волна. Этот акустический удар — самый сильный звук, известный науке,— уничтожает звезду во взрыве сверхновой, создавая исключительно высокую температуру, давление и избыток свободных нейтронов.

Ядра атомов, попавших в этот поток, склонны быстро поглощать нейтроны, примерно половина которых затем превращается в протоны путём излучения бета-частиц. Поскольку именно число протонов определяет химическую принадлежность атомов, этот процесс приводит к их быстрой эволюции, и в результате на каждом шаге образуются всё более тяжёлые элементы.

Таким образом, атом, который в начале взрыва сверхновой был железом, может, по мере того, как его ядро с каждым шагом набирает вес, за долю секунды превратиться в кобальт, потом — в никель, потом — в медь и так далее. Последующие шаги по этой лестнице всё более и более тяжёлых элементов способны привести к золоту, а затем к свинцу, кадмию и ещё более тяжёлым элементам. На самом деле, любой более лёгкий элемент может эволюционировать в более тяжёлый, причём в мгновение ока.

Таким образом, умирающая звезда — истинный алхимический тигель: именно здесь недрагоценные металлы превращаются в золото, свинец, уран и все другие элементы тяжелее железа, а затем выбрасываются в космос в виде газа, чтобы смешаться с межзвёздным водородом и гелием. Когда впоследствии из межзвёздного тумана конденсируются другие звёзды и планеты, они наследуют некоторые элементы, рождённые в более ранних звёздах. Наше собственное Солнце, относительно новая звезда, и наша планета, Зем-

* Железо и более лёгкие элементы, называемые *рассадочными*, выносятся из звезды при взрыве сверхновой благодаря мощнейшим потокам нейтрино и вращающемуся магнитному полю. Нейтроны также вырываются из звезды в ходе этого процесса, и затем могут прореагировать с рассадочными элементами с образованием более тяжёлых атомов, вплоть до урана. — *прим. перев.*

ля, возникли именно из такого космического рога изобилия. Каждое вещество или объект, что попадают на глаза, когда-то были частью некоей древней звезды.

Нынешняя теория, как было сказано выше, утверждает, что водородно-гелиевая смесь, послужившая сырьём для этого процесса, образовалась во время «Большого взрыва». Тем не менее, теория того, что более сложные элементы образуются в звёздах, достигая своей конкретной формы на протяжении миллиардов лет эволюции, никоим образом не зависит от правильности модели «Большого взрыва», поскольку в её пользу свидетельствует большое количество независимых наблюдений. Таким образом, даже если теория «Большого взрыва» впоследствии будет скорректирована или вообще отвергнута, теория эволюции элементов в основных чертах останется неизменной.

Когда детали этой картины впервые стали ясны в 1957 году, оказалось, что Абдул-Баха в точности описал всё это полувеком ранее. Эти факты также подтверждают то, что Бахаулла написал в 1862 г.: а именно, что медь способна превращаться в золото в мгновение ока. В Китаб-и-Иган («Книге Несомненности») Он использует следующую аналогию для описания глубокого воздействия Божественного Откровения на человеческую душу:

Рассмотри, к примеру, такое вещество, как медь. Если бы в недрах рудника она была защищена от затвердевания, она бы за семьдесят лет достигла состояния золота... Как бы то ни было, подлинный эликсир в единый миг позволит меди достичь состояния золота, и семидесятилетний срок обратится в краткое мгновение.[149]

Как отмечали многие читатели, этот отрывок метафорически описывает процесс духовного роста, и поэтому первый уровень его смысла связан с человеческой жизнью и характером. Тем не менее, было бы неправильно ограничиться здесь исключительно образным смыслом, отбросив возможные буквальные интерпретации или физический смысл этого утверждения. Бахаулла проводит здесь параллель между духовным миром и неким материальным фактом. Поэтому Хранитель, в письме, написанном секретарём от его имени, даёт следующий комментарий:

Мы, как бахаи, должны предполагать, что поскольку Он [Бахаулла] имел доступ ко всему объёму знаний, Он ссылается здесь на

определённые физические обстоятельства, которые, теоретически, могли бы существовать.[150]

Но как может медь «в недрах своего рудника» быть защищена от затвердевания, — не говоря уже о том, чтобы превратиться там в золото? Вряд ли Бахаулла ссылался на какой-то рудник на Земле, поскольку медная руда в земных условиях всегда твёрдая. Конечно, в металлургической лаборатории можно поддерживать медь в расплавленном или даже газовом состоянии неопределённо долго; однако подобные условия едва ли можно назвать рудником.

Но ситуация начинает выглядеть совсем иначе, если мы допустим, что под медным «рудником» Бахаулла подразумевал взрывающуюся звезду. Медь рождается во вспышках сверхновых. В этой звёздной печи — в своём истинном месторождении, из которого вышел каждый атом меди на Земле, — она и не может затвердеть. Кроме того, медь, образовавшаяся при взрыве, вполне может и дальше захватывать нейтроны, которые будут затем превращаться в протоны, — иными словами, ядерные реакции могут продолжаться до тех пор, пока она не превратится в золото или даже более тяжёлые элементы. В рамках этого сценария вполне можно назвать этот звёздный тигель, где рождается медь, её «рудником», а поток нейтронов от сверхновой — «подлинным философским камнем», который буквально в мгновение ока способен осуществить процесс трансмутации.

Эти откровенно спекулятивные рассуждения, однако, ставят ещё один вопрос: если Бахаулла говорил о взрыве сверхновой, и если (как считают в настоящее время) подобные взрывы длятся всего несколько дней, почему Он описывает трансмутацию как происходящую «в течение семидесяти лет»? Хотя в строго буквальном смысле слова любое событие, длительность которого меньше семидесяти лет, происходит «в течение» этого периода, логичнее было бы предположить, что семидесятилетний срок упомянут здесь не просто так. На ум приходят два возможных ответа.

Первый заключается в том, что могут иметь место некоторые, пока ещё неведомые нам обстоятельства, в которых переход меди в золото происходит более медленно, — не обязательно именно в момент нарастания блеска сверхновой. Хотя мы вроде как знаем, что этот переход происходит быстро, мы также знаем и то, что более медленный вариант теоретически возможен — в том смысле, что он не нарушает никаких законов физики. Из бесконечного множества возможных ядерных реакций лишь малый про-

цент был пока описан — и ещё меньший процент экспериментально изучен.*

Второй ответ (предложенный Чарльзом Коффи) заключается в том, что Бахаулла описал этот процесс как происходящий «в течение семидесяти лет» просто для того, чтобы подчеркнуть известную аналогию между трансмутацией элементов и человеческим духовным развитием. Семьдесят лет — традиционный «человеческий век». Описав длительность процесса в этих формально точных терминах, — но при этом отметив возможность его значительного ускорения при благоприятных условиях, — Бахаулла подчеркнул важную истину: хотя человеческий характер может меняться быстро, но обычно нам всё-таки приходится биться с самими собой на протяжении всей нашей жизни.

Заявление Бахауллы касательно трансмутации меди в золото «в недрах своего рудника» озадачивало не одно поколение читателей. Мы надеемся, что приведённые выше рассуждения поспособствуют дальнейшим исследованиям. Не исключено, что нам предстоит не меньше узнать о смысле слов Бахауллы, чем астрофизикам — о нуклеосинтезе. Впрочем, современные открытия уже сейчас позволяют нам утверждать с обоснованной долей уверенности: то, что мы уже знаем о смысле Его слов, полностью согласуется с тем, что мы уже знаем касательно эволюции элементов.†

НЕБО — НЕ ПОТОЛОК

Космическая эпоха, как и Атомная, занимает большое место в пророчествах бахаи.

Звёзды и планеты

Пророчество 25: Признание планет необходимым побочным продуктом образования звёзд

Звёзды самого разного цвета и светимости собираются в галактики восхитительных форм. Наше Солнце, довольно типичная жёлтая звезда,

* Существование так называемых «технециевых звёзд» заставляет предположить, что процессы нуклеосинтеза протекают и в недрах обычных звёзд — а не только взрывающихся сверхновых. — *Примеч. перев.*

† Лекции по этой теме можно послушать на сайте «ПостНаука» в курсе «Нейтронные звёзды и чёрные дыры»: <http://postnauka.ru/courses/17745>. Лекция о жизни звёзд и всех вышеописанных процессах трансмутации элементов в их недрах: <http://youtu.be/GTozi385mks>

входит в Млечный Путь,— тоже вполне типичную спиральную галактику. В галактике Млечный Путь — не менее ста миллиардов звёзд, и примерно таким же числом выражается общее количество галактик в наблюдаемой части Вселенной. Практически ни у кого не вызывает сомнения, что «наблюдаемая Вселенная» — лишь песчинка в огромном Космосе.

Поскольку наше солнце и галактика настолько ординарны, возникает вопрос, насколько обычным явлением следует считать нашу планету, Землю. Бахаулла писал что «у всякой неподвижной звезды* есть свои планеты и на каждой планете есть свои создания, исчислить кои не в силах ни один человек».[151]

Уже в начале XX века стало ясно, что возраст и размеры физической Вселенной в миллионы раз больше, чем обычно полагали во времена Бахауллы. Однако что касается наличия планет вокруг других звёзд, такого согласия не было. Астрономы давно знали, что звёзды, словно сияющие капли дождя, конденсируются из облаков межзвёздного водорода, смешанного с другими газами, рассеянными в космическом вакууме; однако до самого недавнего времени они не имели никаких подтверждений тому, что этим же процессом можно объяснить образование планет, вращающихся вокруг этих звёзд.

В отсутствие подобных свидетельств многие теоретики обратились к идее, что Земля и другие планеты нашей Солнечной системы, в том числе Марс, Венера, Юпитер и так далее, получились в результате близкого пролёта мимо Солнца какой-то другой звезды (или ещё какого-то большого небесного тела). Согласно этой модели, гравитационные волны, порождённые этой катастрофой, вырвали из Солнца несколько пылающих капель вещества, которые остались на его орбите и после охлаждения стали самостоятельными мирами. Поскольку звёзды не так часто сталкиваются друг с другом, эта гипотеза подразумевала, что планеты, подобные нашей, чрезвычайно редки в космосе.

Менее катастрофическая модель была сформулирована в XVIII — начале XIX века Кантом и Лапласом. Они полагали, что планеты — это капли

* Термин «неподвижная звезда» возник в древности. Он описывает те небесные тела, которые за время человеческой жизни не изменяют своего видимого положения на небе относительно друг друга. Этим они отличаются от объектов, названных «блуждающими звёздами», которые движутся по небу по траекториям, аналогичным траекториям Солнца и Луны. Сегодня мы, конечно, знаем, что «неподвижные звёзды» — это самосветящиеся тела, подобные нашему Солнцу, тогда как «блуждающие звёзды» — это планеты, как наша Земля.

материи, оторвавшиеся от Солнца в период его конденсации. Однако этой гипотезе противоречило слишком много фактов, так что она была отвергнута большинством астрономов. К 1946 году аргументы против «центробежной модели» Канта-Лапласа казались настолько неопровержимыми, что астрофизик Георгий Гамов в своей классической работе «Рождение и смерть Солнца» так сформулировал существующий научный консенсус: «В свете нашего нынешнего понимания эта привлекательная и простая гипотеза [«центробежная модель»] не выдерживает серьёзной критики». «Поэтому необходимо предположить... что момент вращения был принесён в планетную систему со стороны, и формирование планет обязано столкновению нашего Солнца с другим небесным телом сравнимых размеров». «Поэтому мы вынуждены заключить, что планетные системы — весьма редкий феномен, и что нашему Солнцу чрезвычайно повезло заполучить себе такое сопровождение».[152]

Этот консенсус торжествовал до 1970-х годов, когда новые математические модели побудили астрофизиков возродить, в более сложном виде, гипотезу Канта-Лапласа. Сейчас они полагают, что в процессе конденсации вращающейся звезды вокруг неё неизбежно возникает газопылевой диск. Более крупные частицы «подметают» этот мусор внутри диска, собирая его на себя и формируя всё более массивные комья, которые затем слипаются друг с другом благодаря взаимному притяжению. Эти комья, вытянутые в полосы, подобные кольцам Сатурна, через некоторое время стягиваются в более крупные объекты.[153]

Хотя нынешний уровень знаний, если верить Карлу Сагану, не предоставляет «окончательных доказательств», однако «убедительно свидетельствует в пользу того, что звёзды, подобные нашему Солнцу, часто, а то и вообще всегда, окружены планетами».[154] Они могут сильно отличаться по размеру — от крошечных протопланет, называемых «планетезималь», и до сверхгигантов, более массивных, чем Юпитер, — самый большой из объектов, вращающихся вокруг нашего Солнца. Новая модель считает планетные тела обычным и, вероятно, неизбежным побочным продуктом жизни звёзд, — а вовсе не уродами, явившимися на свет в результате несчастного случая. Это нормальные дети любой нормальной звезды — столь же неотъемлемый продукт жизненного цикла звёзд, как их жар и свет.*

* Некоторые звёзды — а именно, двойные системы с небольшим расстоянием между компонентами, — имеют такие характеристики своих орбит, что нормальные планеты не смогут удержаться вокруг них. В таких случаях, впрочем, каждую из звёзд в каком-то смысле можно считать планетой по отношению к своему партнёру. Ну и, конечно же, планетная система может на любой стадии своей эволюции по-

Ценность какой бы то ни было теории зависит не столько от её элгантности и правдоподобия, сколько от того, подтверждаются ли на практике её предсказания. Свидетельства в пользу принятой сегодня концепции первоначально поступили от инфракрасного орбитального телескопа, который обнаружил диски холодного вещества вокруг Веги и других молодых и ярких звёзд. Во второй половине 1980-х астрономы получили многообещающие указания на то, что вокруг более чем дюжины соседних звёзд существуют реальные планеты.

Октябрь 1995 года был ознаменован открытием первой «экзопланеты» (т. е. планеты, находящейся в какой-то другой солнечной системе). Новоткрытый мир был связан со звездой 51 в созвездии Пегаса, расположенной всего в 42 световых годах от Земли. На наличие планеты указали колебания звезды, вокруг которой она вращается. Ещё две планеты — одна у звезды 70 созвездия Девы, другая — у 47 Большой Медведицы (в ручке ковша), были объявлены в январе 1996 г.; не заставили себя ждать и другие. На момент написания этих строк уже открыто более 17 планет, а также первая многопланетная система за пределами нашей собственной.*

Астрономы, конечно же, вполне обоснованно не спешат делать слишком широкие обобщения, опираясь на пока ещё небольшое число доказанных планет и неполные математические модели. Чтобы надёжно убедиться в истинности утверждения Бахауллы о том, что «у каждой неподвижной звёзды имеются свои планеты», потребуются провести ещё немало исследований. (Это уже не говоря о том, что между учёными до сих пор нет согласия в том, насколько велико должно быть небесное тело, чтобы считаться планетой.) Тем не менее, это Его заявление, долго считавшееся несостоятельным, на сегодня хотя бы частично подтверждено. Поскольку новые открытия в этой области совершаются чуть ли не каждый день, заинтересованному читателю лучше обратиться к последним научным публикациям на эту тему.

Объявляя об изобилии планет, Бахаулла добавил также, что «на каждой планете есть свои создания, перечислить кои неспособен ни один человек»[155]. Скептики могут возразить, что условия на Меркурии, Юпитере и других известных нам планетах слишком враждебны, чтобы поддержать жизнь в тех формах, которые нам известны. Оставляя пока в стороне увле-

гибнуть в какой-то катастрофе, — например, при взрыве сверхновой или при столкновении звёзд.

* На конец июля 2015 г. количество подтверждённых экзопланет приближается к двум тысячам. — *Примеч. перев.*

кательные размышления о «жизни в (не)известных нам формах», следует всё же отметить, что персидско-арабское слово «Хальқ», переведённое здесь как «создания», подразумевает не только животных, но и объекты, которые в западных языках традиционно считают неживыми. Впрочем, почти все словари (как английские, так и русские) соглашаются, что термин «создания» означает и неживые объекты в том числе (как в словосочетании «создания природы», например). Особенно верно это в отношении того несколько архаичного словупотребления, которое предпочитал Хранитель в своих переводах Писаний бахаи.

Кроме того, Бахаулла открытым текстом заявляет, что даже «минералы наделены духом и жизнью согласно требованиям сей стадии... ибо Он речёт в Коране: "Всё сущее наделено жизнью"». [156] Таким образом, камни, озёра, облака и другие неодушевлённые (в западной традиции) предметы могут, в некотором простейшем смысле, подпадать, согласно Бахаулле, под определение «созданий». Как бы то ни было, сам Шоги Эффенди так разъяснил этот вопрос: «Создания, которые, как заявляет Бахаулла, находятся на каждой планете, могут оказаться как похожи на землян, так и отличаться от них. Выяснить природу этих созданий когда-нибудь должны будут учёные». [157]

Железная дорога на небеса

Пророчество 26: Космические путешествия

В то время, когда ещё толком не началась даже эпоха авиации, Абдул-Баха — яснее, чем многие нынешние политические лидеры, — провозгласил необходимость планомерного освоения космоса. Выступая в Париже 19 февраля 1913 г., Он призывал направить усилия на достижение других планет. Он указал, что такой проект:

...Стал бы естественным продолжением уже достигнутых успехов в науке и технике. [158]

В одном из Своих писем Он также упомянул космические путешествия, причём отозвался о них весьма образно. В этом письме Он предупреждал бахаи, чтобы блеск космической программы (или любого другого грандиозного мероприятия) не отвлекал их от прозаичной, но при этом бесконечно более важной задачи распространения учения Бахауллы:

Я знаю без тени сомнения, что единственное общечеловеческое, никогда не заканчивающееся, вечное, славное и божественное предприятие — это нести повсюду дуновения Божии и распространять наставления Божии, а всё прочее, будь то даже владычество над всеми краями Земли, или возведение железной дороги от земли к небесам, или способ передвижения с быстротой поднимающейся молнии от земного шара к солнечному шару,— всё это смертные, тленные, непрочные и невыгодные предприятия, в сравнении с тем делом, что ниспослано свыше.[159]

Если бы мы хотели описать нынешние космические челноки в образах, знакомых современникам Абдул-Баха в начале века, вряд ли мы смогли бы придумать что-то более точное, чем «железная дорога от земли к небесам». И едва ли можно более образно выразить удивительную скорость, достигнутую современными космическими кораблями, чем сказать, что они движутся «с быстротой поднимающейся молнии». Наверное, самая поразительная часть этого отрывка,— упоминание средства передвижения «от земного шара к солнечному шару». Это событие, совершенно невысказанное во времена Абдул-Баха, стало реальностью в октябре 1990 г., когда европейцы запустили солнечный зонд «Улисс» с американского челнока «Дискавери». Облетев Юпитер, этот космический робот в середине 1994 г. пролетел над южным полюсом Солнца, а в середине 1995 г. — над северным, каждый раз отправляя на Землю большие объёмы данных.

Конечно же, полётом «Улисса» история полётов к Солнцу вряд ли закончится. Артур Кларк в своей книге «Черты будущего» (Arthur C. Clarke, Profiles of the Future), предполагает, что ожидаемые успехи в физике плазмы в один прекрасный день позволят сгенерировать непроницаемое «силовое поле» (давняя мечта писателей-фантастов), способное выдерживать непосредственный контакт с солнечным огнём. «Когда мы его изобретём,— пишет он,— то получим ключ не только от глубин Земли, но и, может статься, от глубин Солнца».[160]

ОБЩИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Инфекционность рака

Пророчество 27: Открытие заразных форм рака.

Абдул-Баха писал, что «такие телесные заболевания, как чахотка и рак, заражны»* в той же мере, что и другие инфекции, которых должен остерегаться «благоразумный и здоровый человек».[161] Это наставление очевидно в отношении чахотки (туберкулёза), но как насчёт рака?

Данное заявление, опубликованное в 1921 г., резко противоречило сложившемуся на тот момент мнению врачей. Доказательства против этой точки зрения казались неопровержимыми; единственным аргументом «за»,— и то, в лучшем случае, двусмысленным,— было открытие в 1908 и 1911 гг. ряда «вызываемых вирусами опухолей» у цыплят.

В то время их обычно считали «биологическим курьёзом,— либо не настоящим раком, либо специфической особенностью птиц как вида».[162] Как бы то ни было, Абдул-Баха высказал Своё замечание насчёт рака во время обсуждения человеческих болезней, как духовных, так и телесных, и это открытие явно не имело к ним никакого касательства.

Лишь много лет спустя, после того, как исследователи нашли аналогичные опухоли у кроликов (1932), лягушек (1934) и мышей (1936), стало крепнуть подозрение, что некая связь всё же имеется.[163] Эти инфекционные формы рака долго игнорировались по той причине, что обычные способы их распространения склонны маскировать их истинную природу. Они могут, например, передаваться через материнское молоко или плаценту, и поэтому могут быть приняты за наследственное заболевание. Многие подобные вирусы перестают проявлять инфекционную активность после того, как вызовут рак, что чрезвычайно затрудняет определение их роли в этом процессе. Эти открытия заставили предположить, что аналогичные вирусы, порождающие опухоли, могут передаваться и от человека к человеку.

Никто из профессионалов никогда и не говорил, что все или даже большинство форм рака заражны, а уж тем более — что они передаются при бытовом контакте. Очень многие злокачественные опухоли однозначно вызваны воздействием химических веществ, радиации или других аналогич-

* Персидское слово, переведённое здесь как «заразный», охватывает также и все оттенки терминов «инфекционный» и «передающийся от человека к человеку». Оно может означать, следовательно, как мягкую, редкую форму инфекционности, так и сильную и очевидную заразность болезни.

ных факторов окружающей среды, равно как и наследственными и генетическими факторами; возможно также сочетание этих причин. Тем не менее, инфекционная природа некоторых форм рака у человека сегодня «установлена почти наверняка»[164], и «доказательства этого крепнут месяц от месяца»[165]. Рак шейки матки, например, в клинических исследованиях связывают с вирусом папилломы человека. Исходя из подобных исследований, многие врачи сегодня полагают, что если мужчина находился в сексуальном контакте с несколькими женщинами, у одной из которых наблюдается рак шейки матки, он может стать носителем этого вируса и передавать болезнь от заражённой партнёрши к здоровым женщинам.[166]

Другая инфекция, вирус Эпштейна-Барр, может вызывать африканскую форму лимфомы Буркитта и рак носоглотки.[167] Под подозрением на инфекционность находятся ещё несколько форм рака человека, и окончательное выяснение их природы, судя по всему, не за горами.

Таким образом, в отношении рака положение сильно напоминает ситуацию с предсказанием о планетах в других звёздных системах: последние открытия науки убедительно поддерживают заявления, содержащиеся в Писаниях бахаи, хотя исследователям ещё предстоит поставить все точки над *i* (и *ë*) и все палочки в *t*. И вновь читателю рекомендуется заглянуть в последние выпуски научных журналов или в другие авторитетные источники, чтобы узнать о самых последних открытиях.

Недостающее «недостающее звено»

Пророчество 28: Провал поисков «недостающего звена» между человеком и обезьяной.

Объясняя точку зрения бахаи на эволюцию человека, Абдул-Баха сделал поразительное пророчество касательно палеонтологии — науки об ископаемых останках. К несчастью, эволюционная теория провоцировала нешуточные религиозные споры с самого момента первой публикации в 1859 г. книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов». Эти споры заставляют многих людей думать, будто наука и религия никогда не согласятся по вопросу об эволюции. Это мнение, пусть и не общепринятое, принимается без вопросов многими выдающимися представителями как в религиозной, так и в научной среде. Одним из результатов этой печальной ситуации стало то, что изолированные замечания касательно эволюции мгновенно относят на счёт или одного лагеря, или другого; и предсказание Абдул-Баха нередко постигает та же судьба. Поэтому, прежде чем углубляться в конкретику, мне

хотелось бы сделать небольшое отступление и рассказать о моём собственном понимании общего подхода бахаи к этому непростому вопросу.

Во-первых, библейский рассказ о сотворении мира из Книги Бытия имеет символическое значение. Это не означает, что мы можем отмахнуться от него как от бессмысленного или неважного. Абдул-Баха говорит, что эта аллегория «содержит ниспосланные свыше тайны и вселенский смысл, и может раскрыть удивительные вещи».[168] Он кратко описывает один из таких возможных смыслов в «Ответах на некоторые вопросы», добавляя: «Размышляйте, пока не обнаружите остальные».[169] Тем не менее, Книга Бытия — это не исторический документ, и содержащийся в ней рассказ не означает, что земля была создана несколько тысяч лет тому назад в течение обычной недели, включающей 7 дней по 24 часа каждый.

Что же касается вопроса о том, когда Бог создал Вселенную, то Бахаулла даёт на него довольно необычный ответ: Он творит её в этот самый момент! «Момент творения» — это любой момент настоящего, в том смысле, что Вселенная постоянно «излучается» Богом, не имея ни начала, ни завершения во времени. Точно так же, как Солнце постоянно сотворяет свой собственный свет, или Земля постоянно создаёт свои магнитное и гравитационное поля, так и Бог постоянно создаёт Космос. Он одновременно и его Источник, и его Хранитель, так что всё сущее обретает бытие лишь благодаря Ему. Таким образом, в каком-то смысле Божия Вселенная постоянно обновляется и сотворяется заново; с другой, стороны, можно сказать, что она столь же вечна, как вечен Бог, её Творец.[170]

В рамках же мира творения всё изменяется и эволюционирует в соответствии с природными законами, установленными Богом. Этим законам неуклонно подчиняются как самые малые, так и самые большие структуры,— вообще всё, что имеет место быть. (Как мы уже выяснили выше, модель Большого Взрыва предполагает, что сам пространственно-временной континуум, в шкале отсчёта которого мы обитаем, может оказаться лишь частью и стадией чего-то бóльшего.) Этот эволюционный принцип особенно ярко проявляется в отношении живой природы, поскольку никакой резкой границы между живым и неживым не существует.

В учении бахаи говорится, что «Движение есть жизнь»[171] и что «Всё сущее живо» в некотором смысле слова.[172] Таким образом, с точки зрения бахаи не существует никакого конфликта между теорией эволюции и Божественным творением. Вполне может оказаться так, что, в полном согласии с современной биологической наукой, каждый эволюционный шаг происходит благодаря взаимодействию слепых и автоматически действующ-

щих сил — а может быть, и вообще случайно. Тем не менее, отсюда вовсе не следует, что весь процесс в целом не имеет никакой цели. Всё это часть Божиего Великого Плана, составленного, исполняемого и направляемого Им. Нет никакого противоречия в том, чтобы процесс шёл слепо на одном уровне, но при этом сознательно направлялся на другом. Современная наука изобилует аналогичными парадоксами, в целом известными как «принцип дополнительности»: так, свет может быть описан двумя, на первый взгляд, несовместимыми между собой теориями,— и как частицы, и как волна. Ни одна из этих теорий не объясняет всех свойств света, но вместе они успешно справляются с этой задачей. Движение бильярдного шара можно предсказать совершенно точно, в то время как движение составляющих его молекул абсолютно случайно,— и т. д.

Таким образом, учение бахаи решительно поддерживает тех биологов, которые полагают, что жизнь,— в том числе и жизнь человеческого рода,— проходила через эпохи постепенного развития. Тем не менее, в учении бахаи отвергаются некоторые тезисы, обычно связанные с этой точкой зрения. Главнейшим из заблуждений считается концепция того, что человек лишь количественно отличается от остальных приматов — например, шимпанзе и горилл. Из всех созданий только человек, согласно учению бахаи, обладает бессмертной душой:[173] и только человек способен на абстрактное мышление и духовное развитие, кои суть врождённые свойства этой души.[174] Этот фундаментальный компонент человеческой природы есть ниспосланный свыше дар, а не продукт биологической эволюции или наследство, доставшееся нам от звериных предков. В свете вышесказанного, как говорит Абдул-Баха, современные эволюционисты ошибаются, когда постулируют, что «человек произошёл от животных».[175]

Дарвинизм иногда описывается как теория, якобы утверждающая, что «человек произошёл от обезьяны». Это описание, в лучшем случае, неточное. Ни Дарвин, ни его преемники никогда не думали, что человек развился из животных, идентичных современным обезьянам; они лишь утверждают, что оба вида развились из некоего раннего и более примитивного обезьяноподобного предка. Люди и обезьяны, следовательно, рассматриваются как относительно близкие двоюродные братья и сёстры, имеющие общего предка, от которого они откололись несколько миллионов лет назад. Этот гипотетический общий предок получил название «недостающее звено», иногда применяемый в широком смысле ко всем более примитивным формам раннего человека,— в том числе, например, к неандертальцам. В своём исходном значении, однако, он ссылается строго на существо, которое было одновременно ранней обезьяной и ранним человеком.

Абдул-Баха заявляет в «Ответах на некоторые вопросы», что человек «был всегда особым видом,— человеком, а не животным».[176] Если мы примем, что любой предок современных животных был сам животным, это утверждение весьма сложно примирить с мнением о том, что люди и обезьяны имеют общего предка. Конечно, можно заявить, что это очевидное противоречие — не более чем вопрос семантики: не исключено, что Абдул-Баха просто датирует появление человека моментом первого появления души, чтобы подчеркнуть, что мы не унаследовали свою более высокую духовную природу от наших предков-животных. Конечно, стоило бы более тщательно исследовать как вопрос о том, что Он хотел сказать в данном случае, так и о том, какие биологические связи здесь могут быть задействованы.

Одно, впрочем, очевидно уже сейчас: Абдул-Баха предсказал, что ископаемые останки недостающего звена никогда не будут найдены. «Между человеком и обезьяной,— сказал Он, выступая в университете Леланда Стэнфорда в 1912 г.,— есть одно недостающее звено, и по сию пору учёным не удалось отыскать его. Следовательно, величайшее доказательство этой западной теории эволюции,— анатомическое... Потерянное звено дарвиновской теории само по себе доказывает, что человек — не животное. Разве возможно, чтобы все звенья присутствовали, а столь важное звено отсутствовало? Его отсутствие указывает на то, что человек никогда не был животным. Оно никогда не будет найдено».[177]

Учёные как до, так и после этого искали доказательства существования недостающего звена с жаром, достойным рыцарей короля Артура, ищущим Святой Грааль. Ирония ситуации заключается в том, что в том самом 1912 году, когда Абдул-Баха сделал Своё предсказание, их поиски привели к открытию Пилтдаунского человека,— обезьяноподобного создания, чьи скелетные фрагменты демонстрировали одновременно человеческие и обезьяньи признаки. Как популярная, так и научная пресса поспешила возвестить, что недостающее звено, наконец, обретоно. Это открытие считалось непрерываемым до тех пор, пока в 1953 году исследователи не обнаружили, что Пилтдаунского человека, собственно говоря, можно считать «связующим звеном» только в куда более прозаическом смысле этого слова. Оказалось, что некий шутник соединил челюсть человека с верхней частью черепа шимпанзе, а затем обработал их химическими реагентами, чтобы они выглядели ископаемой находкой. Пилтдаунский человек тихо исчез со страниц учебников, по которым он триумфально шествовал на протяжении жизни двух поколений.

Учёные откопали, конечно, немало и реальных останков древних людей. Ни одна из этих находок, однако, не смогла взойти на трон «недостаю-

шего звена», откуда столь бесславно был свергнут Пилтдаунский человек. До самого недавнего времени старейшим ископаемым приматом, предком современного человека, считалась «Люси», представитель прямоходящего семейства австралопитеков. Полагают, что Люси, чьи кости были найдены в 1974 г. в Эфиопии, жила примерно 3 млн. лет тому назад. Несмотря на это, она не может считаться общим предком людей и современных обезьян.

«Предки “Люси”, судя по всему, спустились с деревьев и поднялись с четырёх лап на две ноги задолго до её эпохи,— вероятно, в самом начале периода эволюции человека,— пишет Оуэн Лавджой (С. Owen Lovejoy) в журнале «Сайентифик Америкэн».[178]— Если прямохождение было хорошо развито уже во времена австралопитеков, то его возникновение следует датировать самыми первыми гоминидами, линия которых, вероятно, отщепилась от остальных приматов 8-10 млн. лет назад».[179] Такая хронология отодвигает любое истинное «недостающее звено», по крайней мере, на 5-7 млн. лет в прошлое от Люси.

Такая датировка, однако, сейчас активно критикуется. Новые генетические исследования в области молекулярной биологии заставляют многих учёных думать, что обезьяны и люди были единым видом ещё каких-то 6 млн. лет назад. Недавно обнаруженные скелеты указывают на два ещё более примитивных и обезьяноподобных вида, чем Люси. Самый древний из них, *Ardipithecus ramidus*, жил примерно 4,4 млн. лет назад. Как и в случае Люси, его останки были обнаружены в Эфиопии. Подтверждение этих оценок могло бы сузить вероятный диапазон до примерно полутора миллионов лет.

Заглянув настолько далеко, многие палеонтологи чувствуют, что им уже рукой подать до самого «недостающего звена». Другие же, памятуя о бывших разочарованиях и рухнувших надеждах, предпочитают пока оставаться скептиками. Газета «Лос-Анджелес Таймс» в статье от 17 августа 1995 г. перечисляет некоторые вопросы, оставшиеся открытыми и после обнаружения *Ramidus*:

Может быть, этот вид был предком не современных людей, а крупных обезьян современной Африки? Может быть, ископаемые фрагменты из разных точек представляют собой смешение костей нескольких видов? Следует ли относить три известных сейчас вида древних гоминидов к одной эволюционной линии? Или это просто отдалённые родственники?

Питер Эндрюс, специалист по древним обезьянам и вопросам происхождения человека из Музея естественной истории в Лондоне подводит такой итог всему этому: «Мне кажется, что эти ископаемые находки поднимают больше вопросов, чем дают ответов».

Уверенная идентификация «недостающего звена» потребует выстраивания правдоподобной цепочки ископаемых останков не только от этого «звена» до нас, нынешних людей. Палеонтологам также придётся реконструировать такую же переходную цепочку до современных обезьян. Прогресс в этом направлении пока невелик.

На момент выступления Абдул-Баха в Стэнфорде эволюционисты с нетерпением ожидали, что палеонтология вот-вот раскроет ископаемую историю человека и обезьяны и в точности укажет, где и когда эти два вида разделились. Сегодня, после восьмидесяти лет интенсивных исследований, эта цель так и не достигнута. И заявление Абдул-Баха о том, что ископаемое доказательство подобного родства вообще никогда не будет найдено, уже не кажется таким самонадеянным. Нил Элдредж и Иан Таттерсолл в своей книге «Мифы об эволюции человека» (Niles Eldredge and Ian Tattersall, *The Myths of Human Evolution*), приходят к заключению, что поиски наших предков, вероятно, обречены на неудачу. Если бы эти доказательства существовали, пишут они, «можно было бы ожидать, что по мере обнаружения всё большего количества ископаемых останков гоминидов эволюционная история человека раскрывалась бы всё более отчётливо. Тогда как, на самом деле, происходит прямо противоположное».[180]

Мы, конечно же, вольны размышлять о том, какие открытия могут принести нам более глубокие раскопки. Тем не менее, на текущий момент соответствие между предсказанием Абдул-Баха и фактическими событиями выглядит, не побоюсь этого слова, поразительным.

Комментарий переводчика

За прошедшее со времени написания книги время было совершено множество новых открытий в области поисков «связующего звена» между человеком и обезьяной. В принципе, учёные сейчас склонны ответить положительно на вопрос, найдено это звено или нет, хотя и с рядом оговорок. Чтобы дать читателю более полную картину текущего состояния научных исследований в этой области, мы приводим ниже некоторые материалы с сайта АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ.

Миф № 14: Недостающее звено не найдено

После публикации «[Мифов об эволюции человека](#)» к нам пришли десятки писем, в которых читатели предлагали свои варианты мифов «для разоблачения». Среди присланных заблуждений с большим отрывом лидирует «Миф о недостающем звене», который формулируется так: **Сто лет уже учёные ищут, а пресловутое «недостающее звено» так и не нашли...**

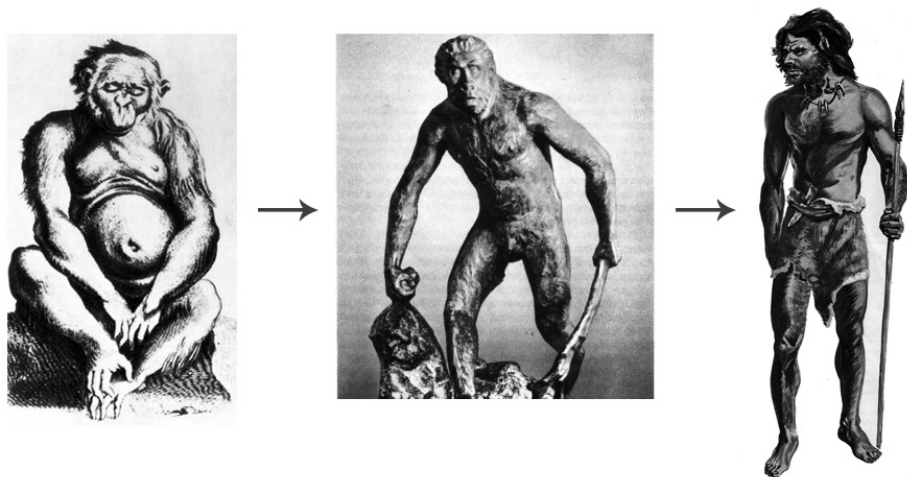

Рис. 1. В центре — - питекантроп (скульптура В. А. Ватагина). Слева — шимпанзе (гравюра Tulp, 1641). Справа — кроманьонец. Источник: <http://www.arthursclipart.org/p>

Термин «недостающее звено» (missing link) стал использоваться ещё в XIX веке. В частности, Эрнст Геккель предположил, что между человеком и его предком — древней обезьяной — должно было существовать некое промежуточное существо, [питекантроп](#), останки которого в ту пору ещё предстояло найти (см. Рис.1).

В этом смысле термин используется и сейчас, в основном, журналистами и в популярной литературе. Специалистам давно понятно, что поскольку становление человека — длительный процесс, а эволюция

непрерывна, то между человекообразным приматом, жившим 10 миллионов лет назад, и современным человеком было МНОГО ЗВЕНЬЕВ. Эти звенья постепенно, одно за другим, палеоантропологи открывали в течение последних 100 лет. В итоге получилось не звено, а ЦЕПОЧКА.

Поэтому специалист обязательно уточнит: «недостающее звено» между кем и кем?

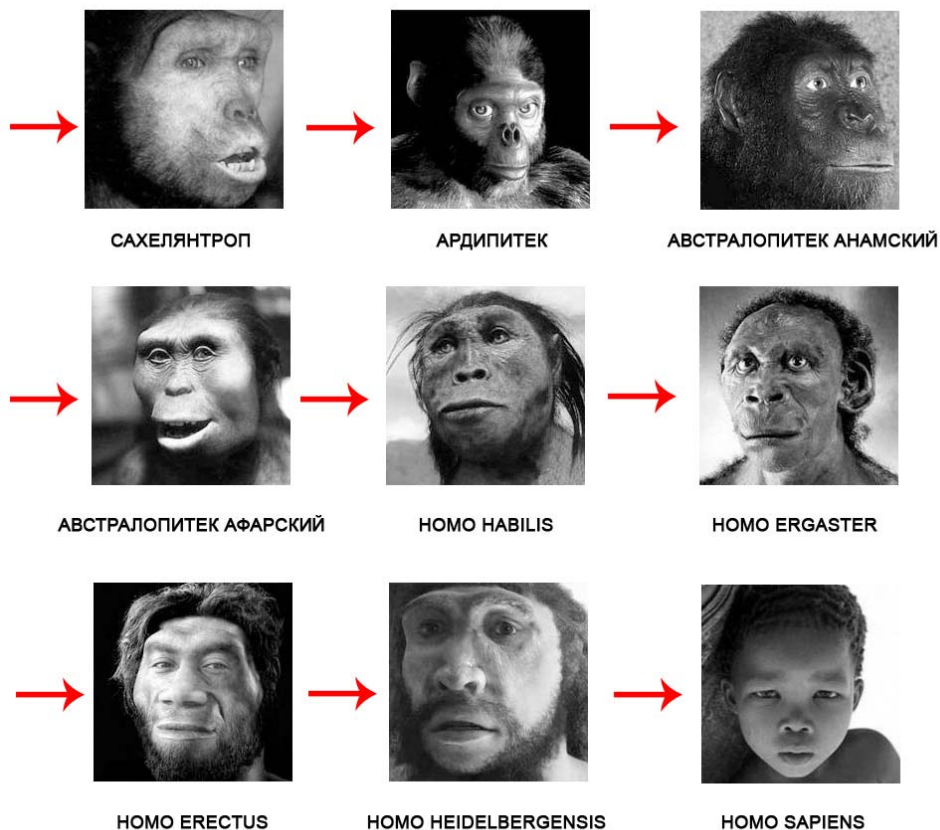

Рис. 2. Неполная и упрощённая (!) схема эволюции человека.

- Между «обезьяной и человеком»? Слишком расплывчато, на эту роль годится любой из [австралопитеков](#).
- Между [Человеком разумным](#) и питекантропом ([Homo erectus](#))? Тогда это [Homo heidelbergensis](#), живший 500 тысяч лет назад.
- Между Homo erectus и австралопитеком? [Homo habilis](#), человек умелый, 2 миллиона лет назад.
- Между четвероногим и двуногим? [Ардипитек](#), 4 с половиной миллиона лет назад.
- Общий предок человека, шимпанзе и гориллы? Накалипитек, 10 миллионов лет назад.
- Общий предок крупных человекообразных обезьян? [Проконсул](#), более 15 миллионов лет назад.
- Общий предок всех приматов? [Пургаториус](#), это вообще конец мелового периода.

И т.д. ... ([см. здесь](#))

Утверждение, что «недостающее звено не найдено», превратилось в заблуждение примерно в 1970-е годы, когда накопились материалы по всем основным стадиям человеческой эволюции. В конце XX века и начале XXI, с описанием группы «[ранних австралопитеков](#)», проблема недостающих звеньев окончательно потеряла актуальность. В настоящее время находят уже не «недостающие звенья», а «промежутки между промежуточными звеньями». Находок так много, что именно их многочисленность становится проблемой для антропологов, поскольку оперировать столь большим материалом уже трудно.

А между тем, новые виды ископаемых гоминид продолжают открывать с завидной регулярностью.

Например, только в 2010-м году было описано 3 вида:

- [Australopithecus sediba](#) (типичное «звено между звеньями», ещё не совсем человек, но уже и не совсем австралопитек).
- [Homo gautengensis](#) (древнейший человек из Южной Африки).
- Загадочный «[денисовский человек](#)» (для которого пока что нет формального латинского названия).

$$A \rightarrow ? \rightarrow B \rightarrow ? \rightarrow C$$

Но человека, далёкого от науки, такое положение дел не устраивает. Люди любят решать **простые** задачи (например, угадывать буквы в игре «Поле чудес»), но плохо мирятся с существованием задач сложных, не решаемых за минуту, час, день, а тем более за годы. Массовое сознание требует примитивных моделей. Бренд «недостающее звено» прекрасно годится на эту роль.

Поэтому, как только палеоантропологи сообщают о новом виде «предка человека» — журналисты начинают вопить: «Недостающее звено наконец-то найдено!». А далёкие от антропологии обыватели удивляются: что, опять?!

И ещё. Лет 70 назад, когда подобных находок было не так много, ситуация казалась относительно простой. Жил-был австралопитек, потом от него произошёл питекантроп, потом [неандерталец](#) и т.д. Когда находки стали накапливаться, выяснилось, что прямоходящих человекообразных существ на нашей планете когда-то жило множество. Например, 2-4 миллиона лет назад по Африке разгуливало сразу несколько видов австралопитеков. И можно быть уверенным, что в ближайшее время будут описаны новые виды, сейчас неизвестные! Очевидно, что кто-то из австралопитеков дал начало человеческому роду. Но также бесспорно, что все они одновременно быть нашими предками не могли. Кто же конкретно из австралопитеков — наш пращур? А может, предков было несколько? Ведь многие виды приматов могут скрещиваться, образуя гибриды.

Рис. 4. Где ты, прадедушка?

Представьте, что на чердаке Вашего старого дома (давайте допустим, что у Вас есть старый дом), в пыльном углу Вы нашли коробку с пожелтевшими семейными фотографиями. Какие-то господа в старомодных костюмах, дамы в красивых платьях... Всё — черты лиц на фото, антураж, само место, где найдены фотографии, — говорит о том, что на снимках Ваша родня. Здесь точно есть Ваши прадедушка и прабабушка, но, кроме того, их родные, двоюродные, троюродные братья и сёстры. Если бы на фотографиях фигурировал один человек, всё было бы просто. Но поскольку лиц много — вероятно, кандидат «в прадедушки» будет не один, а может, и не два.

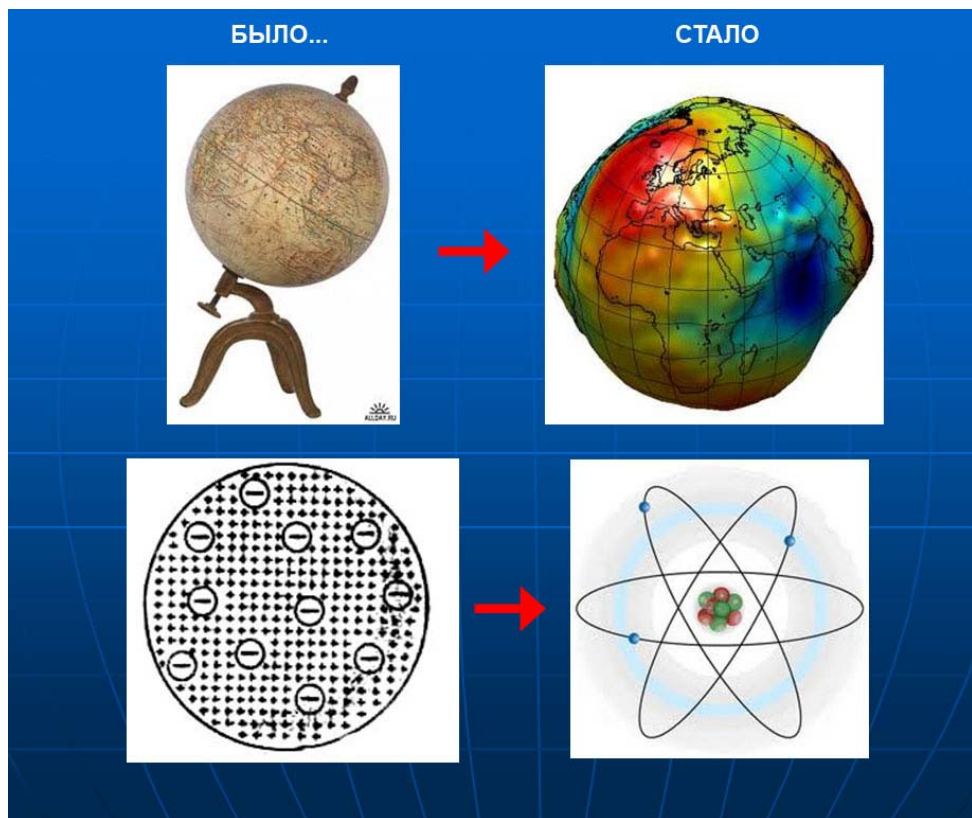

Рис. 5. Модели меняются...

Далёкому от науки зрителю кажется: «Учёные мудрят...» Но только ли в антропологии так? Ведь сейчас мы знаем, что и наша планета Земля, на самом деле, не идеально круглая, а имеет более сложную форму (см. рис. 5). И первая модель атома Томпсона (т.н. «кекс с изюмом», см. рис. 5) была далеко не такой, какой мы привыкли её видеть.

Модели усложняются, но базовые принципы никуда не делись, а споры ведутся о «деталях деталей». Земля не идеальный, но всё-таки шар. Путь от древней обезьянки к современному человеку был длительным и извилистым, но этапы этого пути нам известны, а последовательность человеческих предков известна лучше, чем для любого

другого вида живых организмов. Конечно, хочется найти ВСЕХ предков поштучно, но такой полной последовательности даже в Библии нет...

Материал впервые опубликован в [блоге Ефима Шифрина](#).

Комментарий переводчика

Понятно, что форма черепа или зубов не связана напрямую с вопросом о разумности некоего существа. Даже использование инструментов не обязательно свидетельствует о наличии абстрактного мышления или способности к саморефлексии. Известно, что высшие обезьяны могут освоить ряд простейших символов языка глухонемых, их словарный запас может достигать 3000 слов, и они даже способны создавать «составные иероглифы» («туалет» — «грязный хороший»; «зажигалка» — «бутылка спичка»). Однако дальше этого уровня обезьяны не могут продвинуться, и их реакции до конца жизни остаются «детскими». Иными словами, они остаются «пленниками чувств», как называл это Абдул-Баха, и неспособны подняться до уровня абстрактных обобщений. Так, ни одна обезьяна пока не смогла изобразить себя или одного из окружающих её людей, даже самым примитивным детским стилем «ручки-ножки-огуречик». Именно здесь, очевидно, и проходит водораздел между животными и человеком — в способности иметь идею, то есть, внутренний, идеальный образ чего бы то ни было.

Для полноты картины имеет смысл привести здесь речь Абдул-Баха, чтобы из первоисточника узнать, что именно Он считал ключевым отличием животного от человека.

Выступление Абдул-Баха на «Открытом форуме» в Сан-Франциско, Калифорния, 10 октября 1912 г.*

Хотя я чувствовал себя нездоровым сегодня вечером, но, питая большую любовь к вам, я решил посетить эту встречу. Ибо я слышал, что это открытый форум, где люди исследуют действительность; что вы свободны от слепого подражания, желая прийти к истинному постижению сущего, и что ваши усилия благородны. Поэтому, я подумал, что было бы целесообразно порассуждать на одну философскую тему, которая одинаково инте-

* Стенограмма: Бижо Страун (Bijou Straun).

ресна как для Востока, так и для Запада, что позволит нам рассмотреть сходства и различия между философскими учениями Востока и Запада.

По мнению западных философов, главный критерий суждения — чувственное восприятие. Они считают, что если нечто осязаемо или воспринимаемо, то оно реально и нет никаких сомнений в его существовании. Например, мы доказываем существование этого света через зрение; мы визуализируем эту комнату; мы видим солнце, зелёные поля; мы используем наше чувство зрения, чтобы наблюдать их. Мнение этих философов в том, что такое восприятие и есть реальность, что чувства суть высочайший уровень восприятия и стандарт суждения, в котором нет и не может быть ни сомнений, ни неопределённости. По мнению философов Востока, особенно греков и персов, стандарт суждения — это интеллект. Они считают, что критерий чувств ущербен, и в доказательство этого они указывают, что чувства часто обманываются и ошибаются. То, что подвержено ошибкам, не может быть непогрешимым, не может быть истинным стандартом суждения.

Наиболее мощное и надёжное среди чувств — зрение. Это чувство принимает мираж за водоём, и вполне уверенно говорит нам о его характере, в то время как за этим миражом ничего нет. Визуальное чувство, зрение, полагает отражение в зеркале истинным, тогда как разум заявляет нам, что оно не существует. Глаз видит Солнце и планеты, вращающиеся вокруг Земли, в то время как в действительности Солнце неподвижно и занимает центральное место, а Земля вращается вокруг своей оси. Наше зрение видит землю как плоскость, в то время как способность разума обнаруживает, что Земля сферична. Глаз рассматривает небесные тела в безграничном пространстве, и они кажутся ему малыми и ничтожными, в то время как разум заявляет нам, что всё это — колоссальные иные солнца. Зрение видит вращающуюся искру огня как световой круг и несколько не сомневается в этом, в то время как этот круг не существует. Человек на корабле видит, что берега по обе стороны движутся, в то время как в движении находится само судно. Говоря кратко, имеется много случаев и свидетельств, опровергающих утверждение, что органы чувств и получаемые через них впечатления на самом деле соответствуют реальности, ибо чувства обманчивы и часто ошибаются. Как же тогда мы можем по праву заявить, что они доказывают реальность, когда сам стандарт и критерий суждения ущербен?

Философы Востока считают идеальным критерием разум, или интеллект, и именно в соответствии с этим стандартом может быть доказана сущность всех объектов; ибо, говорят они, критерий разума и интеллекта совершенен, и всё, что доказуемо с опорой на разум, и есть истина. Таким образом, эти философы считают правильными только те философские выводы,

которые взвешены на весах разума, и они заявляют, что чувства — лишь помощники и инструменты разума, и что, хотя исследование реальности может вестись с помощью органов чувств, истинный критерий познания и суждения — сам разум. Именно здесь философы Востока и Запада расходятся во мнении. Материалистические философы Запада заявляют, что человек принадлежит к царству животных, в то время как философы Востока — Платон, Аристотель и персы, — делят существующий мир и все проявления жизни на две общие категории, или царства: животный мир, или мир природы, и человеческое царство, или мир разума.

Человек возвышается над животными благодаря своему разуму. Восприятие человека имеет два источника: осязаемое, или чувственное, и разумное, в то время как восприятие животных ограничено лишь чувствами, только осязаемой реальностью. Осязаемый аспект восприятия можно сравнить с этой свечой, разумный — со светом. Расчёты математических проблем и определение сферической формы Земли — примеры разумного восприятия. Сила тяжести — гипотеза, выдвинутая разумом. Разум как таковой нематериален и недоступен чувственному восприятию. Разум — это умозрительная сущность. Все качества суть идеальные сущности, а не материальные. Например, мы говорим, что этот человек — учёный. Знание — это идеальное достижение, недоступное чувственному восприятию. Когда вы видите этого учёного человека, ваши глаза не видят его знания, ваше ухо не может слышать его науку, и вы не можете ощутить её вкус. Это нематериальная сущность. Сама наука — идеальная сущность. Очевидно, поэтому, что восприятие человека имеет два аспекта: разумное и чувственное (или осязаемое).

Теперь что касается животного: оно наделено только чувственным восприятием. Разумное восприятие у него отсутствует. Оно не может воспринять идеальные сущности. Животное не может представить себе Землю как сферу. Ум животного, находящегося в Европе, никогда не смог бы запланировать открытие континента Америки. Животное царство не в состоянии обнаружить сокрытые тайны природы — такие, как электричество, — и вывести их из невидимой плоскости в царство зримого. Очевидно, что открытия и изобретения принципиально выше потенциала животного ума. Животное не может проникнуть в тайны происхождения мира и его создания. Его ум не способен осознать истинность эфира. Оно не может постичь тайны магнетизма, ибо у него нет дара абстрактного мышления и интеллекта. Иными словами, животное — пленник чувств. Оно не может принять ничего за пределами осязаемого органами чувств. Оно отрицает всё это.

Оно не в состоянии воспринять идеальное и, следовательно, пребывает в плену чувств.

Добродетель, или совершенство, есть прерогатива человека, который обладает как способностью чувствовать, так и восприятием идеального. Например, среди достижений человека — астрономические открытия. Он не получил это знание через свои чувства. Большая его часть была достигнута благодаря интеллекту, через восприятие идеального. Человеческие изобретения — результат разумных способностей человека. Все его научные достижения пришли дорогой разума. Говоря кратко, в человеке проявляются свидетельства интеллекта, или разума. Именно благодаря им он отличается от животного. Таким образом, животное царство отличается от человеческого царства и уступает ему. Несмотря на это, философы Запада применяют определённые силлогизмы, или умозаключения, с помощью которых они пытаются доказать, что человек произошёл от животных; что, хотя он сейчас позвоночное существо, но первоначально жил в море; оттуда он вышел на землю и стал позвоночным; что постепенно в своём анатомическом развитии он приобрёл руки и ноги; затем он начал ходить на четвереньках, после чего достиг человеческого облика и прямохождения. Они считают, что его анатомия претерпевала последовательные изменения, пока, наконец, он не приобрёл человеческую форму, и что эти промежуточные формы, или изменения, подобны соединённым друг с другом звеньям. Есть, однако, недостающее звено между человеком и обезьяной, и по сию пору учёным не удалось отыскать его. Таким образом, величайшее доказательство этой западной теории человеческой эволюции, — анатомическое. Полагают, что есть определённые рудиментарные органы в человеке, которые свойственны обезьянам и низшим животным, из чего делается вывод, что человек, в какой-то момент своей эволюции, обладал этими органами, которые больше не функционируют, но проявляются в настоящее время, как их зачатки или, наоборот, остатки.

Например, у змеи есть определённые придатки, которые указывают, что в своё время она обладала длинными конечностями, но, когда это существо начало искать себе жильё в земляных норах, эти конечности оказались больше не нужны, они атрофировались и уменьшились, оставив после себя лишь рудименты, или придатки, в качестве доказательства того, что было время, когда они имели большую длину и активно использовались. Точно так же, как утверждают, определённые придатки есть и у человека, — то есть, что было время, когда его анатомическое строение отличалось от строения его нынешнего организма, и что имело место соответствующее преобразование или изменение этой структуры. Копчик, или оконечность

позвоночника человека, объявляется рудиментом хвоста, которым ранее обладал человек, но который постепенно исчез, когда он научился прямохождению и орган этот стал бесполезен. Эти заявления и демонстрации выражают суть западной философии в вопросе о человеческой эволюции.

Философы Востока в ответ на аргументы западного мира говорят: давайте предположим, что анатомия человека изначально отличалась от его нынешней формы, что она постепенно трансформировалась, от одной стадии к другой, до тех пор, пока не достигла своего нынешнего состояния, — то есть, что в своё время человек был похож на рыбу, потом — на беспозвоночных и, наконец, приобрёл современное обличье. Это анатомическое развитие или прогрессирование никак не отменяет гипотезы о том, что развитие человека всегда было человеческим по типу и биологическим по своему течению. Ибо человеческий эмбрион при рассмотрении под микроскопом поначалу выглядит как бактерия, а потом как червь. Постепенно, по мере своего развития, он начинает демонстрировать определённую дифференциацию; появляются зачатки рук и ног — то есть, становятся различимы верхняя и нижняя части тела. После этого он претерпевает определённые изменения, пока не достигнет своей окончательной человеческой формы и не родится в сей мир. Но на любой стадии, даже когда эмбрион был похож на червя, он был человеком в потенциале и по природе, — человеком, а не животным. Формы, принимаемые человеческим эмбрионом в его последовательных изменениях, не означают, что по своей сути это животное. На протяжении этой прогрессии имеет место передача в неизменном виде типа, сохранение вида и рода. Понимая это, мы можем признать тот факт, что в своё время человек обитал в море, в другой период был беспозвоночным, затем — позвоночным и, наконец, стал человеком прямоходящим. Хотя мы признаём эти изменения, мы не можем сказать, что человек — это животное. На каждом из этих этапов имеются признаки и свидетельства его существования как человека, его финальной судьбы. Доказательство этого — тот факт, что на стадии эмбриона человек до сих пор напоминает червя. Этот эмбрион по-прежнему прогрессирует от одного состояния к другому, принимая различные формы, пока не явится то, что было в нём потенциально заложено, а именно — человеческий образ. Таким образом, и в протоплазме человек есть человек. Сохранение видов требует именно этого.

Потерянное звено дарвиновской теории само по себе доказывает, что человек — не животное. Разве возможно, чтобы все звенья присутствовали, а столь важное звено отсутствовало? Его отсутствие указывает на то, что человек никогда не был животным. Оно никогда не будет найдено.

Значение этого в следующем: мир человечества отличается от животного царства. Это учение философов Востока. У них есть доказательство этого. Доказательство заключается в том, что животные находятся в плену природы. Всё бытие и все явления низших царств суть пленники природы; могучее солнце, бесчисленные звёзды, царства растений и минералов,— ни одно из них не может ни на волосок уйти от ограничений законов природы. Они — абсолютно покорный материал в руках природы. Но человек нарушает законы природы и заставляет их служить своим целям. Например, человек — обитатель поверхности земли, наравне с животными. Требования природы обязывают его ограничить свой ареал обитания земной поверхностью; но он, презрев законы природы, воспаряет в атмосфере высоко над ней. Применяя свой интеллект, он преодолевает естественный закон, ныряет под поверхность морей на подводных лодках и пересекает их на кораблях. Он сковывает могучую силу природы — электричество — и заключает её в лампе накаливания. В соответствии с законом природы он должен быть в состоянии общаться на расстоянии, скажем, в тысячу футов; но благодаря своим изобретениям и открытиям он за несколько мгновений связывается с Востоком и Западом. Это нарушение законов природы. Человек останавливает звук своего голоса и воспроизводит его в фонографе. В лучшем случае его голос должен быть услышан на расстоянии нескольких сотен футов, но он изобретает прибор, который передаёт его на тысячу миль. Говоря кратко, все нынешние искусства и науки, человеческие изобретения и открытия когда-то были тайнами, которые по велению природы должны были оставаться скрытыми и непроявленными, но человек перевёл их из плоскости невидимого в плоскость зримого. Это противоречит законам природы. Электричество должно быть скрытой тайной, но человек обнаруживает его и делает его своим рабом. Он вырывает меч из рук природы и использует его против неё самой, доказывая, что в нём есть сила, которая находится за пределами природы, ибо она способна ломать и подчинять законы природы. Если бы эта власть не была сверхъестественной и экстраординарной, достижения человека были бы невозможны.

Кроме того, очевидно, что в мире природы отсутствует осознанное понимание. Природа лишена понимания, в то время как человек обладает сознанием. Природа лишена памяти; у человека есть память. Природа не имеет восприятия и воли; у человека есть и то, и другое. Очевидно, что человеку присущи добродетели, которых нет в мире природы. Это можно доказать с любой точки зрения.

Если утверждать, что интеллектуальная сущность человека принадлежит к миру природы, что это часть целого, мы спросим, возможно ли, чтобы

часть содержала добродетели, которыми целое не обладает? Например, возможно ли, чтобы капля содержала добродетели, которых лишена совокупная масса всего моря? Возможно ли, чтобы лист был наделён добродетелями, которые отсутствуют во всём дереве? Возможно ли, чтобы экстраординарное качество разума в человеке было животным по своему характеру и качеству? С другой стороны, очевидно и несомненно, хотя и весьма удивительно, что в человеке есть эта сверхъестественная сила или способность, которая обнаруживает подлинные сущности явлений и которая обладает силой идеализации, или мышления. Она способна обнаружить научные законы, а мы знаем, что наука — это не осязаемая реальность. Наука существует в сознании человека как идеальная реальность. Ум сам по себе, разум сам по себе есть идеальная реальность, а не осязаемая.

Несмотря на это, некоторые из вроде бы прозорливых людей заявляют: «Мы достигли превосходной степени знания; мы проникли в лабораторию природы, изучая науки и искусства; мы достигли высшего положения знания в человеческом мире; мы исследовали факты, как они есть, и пришли к выводу, что лишь осязаемое может считаться приемлемым, только материальная реальность заслуживает доверия; всё, что нематериально, есть изображение и глупость».

Странно, что после двадцати лет обучения в школах и университетах человек внезапно доходит до состояния, когда он отрицает существование идеального, того, что недоступно чувственному восприятию. Вы когда-нибудь задумывались, что животное уже окончило такой университет? Вы когда-нибудь осознавали, что корова — уже почётный профессор этого университета? Ибо корова, без тяжёлого труда и изучения, уже достигла положения выдающегося философа в школе природы. Корова отрицает всё, что нематериально, говоря: «Я вижу! Я могу есть! Поэтому я верю только в то, что материально!»

Тогда почему мы должны идти в колледж? Давайте пойдём к корове.

* * *

Комментарий переводчика

Следует отметить, что учёные не столь единодушны во мнении касательно того, обнаружено «недостающее звено» или нет. Например, вот статья известного популяризатора науки, биолога Дмитрия Шабанова на эту тему.

Происхождение человека: где начало того конца, которым заканчивается начало?

Дмитрий Шабанов
Опубликовано 10 декабря 2004 года

© 2015, Издательский дом «КОМПЬЮТЕРРА» | <http://www.computerra.ru/>
Журнал «Компьютерра» | <http://www.computerra.ru/>
Этот материал Вы всегда сможете найти по его постоянному адре-
су: <http://offline.computerra.ru/2004/571/37103/>

*Познавая мир, человек познаёт через него себя самого. Из научных теорий привлечёт внимание та, которая сообщает что-то о нас самих,— нам интересно то зеркало, в которое можно заглянуть. Страсти, кипящие вокруг теории эволюции,— следствие вытекающего из неё вывода о том, что человек «произошёл от обезьяны». Кстати, эта расхожая фраза некорректна; правильнее было бы говорить о происхождении человека от общих с современными обезьянами предков. В зоологическом смысле человек является обезьяной: отряд Приматы включает подотряды Полуобезьяны и Обезьяны; наше с вами семейство Люди (*Hominidae*) относится ко второму из них.*

Вас не возмущает последнее предложение? У всех, кроме зоологов, такой подход, как правило, вызывает протест. Обезьяна — животное, а человек... тоже! Только человек — «животное» не как существо, управляемое низменными побуждениями, а как ни-растение-ни-гриб.

А знаете, почему обезьяна кажется смешной и уродливой, а, допустим, собака, лошадь или дельфин — нет? Потому что обезьяна похожа на нас; её черты — карикатура на наши (Чем более сходны конкуренты, тем острее

конкуренция. Кто вызывал более острую ненависть у большевиков: монархисты или меньшевики?). Чтобы сохранить вид, его особи должны хорошо уметь отличать своих от чужих и решительно отторгать чужаков. Потому-то нас так и раздражает зоологический подход к нашему виду, что мы не готовы жить с другими формами жизни, признавая их «равными» себе.

Пожелаем удачи криптозоологам, которые ищут живых *Homo floresiensis* (см. «КТ» #566) в Юго-Восточной Азии и *Homo neanderthalensis* в горах Центральной Азии. И представим себе, что гипотетический «снежный» или «лесной» человек найден. Готовы ли мы жить в мире, где есть другие виды людей? Должны ли мы предоставить им равные с нами права и обязанности? Должны были бы судить флоресиенского человека, убившего одного из нас, по нашим законам? Каковы будут последствия нашего принятия их представлений о жизни, морали и праве?

Наша неготовность почувствовать себя одним из этапов эволюции животных окрашивает особым интересом и недоверием сообщения, которые относятся к нашей истории. Никакие находки не вызывают таких откликов, как очередные «недостающие звенья» в эволюции человека.

Питекантроп в его традиционной, школьной подаче (слева). Жалкое зрелище, не правда ли? Современная реконструкция *Homo erectus*, питекантропа (справа).

В этой связи нужно обсудить несколько распространённых заблуждений. Первое из них — мнение, что находки ископаемых людей являются чем-то экстраординарным. Примечательным является факт, что весь вещественный

материал, имеющийся у нас для доказательства эволюции человека, можно поместить в один гроб, в котором бы ещё осталось место! (Жизнь — как она возникла? Путём эволюции или путём сотворения? Watch Tower Bible & Tract Society of Pennsylvania, 1992. С. 86) К счастью, найдено уже столько свидетельств эволюции человека, что их хватит на солидное кладбище. В последнее время палеоантропология опирается не на случайные находки, а на обширный материал, позволяющий проводить серьёзный анализ.

Второе заблуждение — представление об эволюции человека, как линейном процессе. В школьных учебниках, по которым училось большинство из нас, всё было просто: от обезьян к обезьянолюдям, потом к древнейшим людям... Сейчас эта схема рассыпалась. То, что казалось единым стволом, разделилось на множество ветвей, каждая из которых имела свою судьбу. Наш вид развивался несколькими ветвями; к нашему роду принадлежит несколько независимо развивавшихся стволов; наше семейство включает несколько родов со своими судьбами. Например, некоторые виды, которые раньше рассматривались как наши потенциальные предки и включались в род *Australopithecus*, сейчас относят к роду с недвусмысленным названием *Paranthropus* (Para (греч.) — возле, около; *antropos* (греч.) — человек). Различные виды родов *Paranthropus* и *Homo* обитали в Африке бок о бок и шли своими путями эволюции тел, увеличения размеров мозга и усовершенствования орудий.

Третье заблуждение тесно связано со вторым и основано на предположении, что интеллектуальные и творческие способности наших предков последовательно нарастали по мере приближения к современному человеку, а все его отдалённые родственники — жалкие недоделки. В последние годы пришлось кардинально изменить отношение ко многим нашим родственникам. *Homo erectus* долго воспринимался как отсталый питекантроп (название, данное этому виду его первооткрывателем Эженом Дюбуа). Сравните ассоциации, связанные с «питекантропом» и хотя бы шимпанзе! Неуклюжее согбенное существо с уродливой мордой и тупым взглядом кажется несовершенным даже рядом с современными обезьянами.

Оказывается, «питекантроп» не только господствовал на Земле в течение полутора миллионов лет, но, как показало открытие его потомков в Индонезии, даже освоил мореплавание! Претерпевший массу высокомерных издевательств неандерталец оказался самостоятельным видом с более крупным, чем у нас, мозгом, который успешно выживал в Европе в жёстких условиях оледенения. Последние исследования доказывают, что и механизм артику-

ляции у него был развит не хуже, чем у нас, и пальцы были способны совершать столь же точные движения, как наши. То, что этот вид проиграл нам, не означает, что он был «хуже»: он был иным.

Наконец, четвертое заблуждение касается надежды найти «недостающее звено», или «переходную форму». Как хочется наглядно продемонстрировать все этапы эволюционного морфинга! А каждая новая находка, как назло, вносит в картину какие-то оригинальные черты, вместо того чтобы послушно ложиться в заготовленные ячейки. Желание найти отражение схемы, возникшей в нашей голове, приводит в лучшем случае к неверной интерпретации находок, а в худшем — к фальсификациям. Примером последней может служить история Пилтдаунского человека — сделанной в 1912 году в Англии поддельной «находки» (Собранной из черепа человека и челюсти орангутана), отражавшей тогдашние представления о ходе антропогенеза. А примеров неверной интерпретации — пруд пруди, они регулярно проходят по новостным каналам.

Череп и реконструкция пиеролапитека.

Каждый палеонтолог любит свою находку и хочет, чтобы на неё обратили внимание. Как это сделать? Сказать, что она-то и является недостающим элементом эволюционного пазла, который мы складываем. Характерным примером могут быть недавно обнаруженные в Каталонии останки пиеролапитека (*Pierolapithecus catalaunicus*), человекообразной обезьяны возрастом 13 млн. лет, о которой, после громкой статьи в *Science*, сообщили буквально все массовые СМИ. Этот вид обезьян жил тогда, когда эволюционные пути предков гibbonов и общих предков людей и больших обезьян (шимпанзе, горилл и орангутанов) уже разошлись. Большинство признаков, объединяющих нас с большими обезьянами, были характерны и

для этого вида. Открыватель пиеролапитека профессор Сальвадор Мoya-Сола (Salvador Moya-Sola) объявил, что этот вид — недостающее звено, общий предок человека и больших обезьян. Но ведь находка сделана в Испании, а центр происхождения человека — Африка? Не проблема — значит, этот вид обитал и в Африке!

Видите, как желаемое подменяет действительное? Означает ли сказанное, что находка нового ископаемого вида обезьян не представляет интереса? Конечно, нет! Это действительно очень интересный вид, изучение которого может прояснить туманный период антропогенеза. Он не является «недостающим звеном» в филогенетическом отношении, то есть нет оснований утверждать, что найденные животные были нашими прямыми предками. Однако много шансов, что пиеролапитек — или близкий родственник наших предков, или может своим примером показать, как шла наша эволюция. Приведём примитивную аналогию. Предположим, нас интересует, как лейтенант может превратиться в генерала. Конечно, лучше всего собрать полные данные о карьере конкретного генерала и убедиться, что майор действительно был переходной формой между капитаном и подполковником. А если эти данные недоступны? Сравнивая разных, неродственных офицеров, можно убедиться, что офицерские звания действительно образуют последовательный ряд.

Именно регулярное вознесение на щит всё новых и новых переходных звеньев, а затем их последующее ниспровержение — постоянный упрёк эволюционному учению со стороны его противников. Приходится сталкиваться с аргументами такого рода: «раньше эволюционисты говорили, что люди произошли от неандертальцев и питекантропов, а теперь — что от *Homo sapiens idaltu* и *Homo helmei*; раз в таком важном вопросе возможна путаница, ясно, что человека без всякой эволюции сотворил Господь Бог». Следуя той же логике, можно сформулировать аналогичное утверждение: «раньше думали, что Васин отец — Иван Иванович, а потом — что Пётр Петрович; похоже, дело не обошлось без непорочного зачатия». Разумеется, чудеса тут ни при чём. Однако если в момент зачатия держать свечку было некому, то точных данных об этом процессе мы уже не получим. Придётся обходиться данными генетической экспертизы...

И не надо высокомерно смотреть на других животных.

А можно ли вообще найти настоящую переходную форму, «выкопать» ископаемого предка, который начал приобретать особенности современного вида («майорскую форму» нынешнего генерала)? Это почти невероятно. И исходная, и новая формы могли распространиться только потому, что соответствовали определённому образу жизни. Действительная переходная форма переходила от одного образа жизни к другому, и потому её существование было весьма неустойчивым. В какой-то мере эволюция движется

прыжками: изменяющиеся популяции переходят от одного периода стабильности к другому.

Полный спектр переходных форм можно найти только при сочетании нескольких маловероятных условий. Для этого эволюция интересующей нас группы должна происходить относительно равномерно, то есть должен был существовать полный спектр устойчивых адаптивных зон (образов жизни), позволяющих поддерживать высокую численность популяции. Эволюция должна была происходить в пределах одной территории, без образования малочисленных анклавов и генетической изоляции географически разделённых форм. Наконец, на всём её протяжении должна обеспечиваться эффективная фиксация происходящих событий в геологической летописи.

Всё, что мы знаем об эволюции человека, свидетельствует об обратном. В ходе нашего становления образ жизни наших предков резко менялся. Их численность временами уменьшалась, и они оказывались почти на грани вымирания. Об этом свидетельствует пониженное генетическое разнообразие человека, намного меньшее, чем, к примеру, шимпанзе. В истории нашего становления большую роль сыграло расселение на новых территориях. На некоторых из них геологическая летопись отсутствует или недоступна.

Итак, надежду на находку полного ряда наших предков придётся, к сожалению, оставить.

МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И НОВАЯ ФИЗИКА

В первые десятилетия XX века физики были полны решимости объяснить все явления на основе механистических моделей. Механистическая модель — точное изображение или копия, опирающаяся на чувственные переживания человека. Она соответствует представляемой ею вещи буквально и точно, без каких-либо иносказательных или поэтических образов.

Представление о том, что всю реальность можно объединить под крышей механистических моделей, было центральным постулатом классической физики (иногда ещё называемой «ньютоновской», по имени Исаака Ньютона). Классическая физика изображала Вселенную как огромный часовой механизм, все части которого можно было, в теории, наглядно себе представить. Это вполне правдоподобное, на первый взгляд, объяснение давало возможность физикам считать материю состоящей из крошечных частиц, схожих со стеклянными шариками или песчинками, а свет, тепло, магнетизм и аналогичные силы — вибрациями, напоминающими волны или рябь на поверхности пруда. Время и пространство в то время казались жёсткой шкалой — безграничной ареной, на которой предметы и силы взаимодействовали друг с другом, никак на эту шкалу не влияя. В такой Вселенной каждое событие (конечно, при условии наличия достаточной информации) было бы полностью предсказуемым и однозначно детерминированным, во всех его аспектах, случившимися ранее событиями.

Многие учёные обнаруживали, что механистическое мировоззрение сложно примирить с какой бы то ни было духовностью или мистикой. Механизмы материальны, и если мы делаем главный акцент на материальном, механистическом аспекте реальности, то, очевидно, исключаем из рассмотрения такие абстрактные концепции, как Бог, душа, свободная воля и тому подобное. Ньютон, глубоко религиозный человек, наверное, содрогнулся бы от ужаса, если бы ему сказали, насколько сильно его система укрепит позиции материализма, — но, тем не менее, именно это и произошло.

Поскольку Вера бахаи, как и любая пророческая религия, вырастает из мистических корней, она неизбежно утверждает веру в духовные сущности, которые не поддаются механистическим объяснениям. Наша нынешняя дискуссия, однако, не будет касаться слишком загадочных мистических аспектов, мы ограничимся только теми, которые можно проверить научными методами.

Наиболее интересным из них представляется постулат Абдул-Баха о том, что даже некоторые физические процессы (в том числе, среди прочего,

передача света) не могут быть верно представлены механистическими моделями или наглядно визуализированы человеческим умом. Сделав такое заявление, Он предвосхитил некоторые из наиболее поразительных открытий XX века — те, что позже легли в фундамент теории относительности и квантовой физики. Давайте рассмотрим Его слова более внимательно.

Всё познаваемое человеком, согласно Абдул-Баха, попадает в одну из двух категорий: это либо «воспринимаемые сущности», либо «умозрительные сущности».[181] Воспринимаемые сущности, как следует из названия, мы можем обнаруживать нашими телесными чувствами — зрением, слухом и так далее. Сюда относятся все знакомые нам предметы: абажуры, абрикосы и автомобильные дороги; бабочки и бакланы,— иными словами, «всё, что можно потыкать палкой», как однажды наглядно пояснил это один человек. (Я думаю, Абдул-Баха добавил бы сюда и всё то, что мы можем обнаружить только с помощью физических приборов, наподобие телескопов и инфракрасных очков, которые расширяют возможности наших органов восприятия.)

Умозрительные сущности, с другой стороны, «не имеют внешней формы и определённого места и не ощущаются органами чувств».[182] В этом контексте «умозрительные» не означает «мнимые», равно как и не стоит относить этот термин исключительно к абстрактным обобщениям, таким, как «патриотизм» или «квадратный корень из пи». Как объясняет Абдул-Баха, это понятие включает в себя, среди прочего, такие нематериальные активы, как человеческая душа и её качества,— реалии, которые, безусловно, существуют и оказывают конкретное влияние на мир, но которые абстрактны в том смысле, что они не занимают места и не имеют конкретного физического расположения:

...Если вы будете исследовать тело человека, то не обнаружите особой части или вместилища для духа, поскольку он никогда не имел местоположения; он нематериален. Он связан с телом аналогично тому, как Солнце связано с этим зеркалом. Солнце не заключено в зеркало, но связано с ним... ум не имеет местоположения, но он связан с мозгом... Таким же образом и любовь не имеет местоположения, но она связана с сердцем; так же и Царствие не имеет местоположения, но оно связано с человеком.[183]

Не имея формы, объёма и положения, умозрительные сущности не могут быть наглядно представлены и не могут быть обнаружены никакими физическими чувствами или приборами. «Объясняя эти умозрительные

сущности,— говорит Абдул-Баха,— человек вынужден ссылаться на них с помощью каких-то чувственных образов»,— которые, однако, ни в коем случае не должны восприниматься буквально:

Таким образом, символ знания есть свет, а невежества — тьма; но задумайся: разве знание действительно есть зримый свет, или невежество — осязаемая темнота? Нет, это просто символы. Это всего лишь состояния ума. Но когда мы ищем для них объяснения во внешнем мире, мы обязаны придавать им разумные формы... Эти объяснения суть метафоры, аллегории, мистические символы в мире знаков.[184]

Абдул-Баха не ограничился формулировкой этой идеи как туманного духовного утверждения. Вместо этого, как отмечалось выше, Он смело применил его к физическому миру, причём научно проверяемым способом. Обратимся теперь к этим научным аспектам Его учения.

Пропавший эфир

Пророчество 29: Отсутствие механического эфира (предполагаемого посредника для распространения света, постулированного в классической физике), и его переопределение как умозрительной сущности.

Классифицируя все вещи как воспринимаемые чувствами либо как умозрительные, Абдул-Баха поставил перед физиками начала XX века любопытный вопрос: где в этой схеме следует разместить эфир, гипотетическую среду распространения света? Эфир, с точки зрения классической физики, не попадал ни в одну из чётко определённых Абдул-Баха категорий.

Во второй половине XIX века постепенно накапливались доказательства того, что свет (раньше считавшийся потоком частиц), на самом деле представляет собой волны или вибрации. Казалось само собой разумеющимся, однако, что волны есть продукт волнения чего-то, а вибрации не могут существовать без чего-то вибрирующего. Однако свет, а также тепловые лучи, радиоволны и другие виды лучистой энергии, казалось, свободно проходят через вакуум пустого космоса. Учёные объяснили эту аномалию тем, что всё пространство должно быть заполнено невидимой, неосязаемой, всепроникающей средой, служащей для передачи этих волн. Для физиков того времени это таинственное вещество — эфир — было столь же реальным, как и то излучение, которое в нём передавалось.

Эфир не был «воспринимаемой сущностью», поскольку его нельзя было, даже в принципе, обнаружить никакими мыслимыми приборами. Также физики не могли отнести его и к «умозрительным сущностям» в том смысле, как использовал этот термин Абдул-Баха: это была объективно существующая физическая вещь; у него был объём (каждый кубический метр пространства содержал ровно один кубический метр эфира) и место (ибо этот кубометр эфира всегда оставался в одном и том же абсолютном положении), и он функционировал в строгом соответствии с законами механики. Волны света перемещались через эфир точно так же, как звуковые волны перемещаются через воздух, так что этот процесс может быть точно описан, даже если сам эфир невидим.

Абдул-Баха заявил, что это неверная концепция. Объясняя различия между этими двумя типами сущностей, Он не оставил никаких сомнений касательно того, куда относится эфир: «Даже эфирная материя, силы которой, как говорят в физике, проявляются в виде тепла, света, электричества и магнетизма, есть умозрительная сущность...»[185] Он подчеркнул, что эта умозрительная сущность «нематериальна», «не имеет чёткой формы и места», и может быть описана только символами и метафорами, которые ни в коем случае не следует понимать буквально.[186]

С точки зрения классической физики, это была жуткая ересь. Хотя Абдул-Баха использовал общепринятую терминологию, Он переопределил её смысл настолько радикально, что грубому механическому эфиру, постулируемому физикой, не осталось в этой картине места. Свет, по Его мнению, действительно распространяется в некоторой среде; но это, скорее, понятийная среда,— абстракция, больше похожая на математическую формулу или логические отношения, чем на прозрачную жидкость.

Первые трещины появились в гипотезе эфира ещё в 1887 году, когда А. А. Майкельсон и Эдвард Морли, пытаясь обнаружить относительные различия в скорости света, вызванные движением Земли сквозь эфир, не смогли их найти. Этот результат вызвал ужас среди физиков, но они объяснили его (и тем спасли свою веру в эфир) с помощью «лоренцева сокращения». Эта идея, введённая Хендриком Лоренцем, гласила, что сама Земля, вместе со всеми измерительными приборами на ней, укорачивается в направлении своего движения на величину, как раз достаточную, чтобы замаскировать разницу в скорости света.

Лоренцево сокращение оказалось достаточно реальным, но в итоге так и не смогло спасти идею механического эфира. Когда Альберт Эйнштейн опубликовал свою специальную теорию относительности в 1905 году, он

сохранил в ней лоренцево сокращение, показав, что оно вытекает из относительного характера пространства и времени. Однако он обошёлся без механического эфира, ибо с его точки зрения он был бессмысленным и ненужным. Пространство и время для него были не вещами, а отношениями между вещами и событиями, и их характеристики менялись в зависимости от скорости наблюдателя и системы отсчёта.

Если абсолютное пространство Ньютона не существует, то не может существовать и магическое вещество, которое якобы заполняет это пространство и определяет его размеры.

Исчезла также необходимость в эфире как среде для передачи световых волн, поскольку, как считал Эйнштейн в тот момент, никаких таких волн и нет. Он выдвинул новую, более сложную теорию света, которая восстановила его корпускулярную природу, показывая, что свет состоит из сгустков энергии, названных «квантами», или «фотонами». Несмотря на волновые явления, связанные со светом, эти безмассовые частицы, предположительно, перемещались через пространство как обычная материя, не нуждаясь в посреднике.

Так как и Абдул-Баха, и Эйнштейн, придерживаясь схожей точки зрения касательно ненужности физического эфира, сделали свои заявления касательно природы света примерно в одно и то же время, можно справедливо спросить: не могло ли получиться так, что руководитель общины бахаи просто отреагировал на новость об открытии Эйнштейна? Ответ, насколько я могу судить, должен быть отрицательным. Замечание Абдул-Баха об эфире было сделано в беседе о духовном символизме, вошедшем в книгу «Ответы на некоторые вопросы». Эти беседы, как отмечалось ранее, велись с 1904 по начало 1906 года. Хотя отдельные беседы не датированы, и их хронологический порядок не всегда ясен (так как составительница перегруппировала их по тематическому признаку), беседа, о которой идёт речь, содержит внутренние свидетельства того, что она состоялась в начале или середине этого периода.* Первая работа Эйнштейна, посвящённая теории относительности

* В этой беседе Абдул-Баха объясняет роль символики в религиозном дискурсе, называя его «предметом, имеющим важное значение для понимания тех вопросов, что мы уже упоминали, и других, о которых мы собираемся говорить». (Ответы на некоторые вопросы, № 16.) Есть ощущение, что в значительной части остальных бесед этой книги понимание вводного материала, представленного здесь Абдул-Баха, воспринимается как должное. Таким образом, можно предполагать, что данная беседа, вероятно, произошла в начале серии, и решение составительницы

(«К электродинамике движущихся тел») была опубликована в немецком журнале «Анналы физики» в сентябре 1905 года,— то есть, ближе к концу описываемого периода. Эйнштейн в то время не был профессиональным учёным, но всего лишь «техническим экспертом третьего класса» в швейцарском патентном бюро в Берне. Простой клерк, не знавший никого из учёных, он был совершенно неизвестен ни научному сообществу, ни общественности. Хотя он поднялся к славе довольно быстро, по меркам этой среды, однако произошло это не за один день. Макс Борн, один из ведущих физиков Европы, впервые узнал о теории Эйнштейна на конференции по физике в 1907 году (через год после того, как завершилась последняя беседа из «Ответов на некоторые вопросы»). За исключением некоего профессора Лоррия, упомянувшего его имя, ни Борн, ни другие учёные, принимавшие участие в этой конференции, прежде не слышали об Эйнштейне. «Что касается внешнего мира,— пишет его биограф,— он оставался совершенно неизвестным до 1912 года, когда некоторые аспекты теории относительности стали главной новостью в Австрии...»[187]

Поэтому трудно понять, как Абдул-Баха, изолированный от всего мира в турецкой тюрьме, не получивший систематического образования и не имевший доступа к западным журналам, мог бы обойти здесь европейских физиков, к которым Эйнштейн обращал свои аргументы и чьё внимание он активно подпитывал.

Тем не менее, предположим, чисто теоретически, что Абдул-Баха мог как-то узнать об Эйнштейне и правильно оценить его открытия. Даже после этого довольно неправдоподобного предположения остаётся ещё один факт, гораздо более важный: поддержав Эйнштейна в одном аспекте, Абдул-Баха бросил ему вызов в другом. Оба отрицали существование механического эфира; однако Эйнштейн пошёл дальше и заявил, что свет вообще не нуждается ни в каком посреднике для распространения. Абдул-Баха, напротив, указал, что свет действительно распространяется в некоторой среде, пусть эта среда и имеет лишь концептуальную, нелокализованную форму существования. Прошло полных десять лет, прежде чем этот вопрос был разрешён.

Изображая пространство и время как относительные взаимосвязи, Эйнштейн в 1905 году оставил от них лишь тени их бывших ньютоновских сущностей. В 1915 году, однако, он сам дал им новую жизнь, представив общую теорию относительности,— кардинально расширенный вариант, включавший его раннюю теорию в качестве частного случая. Три измерения

пространства и одно измерение времени были объединены в четырёхмерный «континуум» с удивительными свойствами. Уже приобретя ранее эластичность, теперь этот континуум приобрёл форму, — отныне он мог искривляться в присутствии материи, — причём чем более массивным было тело, тем больше становилась эта кривизна. Другие объекты, следуя по кратчайшему пути через искривлённое пространство-время, ускорялись; мы воспринимаем это ускорение как силу тяжести. Гравитационное поле, таким образом, стало выражением геометрии пространства-времени. Эта кривизна не распространяется мгновенно; её рябь бежит по Вселенной в точности со скоростью света — 299 792 458 метров в секунду. В общей теории относительности стало привычным говорить о пространстве-времени как о «ткани», которая может сминаться, сгибаться, рваться, идти волнами, замыкаться сама на себя и закручиваться самыми причудливыми формами.

Теория относительности описывает крупномасштабную структуру Вселенной. В 1927 году была разработана ещё более революционная теория — квантовая механика, описывающая микроструктуру реальности, мир субатомных частиц. Если пространство общей теории относительности кажется необычным, то мир квантовой механики — откровенно волшебным. «Квантовый вакуум», как его называли учёные, из пустоты превратился в «бурлящий океан» с «пенистой структурой», проявляющейся в виде постоянного «бурления» виртуальных частиц, которые появляются, в течение короткого времени взаимодействуют с нормальными частицами, а затем вновь исчезают в небытие.

Пересмотренная таким радикальным образом, концепция пространства стала выглядеть весьма парадоксально. Она по-прежнему была абстрактной идеей, — как истина или справедливость. Это пространство было не здесь и не там, — но только во вселенских уравнениях космических законов. Тем не менее, оно было, так или иначе, столь же реальным, как и планеты, скользящие по своим изогнутым траекториям, или бурлящее море частиц, несущихся сквозь потоки квантов. Что бы это ни было, ясно одно — это было нечто гораздо большее, чем просто пустота.

Между тем, новые исследования обнаружили свой собственный парадоксальный характер и у света. Эйнштейну так и не удалось, в конце концов, низвести свет до потока частиц; волновые свойства света заявляли о себе слишком громко. Нильс Бор создал «принцип дополнительности», согласно которому свет неким загадочным, но математически стройным образом следует толковать как одновременно волну и поток частиц.

В той степени, в которой свет был волной, ему по-прежнему была необходима среда для передачи. К этому времени, однако, концепция пространства-времени уже была достаточно сложной и функциональной, чтобы выполнить эту работу; не было никакой необходимости постулировать новый эфир, или даже возродить это имя. Термин «эфир», уже утративший притягательность к тому времени, затем вообще приобрёл дурную славу из-за обречённых на провал усилий ряда реакционных физиков, пытавшихся дискредитировать принцип относительности Эйнштейна.

Другими словами, эфир — переопределённый как «умозрительная сущность», в терминологии Абдул-Баха, — это не какая-то неуловимая жидкость, заполняющая пространство, — это и есть само пространство!

Свет — одна из форм электромагнитного поля, и все поля — гравитационное, электромагнитное, слабые и сильные ядерные взаимодействия, — обычно понимаются как возмущения пространственно-временного континуума. К настоящему времени эту концепцию удалось выразить математически только для силы тяготения. Тем не менее, всеобъемлющая цель современной физики — разработать «единую теорию поля», которая сможет интерпретировать все эти четыре силы как вариации одного базового поля. Джон А. Уилер, которого многие считают патриархом американских физиков, утверждал, что не только свет и гравитация, но и сама материя, в один прекрасный день, будет выражена через геометрию пространства-времени. «Из чего ещё можно построить частицу, — говорит он, — как не из самой геометрии?»[189]

Как бы то ни было, старомодный, буквально понимаемый механистический эфир, похороны которого возвестил Абдул-Баха, ушёл от нас навсегда. Между тем, «умозрительная сущность», которой Он его заменил (и которую Он назвал тем же знакомым именем) жив и здоров и благоденствует в математических уравнениях современных теорий. Когда физики описывают абстрактную «ткань» релятивистского континуума, или говорят о математическом «океане» квантового пространства, они описывают реальность, которая, насколько я вижу, идентична тому, что Абдул-Баха называет эфиром. Но как бы мы её ни называли, это та самая концептуальная основа, которая связывает физические события и объекты и каким-то таинственным немеханическим способом проводит свет и электромагнетизм.

Терминология Абдул-Баха, — хотя она, возможно, сейчас и звучит неортодоксально, — не полностью отвергается современными физиками. Мартин Гарднер (Martin Gardner) отмечает в книге «Теория относительности для миллионов» (Relativity for the Million), что ряд видных физиков, на протяже-

нии многих лет, предлагали восстановить термин «эфир», хотя и не в старом смысле этого слова,— то есть, не как заполняющую всё вокруг несжимаемую жидкость.[190] Приведём несколько примеров:

- Сам Эйнштейн, выступая 5 мая 1920 г. в университете Лейдена, сказал, что пространство «наделено физическими свойствами; в этом смысле можно сказать, что эфир существует. Согласно общей теории относительности, пространство без эфира немислимо; Ибо в таком пространстве не только не смог бы распространяться свет, но и не могли бы существовать стандарты пространства и времени... Но этот эфир не может рассматриваться как... скомпонованный из частиц, состояние которых может отслеживаться во времени. К нему нельзя применить понятие движения».[191]
- Хендрик Лоренц (Hendrik Lorentz), физик, которым Эйнштейн больше всего восхищался, сформулировал версию специальной теории относительности на основе идеи эфира. Она называется «эфирная теория Лоренца» (LET). Хотя его уравнения математически эквивалентны уравнениям Эйнштейна и дают идентичные предсказания во всех известных наблюдаемых явлениях, но в теории LET в явном виде постулируется, что эфир и пространство едины.
- Нобелевский лауреат Леон Ледерман (Leon Lederman), почётный директор лаборатории Ферми (Fermilab), отмечает, что «как у Полины, злоключения эфира наступают и проходят,* и сегодня мы считаем, что необходима некая новая версия эфира, которая позволила бы разобраться в последних данных». «Новый эфир,— добавляет он,— мог бы стать точкой отсчёта для энергии, в данном случае — потенциальной энергии».[192]
- Фрэнк Вильчек (Frank Wilczek), пионер исследования суперструн в Принстонском институте перспективных исследований, полагает, что эфир созрел для того, чтобы стать основой современной квантовой теории поля. Несмотря на свою несправедливо запятнанную репутацию, пишет он, современный «переименованный и слегка замаскированный» эфир на самом деле «господствует в общепринятых законах физики».[193]

* The Perils of Pauline («Злоключения Полины») — название двух сериалов (1914, 1933) и двух фильмов (1947, 1967), над героинями которых то и дело нависает новая опасность.— *Прим. перев.*

- Сэр Артур Эддингтон, который понимал теорию относительности лучше многих других учёных,^{*} нередко использовал традиционный термин «эфир» именно так, как это делал Абдул-Баха,— то есть, как абстрактную концепцию пространства-времени. Так, Эддингтон определяет свет как «колебания эфира с различными длинами волн», и представляет себя «свистающим с круглой планеты головой в космос, так что эфирный ветер продувает каждую клеточку моего тела со скоростью неведомо сколько миль в секунду».[195]
- Сэр Джеймс Джинс пишет в том же духе: «Мы видим теперь, как эфир, в котором происходят все события Вселенной, оказалось возможным свести к математической абстракции наподобие параллелей и меридианов».[196]
- «Хотя классическая концепция эфира в настоящее время считается устаревшей,— объясняет Л. Пирс Уильямс из Корнельского университета,— понятие пространства в современной физике сохраняет определённое сходство с эфиром: пространство рассматривается не как абсолютная пустота, но как арена протекания различных энергетических процессов».[197]
- Физик Чарльз Мизнер выражается ещё более ясно: «Существует целая отрасль, ворочающая миллиардами долларов,— телеиндустрия,— которая только тем и занимается, что создаёт в пустом пространстве потенциалы для электронов, чтобы они двигались в определённых направлениях. Вакуум, настолько богатый коммерческими возможностями, вряд ли можно назвать пустотой; это действительно эфир».[198]

Отказ от механистических моделей

Пророчество 30: Отказ от механистических моделей (буквальных образов) как основы для понимания физического мира.

Исчезновение классического эфира нанесло удар по механистическому взгляду на мир, но поначалу не уничтожило его. Учёные продолжали ещё некоторое время верить, что вся реальность объективна, локализована и согласуется с механистическими моделями — даже те вещи, которые никогда не удастся обнаружить нашими чувствами.

^{*} Рассказывают, что однажды кто-то сказал Эддингтону, что он — один из всего лишь трёх людей, действительно понимающих теорию Эйнштейна. После продолжительной паузы тот произнёс: «Я пытаюсь понять, кто третий».

Они относили к этой категории и фундаментальные строительные блоки материи — субатомные частицы. Уже в начале этого века они хорошо понимали, что материя состоит из атомов, которые, в свою очередь, состоят из более мелких компонентов, названных протонами, нейтронами и электронами. Наличие этих частиц может быть выведено из косвенных эффектов, но их нельзя ощутить или увидеть даже в самый сильный микроскоп. Они просто слишком малы — настолько малы, что любое количество света, даже один фотон, даст им неконтролируемый толчок, и мы не сможем правильно их зарегистрировать. Эти частицы, как было потом предположено, можно делить и дальше.* Тем не менее, сколь бы глубоко они ни были запряты и как бы мы их ни представляли себе, — как миниатюрные бильярдные шары, вихри искорок или ещё что-то, — господствовало убеждение, что они имеют какую-то совершенно конкретную форму. Это означало, что должна существовать возможность — по крайней мере, в принципе, — построить крупномасштабную их копию, которая бы верно передавала общее поведение атома и всех его частей.

Классическая физика не видит ничего плохого в таких механистических, но при этом неосязаемых сущностях. Однако если мы буквально воспримем слова Абдул-Баха о разнице между «ощущаемыми» и «умозрительными» сущностями, у нас непременно должны возникнуть сомнения. Кажется, что в них исключается не только идея механистического эфира, но и механистические атомы. Он заявил, что все сущности, неподвластные восприятию, также «не имеют объективного существования», «не имеют внешней формы и расположения». Более того, Он не постеснялся применить этот принцип к фундаментальным реалиям физического мира: сразу после Своего заявления о пересмотре природы эфира как концептуальной абстракции Он добавил: «Также и вся природа по своей сути представляет умозрительную сущность и неосязаема».[199] Если бы только мы могли заглянуть за фасад чувственного восприятия (как бы говорит Он нам), мы обнаружили бы, что даже физический мир построен на фундаменте, который абстрактен, непредставим и нелокален.

Хотя в то время они и не подозревали этого, но как раз тогда (около 1905 г.), физики собирались взломать этот фасад. В течение следующих нескольких лет они лихорадочно работали, пытаясь объяснить шквал новых открытий касательно атомных явлений. Их целью было придумать работающую механистическую модель атома. Что-то, однако, было не так. Чем

* Эта идея кажется вполне правдоподобной, по крайней мере, для протонов и нейтронов, которые состоят из ещё меньших частей, называемых кварками.

больше они наводили резкость на картину, тем она становилась более размытой. Механистические интерпретации становились всё более напряжёнными и запутанными, и тогда учёные вынуждены были, в отчаянии, отказаться от привычного подхода в пользу теорий со странными мистическими обертонами.

Первое откровение пришло из специальной теории относительности Эйнштейна в 1905 году: материя, в действительности, это застывшая энергия. Энергия определяется в физике как «способность выполнять работу»; в остальном же, судя по всему, бессмысленно спрашивать, что такое энергия «на самом деле». С другой стороны, было бы странно взять в руки камень и сказать: «Я держу кусок сконцентрированной способности выполнять работу». Что это всё означает?

Второе потрясение случилось после того, как Нильс Бор объявил в 1913 году, что субатомные частицы телепортируются — то есть, они двигаются, исчезая в одном месте и появляясь в другом, при этом так и не появившись где-то посередине. Расстояния, на которых это происходит, невелики; дальние перемещения осуществляются путём дискретного ряда коротких всплесков или прыжков. Движение на субатомном уровне происходит не плавно, а прыжками, больше похожими на фильм Чарли Чаплина, чем на балет Барышникова. «Квантовые скачки» движущейся материи создают такую же иллюзию непрерывности, как и отдельные кадры фильма.* Физики поморщились, но вынуждены были проглотить это заявление.

Ещё более тревожным оказалось то, что точное расстояние, направление и время каждого перехода менялось, в известных пределах, весьма случайным образом. Абсолютное предопределение, подразумеваемое ньютоновской механикой, оказалось мифом; прошлая история частицы не полностью определяла её следующий шаг. Эйнштейн, уже озабоченный тем, какое

* Квантовый скачок — не просто математическая абстракция; если бы его не было, то Солнце не могло бы светить. Как мы уже обсудили выше, источник энергии для Солнца — это ядерный синтез. Слияние же ядер происходит, когда один протон врывается в другой. Тем не менее, каждый протон окружён мощным электрическим силовым полем — так называемым кулоновским барьером. Если бы протоны двигались по непрерывным траекториям, то они бы, в большинстве случаев, отражались от барьера; Солнце бы замёрзло, и все звёзды потухли. Однако переходя мгновенно от точки к точке, некоторые особо везучие протоны иногда оказываются с другой стороны этого щита, не коснувшись его. Эти случайные перескоки происходят достаточно часто для того, чтобы Солнце оставалось горячим. Мы все можем, буквально, возблагодарить наши счастливые звёзды за это «квантовое туннелирование», ибо ему мы обязаны нашей жизнью.

направление приняла физика элементарных частиц, в этот момент потерял терпение. «Я считаю откровенно неприемлемой ту идею, — писал он, — что электрон, подвергшийся воздействию излучения, должен выбрать, по своей собственной воле, не только момент своего прыжка, но и его направление».[200] Он утверждал, что должны существовать некие «скрытые переменные», пока неизвестные и необнаруживаемые, которые управляют этим процессом. Однако физик Джон С. Белл позже доказал теорему, согласно которой такие переменные, если бы они существовали, были бы способны влиять на события мгновенно по всей Вселенной. Так как основная предпосылка теории Эйнштейна гласит, что никакой физический сигнал не может двигаться быстрее света, любые скрытые параметры «ограничили бы с признанием явлений, которые мы сейчас называем паранормальными».[201] Эта идея выглядела ещё более странной и менее механистической, чем картина, отвергнутая Эйнштейном.

Не только световые волны иногда ведут себя как частицы, но и частицы иногда ведут себя как волны. Одиночный электрон, например, может распространяться как волна, проходя через две щели в экране одновременно и давая интерференционную картину; тем не менее, любая попытка обнаружить электрон даст нам единственную точку его расположения.

Это поведение описывается так называемым «уравнением Шрёдингера» — математическим уравнением «волновой функции», не имеющей никакой формы в физическом пространстве. Это не похоже на волну в воде, звуковую волну или любую другую знакомую аналогию.

Решительный разрыв с классической механикой произошёл в 1927 году, когда Вернер Гейзенберг обнародовал свой знаменитый принцип неопределённости, налагающий ограничения на точность одновременного определения положения и импульса субатомных частиц.* На поверхностном уровне принцип неопределённости означает, что мы не можем одновременно измерить положение и скорость частицы. Любой метод, который мы используем для оценки одного параметра, будет вносить возмущения в другой, так что мы никогда не сможем в точности определить оба. К сожалению, ряд популярных работ по данной проблеме создаёт обманчивое впечатление, что в природе квантовой неопределённости больше ничего и нет — в них подразумевается, что природа просто прячется от наших неук-

* Импульс — это векторная величина, то есть такая, которая одновременно описывает скорость и направление; это математическое описание движения частицы.

лужих методов. Но если бы это было так, данный принцип никогда не стал бы таким сокрушительным открытием.

Гейзенберг обнаружил не просто тот факт, что мы не можем одновременно знать точное положение и точную скорость частицы. Он обнаружил, что частица не может *обладать* двумя этими параметрами одновременно. Специальная «матрица», управляющая поведением субатомных частиц, исключает одновременное существование таких переменных. Чем больше мы узнаём об одной из них, тем меньше можно узнать о другой — причём невзирая ни на какие наши технические возможности. Чем точнее мы измеряем положение частицы, тем больше становится неопределённость её скорости; и чем точнее мы измеряем её скорость, тем более размытым становится её положение. Эта размытость существует не только в нашем сознании; это свойство самой частицы.

Но что же происходит с ненаблюдаемой частицей? Согласно стандартной интерпретации квантовой механики, такая частица имеет бесконечное число различных положений и скоростей (так сказать, туман перекрывающихся историй), каждая из которых более или менее вероятна, но ни одна не реальна полностью. Каждая частица — не более чем призрачная мнимость, вихрь взаимоисключающих возможностей, соперничающих за право на существование. Наблюдая либо её позицию, либо её скорость (поскольку мы не можем измерять и то, и другое одновременно), мы делаем частицу более реальной в одном отношении, делая её менее реальной в другом.

Ошеломляющие следствия из принципа неопределённости только-только начали доходить до современных мыслителей; даже многие профессиональные философы кажутся странно глухими к этому факту. Физика, говорит Джон А. Уилер, «уничтожила концепцию мира как "где-то расположенного". Вселенная уже никогда не будет прежней».[202] Квантовая механика изображает мир не как совокупность конкретных объектов и даже не как маленькие кусочки вещества, роящиеся в пустом пространстве, но как набор постоянно меняющихся вероятностей. Любой крупномасштабный объект — это обширная коллекция таких квазиабстрактных сущностей — сущностей, которые, перекрываясь друг с другом, наделяют объект подобием прочного положения, определённого движения и узнаваемой формы. Ни одна из этих сущностей, однако, не имеет никакой определённой формы и не обладает чётким положением в пространстве и времени. Современная физика, таким образом, подтверждает то, что Абдул-Баха сказал ещё до всех этих открытий: подлинная Вселенная, скрывающаяся под тонкой плёнкой чувственного восприятия, по своей сути совершенно несовместима с меха-

нистическими моделями. Мы не можем описать её буквальными образами — но только символами и метафорами. «Когда дело доходит до атомов,— пишет Бор,— язык может быть использован только так, как он используется в поэзии».[203]

Джон Клаузер (слева) беседует с Майком Науенбергом.

Субъективный, нелокальный характер материальной Вселенной — это не просто философская заумь; этот факт может быть проверен экспериментально — и такие эксперименты уже были неоднократно проведены.* Один из тех, кто это делал,— Джон Клаузер (John Clauser), физик из Калифорнийского университета в Беркли. Он решил использовать идеи, полученные из вышеупомянутой теоремы Белла. Подводя итог своим результатам, он пишет:

Физики последовательно пытались моделировать микроскопические явления с точки зрения неких реальных объектов,— причём желательно, чтобы эти объекты

* Концепция «локальности» (или «близкодействия»), крайне важная для классической физики, гласит, что если частицы никак не взаимодействуют между собой (например, разделены большим расстоянием), то воздействие на одну из них никак не может сказаться на состоянии другой. Эта идея активно поддерживалась Эйнштейном, который полагал, что поведение элементарных частиц должно однозначно определяться какими-то имеющимися обстоятельствами. Однако квантовая механика утверждает, что реальность не определена до того момента, как будет произведено наблюдение, и поведение квантовых объектов на самом деле полностью случайно.

Этот момент наглядно демонстрируется в парадоксе «кошки Шрёдингера» — представим, что в закрытом ящике находится кошка, и её жизнь зависит от некоего случайного квантовомеханического события, например, распада ядра радиоактивного элемента. Пока ящик не открыт и наблюдение не произведено, кошка не жива и не мертва, но представляет собой *суперпозицию* двух этих состояний. На самом деле, конечно, наблюдателем в данном случае выступает не физик-экспериментатор, находящийся снаружи ящика, и даже не сама кошка, но первый макроскопический объект, который «замечит», что ядро распалось — то есть, детектор атомного распада. Однако суть явления от этого не меняется — «кошка» (то есть, в данном случае, ядро радиоактивного атома) «не жива и не мертва» (то есть, ядро одновременно распалось и не распалось), пока мы не «откроем ящик» (то есть, пока детектор или любой другой макроскопический объект не произведёт наблюдение).— *Примеч. перев.*

имели ещё и некую определённую структуру... Мы обнаружили, что это невозможно сделать естественным образом, в соответствии с принципом локальности, не входя при этом в противоречие с наблюдаемыми экспериментальными фактами.[204]

Как это ни парадоксально, но именно физика — самая конкретная из «точных наук», — первой подтвердила метафорическую природу физической реальности, возведённую Абдул-Баха. С самого зарождения квантовой механики в 1920-х годах практически каждый крупный прорыв физики, так или иначе, усиливал эту точку зрения. Результатом стал, по словам сэра Джеймса Джинса (James Jeans):

...Широкий консенсус, в физических отраслях науки приближающийся почти к единодушию, состоит в том, что поток новых знаний ведёт нас в направлении немеханистического толкования реальности; Вселенная начинает всё больше походить скорее на великую мысль, чем на большую машину.[205]

Глава 6

ПРОРОЧЕСТВА БАХАИ: НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ДЕЛА

Среди мрака, всё более сгущающегося вокруг нас, мы начинаем различать слабые проблески неземного владычества Бахауллы, время от времени вспыхивающие на горизонте истории.

— Шоги Эффенди

Большинство вещей, которые произошли за последние 50 лет, были фантастическими,— и только при условии, что эта фантастика будет продолжаться и дальше, у нас есть надежда предвосхитить будущее.

— Артур Кларк

Итак, мы закончили наш обзор основных пророчеств бахаи, которые, на момент написания статьи, были выполнены. Они включают 30 заявлений Бахауллы или Абдул-Баха, рассказывающих о важных исторических или научных событиях. Мы предлагаем их в качестве доказательства для тех, кто задаётся вопросом: «Кем был Бахаулла?» То есть, был ли Он вдохновлённым свыше носителем Божественного Откровения?

Как все эти пророчества относятся к данному вопросу? Выражая иными словами смысл главы 3, доказательства, в научном смысле,— это любые должным образом подтверждённые наблюдения, проверяющие некоторые логические следствия из рассматриваемой теории. Если эти наблюдения оказываются несовместимыми с теорией, то теория должна быть отброшена или изменена. Если же наблюдения подтверждают теорию (хотя могли бы и опровергнуть её), то наше доверие к этой теории возрастает. Этот кредит доверия нельзя считать «доказательством» в строгом смысле этого слова, потому что всегда можно найти другие способы объяснения тех же данных. Однако, если теория выживает после достаточного числа проверок, выполненных достаточным количеством разных способов, то доказательства со

временем могут стать настолько убедительными, что исследователь может посчитать более разумным принять данную теорию, чем откладывать окончательное решение.

Применяя этот стандарт, мы обнаружили, что практически все упомянутые нами предсказания касались событий, которые могли бы легко дискредитировать Бахаулла — и были моменты, когда Его противники спешили заявить о такой дискредитации. Судьбы самых могущественных государств и империй Его времени; развязывание и исход двух кровавых мировых войн; резкий взлёт — и столь же резкое падение — коммунизма; конкретные события в Израиле и Америке, в Христианстве, Исламе и Вере бахаи, в физике, космологии, палеонтологии и медицине, — любое из этих событий могло бы повернуться иначе и поставить под сомнение притязания Бахауллы. Наполеон III, султан ‘Абд аль-Азиз или Нәсир ад-Дин-шах могли бы избежать своей безвременной кончины. Королева Виктория могла бы, подобно большинству её современников королевской крови, утратить власть. Германия могла бы выиграть (или вообще избежать) любую из великих войн, которые она начала. Коммунизм мог бы никогда не получить всемирного значения, или, приобретя большую важность, мог бы добиться затем и мирового господства. Бахаулла мог бы умереть в тюрьме. Его Вера, подобно всем прежним мировым религиям, могла бы расколоться на секты и группировки. Ядерная энергия и трансмутация элементов могли бы оказаться невозможными. Пилтдаунский человек мог бы стать подлинным «недостающим звеном», когда явились бы на свет новые ископаемые образцы. Классическая физика могла бы успешно сопротивляться проблемам, связанным с относительностью и квантовой механикой.

Ни одна из этих вещей не сбылась. Вместо этого пророчества бахаи (большинство из которых казались поначалу нелепыми) исполнились в каждом случае, нередко благодаря невероятному стечению обстоятельств, которые следовали друг за другом с точностью часового механизма.

Совпадения? Вряд ли. Это внушительный массив фактов, для которого требуется серьёзное и взвешенное объяснение. Одно из таких объяснений — что претензии Бахауллы правомерны: Он действительно был Божьявлением, вдохновлённым свыше. Мы, конечно, не сможем оценить правдоподобность этой гипотезы, не рассмотрев сначала альтернативные варианты. Я попытаюсь исследовать эти альтернативы в одной из последующих глав; на данный момент я ограничусь замечанием, что доказательства, представленные до сих пор, достаточно сильны, чтобы значительно повысить доверие к притязаниям Бахауллы.

На данный момент естественным образом возникает несколько вопросов.

Во-первых, насколько полон список пророчеств, представленных в двух предыдущих главах? Конечно же, он не полон. Священные Писания бахаи содержат много других пророчеств, которые я здесь не упомянул. Большинство из них, по-видимому, можно разделить на несколько основных категорий.

1. Пророчества о менее известных лицах

Баб, Бахаулла и Абдул-Баха переписывались с тысячами людей, как верующих, так и небахаи, и в ряде случаев делали прогнозы о событиях, которые должны были произойти в жизни этих людей. В каждом случае, с которым я знаком, эти предсказания сбывались, однако думаю, всеобъемлющий обзор таких пророчеств потребовал бы огромной работы. Я сам не в состоянии провести такой анализ, и поэтому решил включить сюда только такие пророчества, исполнение которых средний читатель смог бы проверить, воспользовавшись хорошей библиотекой.

Желающие продолжить эту тему самостоятельно найдут достаточно материала в книге Шоги Эффенди «Бог проходит рядом», в четырёхтомном труде Адиба Тахерзаде «Откровение Бахауллы», а также во многих других исторических работах о Вере бахаи. Особенно яркий пример пророчеств такого рода содержится в книге «Не в каждом море есть жемчуг» (Not Every Sea Hath Pearls) — автобиографии Лоли Олби Мэтьюз (Loulie Albee Mathews; если что, она мне не родственница).

2. Пророчества Баба о Бахаулле

Писания Баба содержат множество предсказаний, цель большинства из них — подготовить Его последователей к признанию Обетованного, Которого Он называет «Тем, Кого явит Бог». Он указал, например, что годы 1852 и 1863 будут иметь особое значение для миссии Обетованного. В 1852-м Бахаулла осознал Свою пророческую миссию, а в 1863-м объявил о ней Своим соратникам. Эти пророчества были крайне важны для баби, пытавшихся отыскать «Того, Кого явит Бог». Большинство таких пророчеств, однако, имели характер намёков или подсказок, а не конкретных прогнозов; поэтому их подробное изложение здесь вряд ли уместно. Сам Бахаулла исчерпывающе обсуждает данный предмет в своём «Послании к Сыну Волка», равно как и Шоги Эффенди — в «Бог проходит рядом».

3. Несистематические пророчества

В записях бесед с Центральными Фигурами Веры бахаи также встречается много интересных пророчеств. Большинство этих записей сделано надёжными свидетелями, и сведения эти широко распространялись до того, как пророчества исполнились. Есть и такие, однако, чья подлинность сомнительна, и иногда здесь бывает трудно отделить зёрна от плевел. В приведённой выше компиляции я опирался только на пророчества, взятые либо из аутентичных трудов Основателей Веры бахаи, либо из заверенных стенограмм их официальных выступлений. В некоторых случаях я цитировал Их слова, сказанные во время неформальных бесед, но только там, где такие замечания способны были пролить дополнительный свет на пророчества из Их Писаний или официальных выступлений.

4. Иносказательные пророчества

Писания бахаи изобилуют предсказаниями, выраженными с использованием поэтического символизма или намеренно загадочного языка. Некоторые из них, например, «Скрижаль Святого Морехода» Бахауллы, явленная Им в Багдаде в 1863 году с целью подготовки Его последователей к предстоящим атакам на Дело Божие, были вполне прозрачны для их целевой аудитории. Другие, видимо, были задуманы так, чтобы быть понятыми лишь после их выполнения. Я обычно воздерживался от цитирования таких пророчеств, предпочитая сосредоточиться на тех, которые, как утверждает Бахаулла, «самым доступным языком предсказали будущие события».[206] Я посчитал, что для этой компиляции подходят только такие символически или метафорически выраженные пророчества, которые были, в преддверии событий, на которые они ссылаются, специально истолкованы Абдул-Баха или Шоги Эффенди — единственными полномочными толкователями учения бахаи.

5. Долгосрочные пророчества

Некоторые пророчества бахаи относятся к событиям и условиям далёкого будущего. Бахаулла прогнозирует, например, постепенное становление, на протяжении нескольких столетий, Содружества Бахаи, расцвет которого породит мировую культуру настолько величественную, что сегодня мы даже смутно не можем себе этого представить. Он также заявляет, что по прошествии тысячи или более лет придёт ещё одно Божоявление, которое поначалу, — как и все те, кто приходил до Него, — столкнётся с отвержением и преследованиями, но, в конечном счёте, восторжествует и под-

нимет цивилизацию к новым высотам. Такие пророчества звучат обнадеживающе для бахаи и ценны для них по целому ряду причин. Они, однако, не могут служить доказательством для тех, кто пытается сегодня определить, подлинно Откровение Бахауллы или нет. Принимать решение придётся на основе только и исключительно фактов, имеющих на данный момент.

Остаётся, конечно, ещё одна важнейшая категория, содержащая некоторые из самых значительных пророчеств, которые только можно встретить в Писаниях бахаи.

6. Краткосрочные пророчества, которые на текущий момент реализовались не полностью

Бахаулла и Абдул-Баха предсказали ряд событий в ближайшем будущем человечества,— событий, которые, по своей природе, должны произойти задолго до крупномасштабных пророчеств, упомянутых выше.

Именно эти краткосрочные, ещё не полностью исполнившиеся пророчества, я и рассмотрю в этой главе. Поскольку основная цель этой книги состоит в сборе фактических данных, имеющих отношение к истинности или ложности откровения Бахауллы, данная глава представляет собой, в некотором отношении, лирическое отступление. Для собранных в ней пророчеств ещё не все факты имеются в наличии; то есть, на их основе нельзя вынести вердикт за или против Бахауллы. И я не предлагаю никому ждать результата исполнения этих пророчеств, чтобы только потом принять решение о подлинности слов Бахауллы. Вопрос кажется мне настолько важным и безотлагательным, а уже имеющиеся доказательства — настолько убедительными, что я не вижу никаких оснований для промедления.

Тем не менее, исследователь вполне естественно может пожелать разузнать как можно больше обо всех прогнозах Бахауллы на ближайшее будущее, даже тех, срок которых ещё не подошёл. Ведь все такие пророчества в скором времени перейдут в разряд свидетельств — либо «за», либо «против», хотя для некоторых прогнозов ситуация вообще не выглядит столь чёрно-белой. Некоторые из этих предсказаний, очевидно, относятся не к отдельным событиям, но к долговременным процессам, происходящим вокруг нас. Таким образом, даже если они ещё не полностью завершились, они всё равно имеют некоторый вес в качестве доказательств,— настолько, насколько мы можем разглядеть наметившиеся тенденции их развёртывания.

Так как я указал выше, что список пророчеств в главах 4 и 5 не полон, на ум, естественно, приходит вопрос: можно ли обнаружить хоть одно пред-

сказание Баба, Бахауллы или Абдул-Баха, что было опровергнуто последующими событиями? Мой ответ должен быть «нет». В каждом случае, с которым я знаком,— в том числе и в отношении тех, что не описаны в этой книге,— события шли именно так, как обещано Бахауллой: «Всё, что ниспослано свыше, уже сбылось или сбудется, слово в слово, на сей земле. Ни у кого нет возможности отворачиваться прочь или выдвигать возражения».[207]

Рассмотрим теперь оставшиеся пророчества.

Флаги свободы

Бахаулла писал:

Через некоторое время все правительства на Земле сменятся. Тиранство окутает мир. И затем, после вселенского потрясения, солнце справедливости взойдёт на небосклоне незримого царства.[208]

Вскоре после Первой мировой войны Абдул-Баха описал «сложившуюся ситуацию в мире» как «безбожие, влекущее за собой анархию»,— по Его словам, всё это должно было спровоцировать «временный возврат к насильственным формам правления».[209] Акцент был сделан на слове «временный», потому что в другом месте Он писал, что мир, в конечном итоге, должен будет достичь «единства в свободе».[210] Подчёркивая связь между миром и свободой, Он сказал: «Настоятельное требование времени — отказ от централизованной власти, которая порождает деспотизм. Это будет способствовать делу всеобщего мира».[211]

Конечно, репрессивные правительства вряд ли можно назвать новой концепцией, но в XX веке они обрели огромную власть и невиданный доселе размах. Колониализм, сталинизм, нацизм, фашизм и другие «измы» вовлекли в орбиту своего влияния значительную часть человечества и активно терроризировали всех остальных. Централизованно планируемая экономика и частная жизнь под строгим присмотром государства стали нормой для миллиардов людей. На свет явились радикально новые формы государственного контроля, гораздо более амбициозные и навязчивые, чем любые применявшиеся ранее; для их описания даже потребовалось новое слово — «тоталитаризм».

Губительное воздействие этой тирании до сих пор ощущается повсюду — и не только в тех странах, которые когда-то были тоталитарными. Ко-

гда воинствующие идеологии, претендующие на мировое господство, разделили человечество на вооружённые лагеря, свобода неизбежно пострадала и в странах так называемого «свободного мира». В течение этого века несколько поколений жили с уверенностью, что в любой момент они могут погибнуть в пламени ядерной катастрофы; кроме того, на них легло тяжкое бремя службы в армии по призыву, сурового налогообложения и частого урезания гражданских свобод — и всё это во имя сопротивления проискам внешнего врага. Другие косвенные эффекты тоталитарных режимов — голод во многих регионах Земли, болезни и нищета, которые можно было бы легко преодолеть, если бы человечество не было одержимо идеей противостояния цивилизаций. Согласитесь, вряд ли можно назвать свободными 40 тыс. детей, которые умирают каждый день от безнадзорности и голода? А ведь эту проблему, при доступных сейчас человечеству возможностях, было бы не так уж сложно преодолеть.

Натиск тоталитаризма в этом веке был настолько агрессивным, что сама идея неотъемлемых свобод нередко начинала казаться многим людям сомнительной. Мнение бахаи о том, что в будущем нас ждёт общество не угнетения, но свободы, ещё совсем недавно казалось многим международным наблюдателям не более чем наивными мечтаниями. Два события, однако, радикально изменили это впечатление.

Сначала, во второй половине этого века, добилось независимости большинство стран и народов, ранее находившихся под колониальным ярмом. Эта титаническая и пока ещё неоконченная борьба, конечно, принесла не только радостные результаты, ибо вместо чужеземного контроля нередко воцарялась доморощенная тирания. Тем не менее, эти десятки движений за независимость — наглядное свидетельство того рвения, с которым люди готовы биться за свою свободу. Это были первые шаги — пусть иногда и не очень позитивные, но, вероятно, необходимые.

В течение последних нескольких лет начала проявляться другая тенденция, столь же важная и многообещающая: на мировой арене набирает силу почти непреодолимое стремление к демократии, возникшее как будто из ниоткуда и начавшее одерживать одну победу за другой на всех континентах. Эти достижения столь потрясающи, что президенты США и бывшего Советского Союза, независимо друг от друга, заявили, что «эпоха диктаторов закончилась».

Конечно, в буквальном смысле это ещё не так: диктатуры до сих пор живут и здравствуют, наряду со многими другими формами угнетения и эксплуатации. Дело, однако, в том, что машина истории, кажется, действи-

тельно повернула в другом направлении, так что всемирное торжество свободы теперь кажется не просто возможным, но и, скорее всего, неизбежным. Мы видим, что до того, как такое видение станет реальностью, несколько грядущих поколений ещё вынуждены будут вести ожесточённую борьбу, где редкие успехи будут перемежаться с бесчисленными неудачами,— но вера в достижимость свободы уже не кажется нам наивной.

Неудивительно, что Всемирный Дом Справедливости написал:

Дух свободы, пронёсшийся в последние десятилетия по всей планете с такой бурной силой, свидетельствует об энергии Откровения, принесённого Бахауллой. [212]

С точки зрения бахаи, главное препятствие сегодня на пути к всемирной политической свободе — это привязанность к изжившей себя концепции абсолютного национального суверенитета, то есть к идее неограниченной свободы отдельных стран вести войну. Анархия — худшая форма тирании; и мир взаимозависимых, но всё ещё полностью суверенных государств, представляет собой опаснейшую форму анархии. Грядущее освобождение человечества от этого паралича предвещается в одном из наиболее знаменательных пророчеств Бахауллы — пророчестве о Малом Мире.

Малый Мир

Как объясняется в главе 4, Бахаулла предвидел, что мир во всём мире будет установлен в два этапа: сначала «Малый Мир», затем — «Величайший Мир». Первый этап, Малый Мир, наступит, когда народы всей Земли совместно построят некий политический механизм, способный предотвращать войны. Такой мир может, в самом начале, оказаться не более чем шатким перемирием между исполненными взаимной подозрительности и враждебности сторонами. Второй этап, Величайший Мир, относится к появлению по-настоящему глобального социума, основой которого будет ощущение духовного братства и мирового гражданства. Хотя бахаи предполагают, что достижение Величайшего Мира может занять столетия, однако Малый Мир, по их мнению, гораздо ближе.

Описывая Малый Мир, Бахаулла пишет:

Со временем в мире будет обязательно признана насущная необходимость созыва широкого и всеобъемлющего собрания. Правители и государи земли должны войти в него и, участвуя в его ра-

боте, искать пути и средства, что приведут к установлению всеобщего Великого Мира. Такой мир требует, дабы сильные державы во имя спокойствия народов решили полностью примириться друг с другом. Если один из царей поднимет оружие на другого, все должны сплочённо выступить и остановить его. И тогда народам мира больше не понадобится оружия, за исключением того, что нужно для защиты своих государств и поддержания внутреннего порядка в их пределах.[213]

Абдул-Баха пишет:

Истинная цивилизация развернёт своё знамя в самом сердце мира, когда несколько выдающихся и благородных властителей... поднимутся ради того, чтобы утвердить Дело всеобщего мира, во имя блага и счастья человечества. Они должны вынести вопрос установления мира на всеобщее обсуждение и стремиться всеми средствами, находящимися в их власти, учредить Союз народов Земли. Они должны заключить договор и соглашение, положения которых будут обоснованными, нерушимыми и чёткими. Они должны провозгласить его перед всем миром и получить на него одобрение всего рода человеческого... В этом всеобъемлющем Пакте должны быть установлены пределы и границы каждой страны, заложены принципы, чётко определяющие отношения между правительствами, и утверждены все международные договорённости и обязательства. Подобным же образом, должен быть строго ограничен объём вооружений каждого государства, ибо если дозволить какой-либо одной стране готовиться к войне и наращивать военные силы, то это вызовет подозрения у других. Непреложный принцип, лежащий в основе этого официального Пакта, должен быть определён таким образом, что если какое-либо правительство в дальнейшем нарушит любое из его условий, все другие правительства на земле должны будут подняться и заставить его полностью покориться им,— более того, весь род людской, как один человек, должен решиться на то, чтобы, применив всю имеющуюся у него силу, свергнуть такое правительство. Если это сильнейшее целительное средство будет применено к больному телу мира, он, несомненно, оправится от своих болезней и неизменно будет пребывать в спокойствии и безопасности.[214]

Полностью признавая трудности, которые необходимо преодолеть, Абдул-Баха при этом категорически заявляет, что этот мирный план будет полностью реализован: «Несомненно, придёт день,— говорит Он,— когда его прекрасный свет озарит людское собрание».[215]

В одной из Скрижалей Абдул-Баха описывает семь исторических трендов, или «светочей», благодаря которым постепенно проявится единство человечества:

Взгляни, как сей свет уже занимается над сумрачным горизонтом мира. Первый светоч — единение в политической сфере, первые признаки коего видны уже сейчас. Второй светоч — единство помыслов в международных делах, результаты чего мы вскоре увидим. Третий светоч — единство в духе свободы, кое неизбежно установится. Четвёртый светоч — единство религии, этот краеугольный камень в основании всего здания,— по воле Божией, оно будет явлено во всём своём великолепии. Пятый светоч — это единство наций, единство, которое будет прочно установлено в нынешнем столетии и благодаря коему все народы мира станут считать себя гражданами одного общего отечества. Шестой светоч — единство рас, кое сделает всех обитателей Земли народами и племенами одной семьи. Седьмой светоч — это единый язык, то есть принятие всеобщего языка, который люди будут изучать и на котором будут общаться. Всё сие непременно сбудется, ибо сила Царствия Божиего будет способствовать сему и поддерживать сии свершения».[216]

Этот отрывок, один из самых замечательных и пророческих в Писаниях бахаи, известен среди бахаи как «семь светочей единства». Шоги Эффенди разъяснил, что семь «светильников» или «светочей», указанных Абдул-Баха, «не обязательно появятся в указанном порядке».[217] Некоторые из них (например, единство религий и рас), судя по всему, относятся к Величайшему Миру, который наступит в далёком будущем. Другие, вроде бы, относятся к аспектам Малого Мира, описываемым Бахауллой.

Особый интерес представляет «пятый светоч», который, по словам Абдул-Баха, символизирует «единство наций, единство, которое будет прочно установлено в нынешнем столетии и благодаря коему все народы мира станут считать себя гражданами одного общего отечества». В другом месте, комментируя аналогичное заявление Абдул-Баха («Все будут обитать в одном общем отечестве, которое и есть сама планета»), Шоги Эффенди

пишет: «Такова стадия, к которой приближается сейчас мир — стадия всемирного единения, которое, как уверяет Абдул-Баха, будет прочно установлено в этом веке».[218]

Этот пятый светоч можно было бы интерпретировать как будущее мировое правительство, которое, согласно пророчествам, обеспечит институциональную основу для Малого Мира. Следует отметить, однако, что «первый светоч» Абдул-Баха — это «единение в политической сфере», то есть ещё более явная ссылка на Малый Мир. Всемирный Дом Справедливости определяет его с использованием почти идентичной формулировки — как «политическое объединение мира».[219] Очевидно мы должны проводить различие между первым светочем политического единства (которому Абдул-Баха не назначает никаких определённых сроков) и пятым светочем — единством наций, «единством, которое будет прочно установлено в нынешнем столетии». Это говорит о том, что пятый светоч может относиться не обязательно к политическому аппарату мирового правительства, но к какой-то более широкой форме единства, — например, технологической или экономической взаимозависимости.

Если Абдул-Баха подразумевал здесь именно это, то пророчество уже давно и в значительной степени исполнилось. Ещё в 1936 году Шоги Эффенди писал: «Что бы ни говорили и что бы ни делали те, кто стоит во главе сил, стремящихся к разъединению, взаимозависимость наций и народов Земли стала сегодня неоспоримым фактом. Интеграция в экономической сфере сейчас очевидна и признана всеми».[220] Это утверждение, конечно, неизмеримо более верно сегодня, чем когда Хранитель впервые написал эти строки.

Абдул-Баха далее говорит, что единство наций, символизируемое «пятым светочем», заставит «все народы мира считать себя гражданами одного общего отечества». Пророчество это, таким образом, предусматривает два явления:

- 1) Некоторый достаточно высокий уровень единства, причём не обязательно политического, благодаря которому в нынешнем веке между народами земли возникнут важные связи.
- 2) Широко распространённое осознание мирового гражданства, которое станет результатом этого единства.

Подразумевал ли Абдул-Баха, что «в нынешнем столетии» разовьются оба эти явления или только первое из них, для меня не совсем ясно из Его формулировки. Как бы то ни было, но можно предположить, что расцвет

глобального стиля мышления, предсказанный Абдул-Баха, будет предшествовать официальному созданию действующего мирового правительства. На мой взгляд, это пророчество отнюдь не говорит о том, что политические институты Малого Мира возникнут к концу 2000 года.

Более чёткую формулировку этого обещания мы находим в газетном интервью Абдул-Баха, опубликованном в Канаде во время Его турне по Северной Америке. Абдул-Баха спросили: «Есть какие-либо признаки того, что прочный мир будет установлен в сколько-нибудь разумные сроки?» Журналист так записал Его ответ: «Он будет установлен в этом веке. В XX веке он станет всеобщим. Все народы будут вынуждены принять его». На вопрос о том, не станет ли решающим фактором здесь экономическое давление, Он якобы сказал:

Да: народы будут вынуждены прийти к миру и согласиться на отмену войны. Ужасное бремя налогообложения для военных целей превысит пределы человеческой выносливости.[221]

Это устное замечание, сформулированное так, как его запомнил и понял репортёр и передал переводчик, не может считаться столь же авторитетным, как официальные письма и стенограммы выступлений Абдул-Баха. Как и неподтверждённые заметки паломников, такие заявления, сколь бы интересными или глубокими они ни казались, не считаются частью признанных Писаний бахаи и не несут в себе обязательных для верующих заповедей. Тем не менее, если относиться к ним без фанатизма, то подобным сообщениям вполне можно доверять, если они кажутся правдоподобными. Данное интервью относится именно к этой категории, а его сходство со Скрижалью про «семь светочей» не вызывает сомнений.

Шоги Эффенди заявил, что с укреплением Малого Мира должен «синхронизироваться» ещё один процесс — возведение административных зданий для основных институтов Всемирного Центра Бахаи.[222] Этот смелый проект, в настоящее время находящийся в начальной стадии реализации, планируется завершить примерно в конце этого столетия. Этот график строительства, конечно же, не более чем план; проект вполне может быть отсрочен в результате событий внутри или за пределами мира бахаи. Кроме того, синхронизация может означать лишь то, что эти два процесса движутся вместе по направлению к своей конечной цели,— они не обязательно должны закончиться одновременно. Несмотря на все эти неопределённости, Всемирный Дом Справедливости приводит многочисленные признаки того, что «Малый Мир не может быть слишком далёк от нас».[223]

Что касается точного времени этих событий, то секретарь Шоги Эффенди писал от его имени:

Мировое правительство возникнет, но мы не знаем дату этого события.[224]

Всё, что мы знаем — это что Малый Мир и Величайший Мир наступят, однако точные даты этих событий нам неизвестны.[225]

Какова должна быть роль Веры бахаи в этом процессе? В письме, написанном от имени Всемирного Дома Справедливости, указываются следующие моменты:

Что касается Малого Мира, то Шоги Эффенди объяснил, что поначалу это будет политический союз, достигнутый решением правительств различных стран, и будет установлен без прямого участия общины бахаи. Это не означает, однако, что бахаи стоят в стороне и ждут наступления Малого Мира, ничего при этом не делая для мирного процесса. Действительно, продвигая принципы Веры, без которых мирное сосуществование просто невозможно, и совершенствуя орудия Административного Порядка бахаи, представляющие, по словам возлюбленного Хранителя, модель будущего общества, бахаи своими каждодневными усилиями закладывают основу для прочного мира во всём мире, устремляясь при этом к своей высшей цели — Величайшему Миру.[226]

Тяжкое испытание для человечества

Мало какие по-настоящему ценные вещи достаются нам легко — и уж точно не мир во всём мире. Бахаулла чётко даёт понять, что путь к миру будет тернистым и болезненным. Мы уже приводили Его слова о том, что «солнце справедливости взойдёт на небосклоне» только «после вселенского потрясения», и что только «насушная необходимость» со временем заставит мировых лидеров заключить мирный договор. В Писаниях бахаи часто говорится, что одним из ключевых факторов в возникновении нового мирового порядка будет некое страшное бедствие или катастрофа, которое встряхнёт человечество и выведет его из состояния апатии.

Многие из этих ссылок на грядущее бедствие — всего лишь намёки или аллюзии. Как и большинство других концепций из Святого Писания, «бедствие» имеет несколько значений, — некоторые из них аллегорические, другие следует понимать буквально. Для бахаи величайшее бедствие — духовное, когда народы и мировые лидеры слышат весть о Бахаулле, но при этом отказываются исследовать или даже просто всерьёз рассматривать Его заявление о том, что Он есть Посланник Божий для нынешней эпохи. Особо трагичный аспект этого бедствия — это фанатичный материализм, пронизывающий все аспекты современной жизни и навлекающий невыразимые страдания и бедствия на людей как на духовном, так и на физическом уровне.

Некоторые отрывки из Писаний Бахаи, судя по всему, говорят о «погибели» в духовном смысле; другие могут относиться в целом ко всему периоду потрясений, отделяющему момент провозглашения Бахауллой Его миссии от наступления эпохи Величайшего Мира. Некоторые, однако, явно указывают (не вдаваясь при этом в детали) на некие конкретные будущие события. Бахаулла, например, пишет:

Мир пребывает в родовых муках, и его смятение нарастает день ото дня. Лик его обращён к своенравию и неверию. Ждёт его столь тяжёлая участь, что раскрывать её сейчас неуместно и несвоевременно. Извращённость его продлится ещё долго. Когда же придёт назначенный час, вдруг явится то, от чего содрогнётся всё тело человечества. Тогда и лишь тогда будет возвращена Божественная Хоругвь и Райский Соловей воспоёт свою песнь.[227]

Хотя Бахаулла и не раскрывает природу этого жуткого события, которое «в назначенный час вдруг явится», Он, судя по всему, чётко выделяет его среди неких «родовых мук» и «смятения», ведущего к нему. Шоги Эффенди проводит похожее различие между «карающим бедствием», предсказанным Бахауллой, и шестнадцатью признаками, которые «должны или возвестить, или сопровождать» его:

Наблюдая эти болезненные возмущения, эту суматоху и несчастья эпохи родовых мук, мы вполне можем задуматься над зловещными пророчествами, изречёнными почти 80 лет назад Творцом нашей Веры, а также мрачными прогнозами, сделанными Тем, Кто есть безошибочный Толкователь Его учения: все они

предвещают вселенскую смуту, не имеющую прецедентов в истории человечества по размаху и интенсивности.

Резкое нарушение равновесия в мире; дрожь, которая охватит всё тело человечества; кардинальное преобразование человеческого общества; сворачивание нынешнего Миропорядка; основополагающие изменения, что затронут правительственные структуры; ослабление столпов религии; подъём диктаторских режимов; распространение тирании; падение монархий; упадок институтов духовенства; усиление анархии и хаоса; расширение и сплочение Движения Левых; превращение в пламя тлеющей искры расовых конфликтов; разработка адских машин для ведения войны; сжигание городов; загрязнение атмосферы Земли — таковы знамения и удивительные знаки, что должны или возвестить, или сопровождать карающее бедствие, которое, ...как указано Тем, Кто есть Судия и Искупитель человечества, должно рано или поздно поразить общество, в массе своей отказывающееся, в течение уже более чем ста лет, внимать Гласу Божиего Посланника для сего дня,— и это бедствие должно очистить человеческий род от скверны вековечных пороков и спаять его составные части в крепкое всемирное Братство...[228].

Может показаться, что Вторая мировая война, унёсшая 55 млн. человеческих жизней,— бедствие достаточной величины, чтобы считать предсказание Бахауллы исполненным. Тем не менее, только что приведённое заявление Хранителя было написано в апреле 1957 года, много лет спустя после войны. Ещё более чётко высказывается по этому поводу Шоги Эффенди в своём заявлении 1954 года, где он, ссылаясь на предупреждение Бахауллы о губительном воздействии материализма, описывает Вторую мировую войну не более как «предвестник» грядущего:

На самом деле, предвестником разрушений, которые этот «огнь поядающий» [материализм] будет сеять в мире,— так что будут опустошены города во многих странах, участвующих в этой трагической, захлестнувшей весь мир бойне,— стала последняя мировая война, возвестившая наступление второго этапа глобального хаоса, который, увы, неизбежно обрушится на человечество, забывшее о своём Боге и не обращающее внимания на явные

предупреждения, высказанные назначенным Им Посланником для сего дня.[229]

Вышеприведённое заявление указывает, что катастрофа будет как-то связана с «трагической, захлестнувшей весь мир бойней» между народами. Пророчества, однако, ничего не говорят о том, какую форму примет катастрофа — военную, экономическую, экологическую, или это вообще будет что-то совершенно непредвиденное и неожиданное. В письме 1949 г., написанном секретарём Шоги Эффенди от его имени, говорится:

У нас нет никаких указаний на то, какова будет природа этого апокалиптического переворота: это может быть ещё одна война... но изучение Писаний Бахаи ясно указывает — чем дольше «Божественному Врачевателю» (т. е. Бахаулле) мешают приступить к исцелению бед этого мира, тем более тяжёлыми будут кризисы, и тем страшнее будут страдания больного.[230]

Что бы ни случилось, Бахаулла даёт понять, что это бедствие не уничтожит род человеческий и не помешает ему реализовать свою высокую судьбу, которая заключается в достижении мира и единства. Наоборот, Он указывает, что его последствия, сколь бы ни были они трагическими в краткосрочной перспективе, в конечном счёте окажутся благотворными. «Бедствия Мои,— пишет Он,— Моё провидение; по видимости они — огонь и возмездие, но сокрыты в них свет и милосердие».[231] Шоги Эффенди пишет:

Пламя, зажжённое по Его Божественной справедливости, очистит жестокосердное человечество и сплавит его взаимопротиворечащие и враждующие элементы так, как не сможет их очистить и сплавить воедино ни одна другая сила. Это не только карательный и разрушительный огонь, но дисциплинирующий и творческий процесс, цель которого — спасение всей планеты через её объединение. Мистически, медленно и неуклонно Бог реализует Свой замысел,— хотя зрелище, предстающее перед нашими глазами сегодня, свидетельствует о мире, безнадежно запутавшемся в собственных сетях и не обращающим никакого внимания на Глас, что в течение уже целого столетия призывает его к Богу... [232]

Бахаулла уподобляет текущее состояние мира периоду беременности. Применяя эту аналогию, мы можем толковать «родовые схватки» как повторяющиеся кризисы, сотрясающие человечество, рождение — как «апокалиптическую смуту», а собирающегося вот-вот родиться младенца — как Малый Мир, федеративное объединение мира. Продолжая аналогию с планетой в родовых схватках, Бахаулла пишет:

Близится день, когда она принесёт свои благороднейшие плоды, когда из неё взрастут высочайшие деревья и очаровательнейшие цветы и произойдут наисветозарнейшие благословения.[233]

Шоги Эффенди объясняет:

Божия цель состоит исключительно в том, чтобы установить,— причём средствами, доступными только Ему и полное значение которых только Он может постичь,— Великий, Золотой Век для давно разделённого и от века страдающего человечества. Его нынешнее состояние,— а в действительности, и его ближайшее будущее,— мрачно, чудовищно мрачно. Его далёкое будущее, однако, лучезарно, ослепительно лучезарно,— настолько, что ничьё видение не способно представить такого сияния.[234]

Учитывая эту перспективу, бахаи смотрят на катастрофические события нынешней эпохи с надеждой и оптимизмом. Несмотря на то, что, по их мнению, состояние мира будет и дальше ухудшаться, и только потом улучшится, их взор устремлён в светлое будущее. Они стремятся к золотой середине,— не слишком эмоционально реагировать на неопределённые опасности, ожидающие всех нас впереди, но при этом и не игнорировать их. Нижеследующее письмо, написанное от имени Шоги Эффенди бахаи Соединённых Штатов, описывает сбалансированную и конструктивную реакцию на сложившуюся ситуацию:

Он не думает, что бахаи должны попусту тратить время, размышляя о тёмной стороне бытия. Любой разумный человек может понять из опыта последней мировой войны, а также на примере вооружений, разрабатываемых современной наукой для будущей войны, что крупные города по всему миру будут в огромной опасности...

Кроме того, вне какой-либо связи с данной темой, он призывал бахаи, ради служения Вере, покинуть эти центры всепроникающего материализма, где жизнь в наши дни столь тороплива и сумбурна, и разъезжаться по небольшим городкам и сёлам, чтобы донести послание до всех населённых пунктов Американского Союза. Он твёрдо верит... что бахаи в итоге окажутся счастливей, если поступят именно так, и что в случае начала войны они, само собой разумеется, будут там в большей безопасности,— как будет в большей безопасности любой другой человек, живущий в сельской местности или вдалеке от больших промышленных зон.

...Он не видит никаких причин для беспокойства, но он, конечно, считает, что бахаи должны взвесить все «за» и «против» и принять меры для распространения Веры Бахауллы,— а также, в конечном итоге, и для собственного счастья. На самом деле, эти две цели идут рука об руку.[235]

Предназначение Америки

В трудах Веры бахаи утверждается, что Америка призвана сыграть ведущую роль в установлении как политического единства в мире (Малого Мира), так и последующего духовного единства (Величайшего Мира).

Бахаулла в Китаб-и-Агдас обращается к «правителям Америки и президентам республик её», говоря:

Руками справедливости поднимите сломленных и сокрушите благоденствующего угнетателя жезлом заповедей Господа своего, Устроителя, Премудрого.[236]

Абдул-Баха пишет:

Американский континент в глазах единого Бога истинного есть та самая земля, где будут явлены яркие лучи Его света, где раскроются тайны Его Веры, где будут обитать праведные и собираться свободные.[237]

Американский народ,— сказал Он в ходе Своего визита в США,— воистину достоин первым воздвигнуть скинию великого

мира и провозгласить единство человечества... Пусть от своих материальных достижений поднимутся они на такие высоты, чтобы небесный свет устремился из этого центра ко всем народам мира... Эта американская нация обладает силами и средствами исполнить то, что украсит страницы истории, ей будет завидовать весь мир и она будет благословлена и на Востоке, и на Западе благодаря триумфу своего народа... Американский континент выказывает знаки и свидетельства величайшего прогресса. Ещё большие надежды подаёт его будущее, ибо его влияние и свет распространятся очень далеко. Он станет духовным лидером всех народов.[238]

Абдул-Баха сознавал, что Америка никогда не сможет оправдать эти надежды, не преодолев ряд своих серьёзных слабостей. Мы уже видели, например, что Он считал расовые предрассудки угрозой самому существованию Америки. Он придерживался аналогичной точки зрения и на опасности, проистекающие из материализма и морального упадка. Комментируя эти предупреждения и обещания, Шоги Эффенди так пишет об Америке:

Беспрецедентные в исторической перспективе несчастья, которым суждено очистить её общественные институты, удалить скверну из сердец её жителей, сплавить воедино её составные элементы и крепко спаять её в единое целое с родственными народами обоих полушарий, неизбежны.[239]

Бед и несчастий, которые ей угрожают, частично можно избежать,— но в основном они неизбежны и посланы Богом с тем, чтобы её правительство и народ, упорно цепляющиеся за устаревшую доктрину абсолютного суверенитета и отстаивающие политическую систему, явно расходящуюся с потребностями мира, сжавшегося до размеров квартала и отчаянно жаждущего единства, смогли очиститься от анахроничных концепций и готовы были сыграть, как предсказано Абдул-Баха, ключевую роль в воздвижении знамени Малого Мира, в объединении человечества и в создании мирового федерального правительства на этой планете. Эти же самые огненные невзгоды не только прочно спаяют американскую нацию с братскими народами в обоих полушариях, но и, благодаря своему очищающему эффекту, полностью освободят её от всего того шлама, что копился в ней, поколение за

поколением, из-за глубоко укоренившихся расовых предрассудков, безудержного материализма, широко распространившегося безбожия и моральной распущенности,— что и не позволило ей до сих пор принять на себя роль мирового духовного лидера, предсказанную ей безошибочным пером Абдул-Баха,— роль, которую она обязана исполнить, несмотря на все мучения и скорби.[240]

Будущее Веры

Бахаулла и Абдул-Баха предсказали несколько важных событий, касающихся будущего самой Веры бахаи. Среди них два кажутся особенно примечательными:

1. Появление в Персии правителя, который протянет руку помощи бахаи этой страны.

Вера подвергалась жестоким преследованиям на родине Бахауллы с самого момента её зарождения. Сотни бахаи были казнены в Персии после исламской революции 1979 года, и сотни тысяч в настоящее время лишены права на труд, образование, законный брак, пенсии, свободу собраний и прочие основополагающие вещи.

В Китаб-и-Агдас Бахаулла обращается к столице Персии, говоря:

Если будет на то Его воля, Он благословит престол твой, утвердив на нём того, кто будет править справедливо и соберёт воедино Божью паству, рассеянную волками. Сей правитель с радостью и ликованием обратит лицо своё к народу Баха́ и явит ему своё благоволение.[241]

Шоги Эффенди говорит в своём резюме пророчеств бахаи:

Государь, который, как предвосхищено в Наисвятой Книге Бахауллы, должен украсить престол Его родной страны и осенить своей царственной защитой Его от века угнетаемых последователей, пока ещё так и не явлен.[242]

2. Будущий рост Веры бахаи и оппозиция, с которой она столкнётся в результате этого роста.

Священные писания бахаи прогнозируют значительный численный рост Веры в будущем. Приток новых верующих из тонкой струйки превратится в устойчивый поток, а затем достигнет, во многих странах, и стадии массового обращения. Каждый, кто следил за историей этого движения, не может не заметить начало этого процесса в Индии, Африке, Южной Америке, странах Карибского бассейна и в других регионах мира. Бахаи, однако, считают эти победы всего лишь первыми ласточками массового принятия Веры, обещанного в их Писаниях.

В Писаниях также указывается, что расширение и укрепление Веры в конечном итоге вызовет сильную оппозицию «на Западе, в Индии и на Дальнем Востоке».[243] По словам Шоги Эффенди, пророчества Абдул-Баха «предвещают переполох, который освобождение [веры] из оков религиозной ортодоксии вызовет на американском, европейском, азиатском и африканском континенте».[244]

Следует отметить, что бахаи не стараются спровоцировать оппозицию и всячески воздерживаются от споров. Везде, где они живут, они ведут себя как законопослушные граждане, верные своим правительствам; они строго избегают ввязываться в политику и всячески стараются поддерживать тёплые отношения со всеми религиями и прогрессивными общественными движениями. Ни по внешнему виду, ни скрытым образом они не представляют никакой угрозы для благополучия окружающих. Однако притязания веры бахаи поистине монументальны, её законы и принципы бросают нынешнему обществу серьёзный вызов, а социальные изменения, которых она пытается добиться, будут иметь глубокие и далеко идущие последствия. Вполне вероятно, что всё это может возбудить опасения, а порой и сопротивление с разных сторон.

Бахаи уверены, что оппозиция не нанесёт вреда долгосрочным интересам их дела. Скорее, они полагают, что такая оппозиция привлечёт большее внимание общественности к обсуждению Веры, приведёт к более ясному пониманию её притязаний и целей и, в конечном итоге, развеет те самые опасения, что спровоцируют первоначальное сопротивление ей.

Некоторые заключительные соображения

Как было сказано в самом начале этой главы, в некотором отношении её следует считать отступлением от основной темы данной книги — сбора свидетельств в пользу истинности притязаний Бахауллы. Здесь перечислены

пророчества, по которым история ещё не вынесла своего вердикта. В этом смысле они не могут считаться доказательствами или опровержениями по данной теме — хотя рано или поздно это размежевание должно будет произойти.

Эти прогнозы могут, на первый взгляд, кому-то показаться невероятными. Это, однако, характерно для большинства великих исторических и научных событий,— они почти всегда кажутся маловероятными или даже невозможными, пока не станут реальностью; только впоследствии они предстают перед нами как шаги в единой логической последовательности. Десятки уже исполнившихся пророчеств бахаи казались столь же поразительными в тот момент, когда они были впервые произнесены.

Очевидно также и то, что хотя ни одно из этих оставшихся пророчеств не реализовалось полностью, некоторые из них уже исполнились частично, а новые события, случающиеся ежедневно, движутся в нужном направлении. Недавнее окончание холодной войны и поразительный прогресс, наблюдаемый в настоящее время в плане приближения к «единым свободам», сметают вековые барьеры на пути мира во всём мире и объединения всей планеты,— барьеры, которые только вчера казались непреодолимыми. Но одно дело — снести барьеры на пути к миру, и совсем другое — фактически перейти к нему. До тех пор пока великие державы не начнут диалог, направленный на создание всемирной федерации, «анархия, присущая государственному суверенитету», по словам Шоги Эффенди, будет «приближаться к своей кульминации».[245]

Факт остаётся фактом: уверенное заявление Абдул-Баха, сделанное более 90 лет назад (и это были удивительно грозные и беспокойные годы), сегодня звучит ещё вернее, чем когда-либо ранее:

...Всё, что было записано в Скрижалях к царям, исполняется: если мы сравним события, произошедшие с 1870 г. от Р. Х., мы обнаружим: всё, что произошло, случилось именно так, как было предсказано; остаётся совсем немного того, что будет явлено позже.[246]

Глава 7

ПРЕДМЕТ ВСЯКОГО ЗНАНИЯ

Мы определили, о люди, что высшая и конечная цель обретения всякой учёности,— принятие Того, Кто есть Предмет всякого знания; и всё же смотрите, вы допустили, дабы ваша учёность отделила вас, будто завесой, от Того, Кто есть Утренняя Заря сего Света...

— Бахаулла

Знание есть свет, изливаемый Богом в сердце всякого, кого Он изберёт.

— Мухаммад

Рассмотренные нами исторические прогнозы и научные открытия действительно могут помочь нам решить, обладал ли Бахаулла некими знаниями, которые Он никак не мог получить обычным путём. Однако есть и другие способы проверить всеохватность и глубину Его знания. Эти способы — как и те, что мы уже изучили,— напрямую касаются более широкого вопроса о Его личности и подлинности Его утверждения о том, что Он есть носитель Божественного послания.

Термин «Богоявление», широко использовавшийся Бахауллой, очевидно, означает нечто гораздо большее, чем только лишь вдохновлённого свыше предсказателя грядущих событий. Помимо всего прочего, это также и всемирный Просветитель, несущий нам, под Божиим руководством, духовные и социальные принципы новой цивилизации и наделённый «ниспосланными свыше силами, необходимыми для их воплощения».[247] Как часто замечал Абдул-Баха, доказательство истинного педагога заключается не в чудотворчестве, но в его умении воспитывать людей. Учение Богоявления должно не просто предвосхищать потребности новой эпохи,— оно должно способствовать её наступлению. Да, это требует знаний о будущем,— но это требует также и огромного количества знаний совершенно другого рода.

Кроме того, Бахаулла указывает, что знания, которыми обладает Богоявление, должны быть врождёнными. Будучи божественным даром, эти зна-

ния присущи самой Его природе, они интуитивны и никак не могут быть приобретены путём учёбы или размышлений. Доказав, что чьё-то знание есть продукт обычного процесса обучения, мы автоматически докажем, что этот человек не может претендовать на статус Богоявления,— по крайней мере, в том смысле, как это понимают бахаи. При этом не важно, насколько блестящим умом обладает этот человек или насколько он начитан.

Эти соображения открывают перед нами несколько перспективных направлений исследования. Насколько обширными были знания Бахауллы? Ходил ли Он в школу и участвовал ли в научных исследованиях? Насколько сильно Его идеи расходились с общепринятыми представлениями того времени? Имелись ли у Него навыки или способности, которые невозможно было приобрести с помощью обучения? И самое главное: было ли Его знание действительно достаточно полным, чтобы соответствовать принятой Им на Себя миссии основателя новой, более прогрессивной цивилизации?

Ответы на эти вопросы должны пролить достаточно яркий свет на проблему подлинности Откровения Бахауллы. Если они будут согласовываться с Его притязаниями, правдоподобность заявлений Бахауллы значительно укрепитя. Конечно, в данном вопросе трудно избежать субъективизма, и вполне вероятно, что одинаково разумные люди сделают здесь разные выводы. Тем не менее, факты жизни Бахауллы достаточно хорошо задокументированы, и любой серьёзный исследователь этой темы найдёт, на что опереться. Те, кто хочет оценить истинность Откровения Бахаи, согласятся, что эти вопросы имеют прямое отношение к нашему центральному вопросу:

Кем был Бахаулла?

Происхождение Бахауллы

Персия, родина Бахауллы, знаменита своей богатой культурой и поразительными контрастами. Иран — остаток древней цивилизации, которая на пике своего развития контролировала почти весь известный тогда цивилизованный мир. В ветхозаветные дни зороастрийская Персия представляла собой империю, простирающуюся от «внутренних областей Индии и Китая до самых отдалённых уголков Йемена и Эфиопии».[248] За свою долгую и славную историю Персия породила таких царей, как Кир и Дарий, таких поэтов, как Хафиз, Руми, Саади и Омар Хайям; а также бесчисленных ремесленников, поражавших мир непревзойдёнными коврами, булатными клинками, фарфором и другими изделиями. *«Эта прекраснейшая из земель,— пишет Абдул-Баха,— была когда-то светочем, источавшим лучи Боже-*

ственного знания, науки и искусства, благородства и высоких достижений, мудрости и доблести».[249]

Однако к XVIII и XIX веку Персия погрузилась в состояние отсталости и упадка. По словам сэра Валентина Чирола, она превратилась в «страну, поражённую гангреной коррупции и атрофией безразличия».[250] Народ Персии — богатые и бедные, учёные и неграмотные, — с головой погрузились в суеверия и фанатизм. Феодалное самодержавие железной рукой контролировало послушное и апатичное население. Как правители, так и население были безвольными марионетками мусульманского духовенства, обладавшего огромной политической властью. Духовенство же развлекалось тем, что периодически вгоняло свою паству в состояние эмоционального иступления с целью получить с этого некие экономические или психологические дивиденды. Женщины считались почти что скотом, иностранцы и религиозные меньшинства — проклятыми язычниками, а любые либеральные идеи автоматически объявлялись сатанинскими. Преступников замучивали до смерти в ходе карнаваловых шествий, — причём ярлык «преступника» легко навешивался на любого, кому не повезло вызвать недовольство местного муллы или губернатора. Взятничество стало незаменимой смазкой для любого бизнеса или взаимодействия с государственными органами.

Таково было окружение Бахауллы в годы Его детства и юношества. Это была единственная среда, которую Он видел до вступления на поприще Своего пророческого служения. Удушающая атмосфера этих мрачных обычаев пронизывала все стороны жизни, включая образование. Большинство персов было совершенно необразованно, — и даже высшие классы, куда входила аристократия, правительственные чиновники и богатые купцы, редко стремились к чему-то иному, кроме базовой грамотности. Мальчики из привилегированных семей обычно занимались несколько лет дома, обучаясь чтению и письму, уделяя особое внимание Корану, персидской религиозной поэзии и орнаментированной каллиграфии. Несмотря на определённую художественную направленность, такая подготовка была рудиментарной. Гораздо большее значение придавалось стрельбе, фехтованию, верховой езде и другим физическим упражнениям. Формальное образование, за редким исключением, было прерогативой профессионального духовенства, представители которого почитались всеми как назначенные свыше хранители знаний. Эти люди яростно защищали свой элитный статус, взирая и на аристократию, и на крестьян как на низших существ, непригодных к высшему образованию.

Бахаулла, будучи сыном видного правительственного чиновника, получил такое же поверхностное образование, что и остальные люди Его круга. По меркам Своей страны Он был грамотным человеком, но не интеллектуалом. Он никогда не посещал школу и не посвящал себя учёным занятиям. Отсутствие академической подготовки вскоре вызвало удивлённые комментарии в Его адрес, поскольку Он приобрёл репутацию человека исключительно знающего и проницательного. Ещё в юности он неоднократно поражал богословов, разгадывая тайны, которые никак не поддавались даже их коллективному мозговому штурму. Как до, так и после обретения известности в качестве главы движения бахаи, Его эрудиция вызвала искреннее восхищение среди выдающихся учёных и литераторов по всему Ближнему Востоку, — в том числе и тех, кто не считал Его вдохновлённым свыше учителем. Эксперты в различных областях обращались к Нему за помощью в решении проблем по своей специальности; и даже Его враги имели обыкновение называть Его «досточтимый Бахаулла». Его пространственные письма, обращённые к представителям самых разных этнических и религиозных слоёв общества, показывают близкое знакомство с многочисленными религиозными, историческими и литературными традициями этих социумов.

Столь высокая репутация необразованного человека, приобретённая Им среди передовых учёных и богословов Его времени, безусловно, не имеет прецедентов в истории. Удивительный пример цитируется в книге «Бог проходит рядом» («*God Passes By*») — истории Веры бахаи, принадлежащей перу Шоги Эффенди. Вскоре после Своего изгнания в Ирак Бахаулла, по ряду причин, вынужден был инкогнито отправиться на два года в дикие горы Курдистана. Это случилось почти за десять лет до официального провозглашения Им Своей миссии — то есть, интеллигенция того региона в то время ничего не знала о Нём. Некоторое время он жил в пещере на горе Сар-Галу. Вскоре, однако, он встретился с главой знаменитой семинарии* в расположенном неподалёку городке Сулаймāнийе. Тот, испытывая симпатию к Бахаулле, уговорил Его переехать в город и поселиться в келье, принадлежащей семинарии. В результате Бахаулла стал тесно общаться с тремя выдающимися светочами суннитского Ислама — и они, несмотря на занимаемое ими высокое положение, быстро стали Его преданными поклонниками и без стеснения признали Его превосходство над ними. Это были шайх ‘Усмāн, лидер ордена Нақшбандиййе, среди приверженцев которого числился сам султан и его двор; шайх ‘Абд ар-Рахмāн, лидер ордена Қадириййе, насчитывавшего не менее ста тысяч набожных и преданных последователей; а также шайх Исмā‘ил, ректор семинарии и лидер ордена

* Семинария называлась Такий-и Маулāнā Халид.

Халидийе — человек столь почитаемый, что его сторонники считали его равным самому Халиду, легендарному основателю ордена. Шогги Эффенди так описывает последовательность произошедших событий:

Когда Бахаулла прибыл в Сулайманийе, поначалу никто не подозревал, что Он обладает какими-то знаниями или мудростью, ибо Он хранил молчание и воздерживался от любых бесед. И только случайно, благодаря тому, что один из семинаристов, прислуживавших Ему, показал им образец Его изысканной каллиграфии, профессора и студенты этой семинарии проявили любопытство и решили проверить глубину Его познаний и степень его знакомства с искусствами и науками, что они изучали. Это учебное заведение было известно своими обширными владениями, многочисленными «такйе» [религиозными филиалами] и связями с Салāх ад-Дīном-и-Аййубī и его потомками; из него вышли одни из самых прославленных представителей суннитского Ислама, заложившие основы его учения. И вот теперь делегация во главе с самим шайхом Исмаїлом, состоящая из наиболее выдающихся богословов и самых успешных семинаристов, решила отправиться к Бахаулле. Обнаружив, что Он готов ответить на любые вопросы, которые им хотелось бы задать, они попросили Его прояснить для них, в ходе нескольких бесед, некоторые особо сложные отрывки из Футухāt-и Маккиййе, выдающейся работы знаменитого шайха Мухй ад-Дīна-и-‘Арабī. «Бог Мне свидетель,— немедленно ответил Бахаулла этой учёной делегации,— что Я никогда не видел книгу, на которую вы ссылаетесь. Однако Я верую, что легко смогу исполнить всё, о чём вы Меня просите, благодаря силе Божией...» Попросив одного из них читать Ему каждый день вслух одну страницу из этой книги, Он смог пролить свет на эти тёмные места в столь изумительной манере, что они все преисполнились глубочайшего восхищения. Не довольствуясь просто разъяснением неясных отрывков из текста, Он также истолковал для них замысел её автора, изложил его воззрения и истолковал его намерения. Порой Он заходил настолько далеко, что ставил под сомнение обоснованность некоторых идей, выдвигаемых в этой книге, после чего предлагал верное решение проблем, что были ранее поняты неправильно, и поддерживал эти утверждения такими доказательствами и свидетельствами, которые были непререкаемо убедительными для Его слушателей.[251]

Шоги Эффенди добавляет:

...Всё большее число улемов, богословов, шейхов, профессоров, священников и принцев, что собирались в семинариях в Сулайманийе и в Каркюке, начинали ходить по пятам за [Бахауллой]. В Своих многочисленных беседах и посланиях Он раскрывал перед ними новые перспективы, отвечал на вопросы, волновавшие их умы, раскрывал внутренний смысл многих тёмных и неясных им мест в трудах различных комментаторов, поэтов и богословов, и примирял, казалось бы, несовместимые утверждения, коими изобиловали эти диссертации, стихи и трактаты. Такое почтение и уважение питали они к Нему, что некоторые считали Его одним из «Людей Незримого», другие — магистром алхимии и гадания, третьи называли Его «Стержнем Вселенной», тогда как некоторая, довольно значительная часть Его поклонников даже уверовала, что Он занимает положение, по меньшей мере, пророка. Те, кому довелось познакомиться с Ним, — курды, арабы и персы, учёные и неграмотные, люди и высокого, и низкого положения, равно молодые и старые, — относились к Нему с тем же почтением, а многие — и с искренней и глубокой любовью... Неудивительно, что Сам Бахаулла, в Лаух-и Марйам, назвал период Своего пребывания [в Сулайманийе] «могущественнейшим свидетельством» и «совершеннейшим и убедительнейшим доказательством» истинности Своего Откровения.[252]

Такое впечатление производил Бахаулла на Своих самых прославленных современников. Мы не можем, конечно, просто слепо полагаться на их суждения, — не более, чем мы готовы опираться на мнения тех, кто осудил Его как бунтаря и безумца. К счастью, большинство оригинальных сочинений Бахауллы было сохранено для потомков; довольно репрезентативная выборка из них была переведена на английский и многие другие языки; наконец, постоянно появляются новые переводы. Бахаулла не ограничивал тематику Своих произведений такими привычными «религиозными» темами, как метафизика и личностный рост. Он раскрывал также ниспосланные свыше принципы, регулирующие вопросы права, международных отношений, контроля над вооружениями, политического управления, детского и взрослого образования, групповой динамики, экономики, здоровья, психологии, медицины и науки, — и это далеко не полный список. Эти произведения, наряду с большим и постоянно растущим объёмом опирающейся на них научной литературы, позволяют любому вдумчивому читателю доволь-

но легко и объективно оценить вклад, сделанный Бахауллой. Многие уважаемые люди, изучающие эти темы профессионально и при этом не считающие себя бахаи, весьма высоко отзывались о Его работах, выказывая восхищение не меньшее, чем Его поклонники в XIX веке.

Впечатляющая эрудиция — не обязательно признак Божественного вдохновения. Мы не считаем таких людей, как Аристотель, Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон или Альберт Эйнштейн носителями небесных истин. Мы можем, изучая их жизнь, проследить постепенное приобретение ими знаний на протяжении многих лет обучения и научных исследований. Западные люди часто подходят к изучению жизни Бахауллы с аналогичными идеями — они думают, что Его феномен можно объяснить таким же образом — что Он обладал блестящим и творческим умом, расцветшим под благотворным влиянием космополитического окружения, высокого уровня образования и контакта с другими столь же одарёнными людьми.

Его блестящие творческие достижения, конечно же, не вызывают сомнений; но все остальные части этого объяснения страшно далеки от реальности. Бахаулла рос в атмосфере самых дичайших предрассудков, фанатизма, суеверий и невежества. Скромное образование, которое Он получил, никак не могло противодействовать пагубному влиянию того воспитания, что Он получил, или объяснить Его феноменальные знания и уникальное видение будущего. Мы можем, — а на самом деле, и должны, — сделать вывод, что Он поднялся над ограничениями Своей среды. Мы не можем заявить, что Его достижения были закономерны.

Признав этот факт, мы можем заподозрить, что Бахаулла был просто самоучкой-вундеркиндом. Живя в XX веке на Западе, мы привыкли считать, что любой достаточно мотивированный человек может получить образование путём активного чтения книг. Однако в Персии XIX века всё было не так просто. С самой ранней юности Бахаулла был публичной и весьма заметной фигурой, и в то время для человека Его положения было бы невозможно получить высшее образование. Публичных библиотек тогда не существовало. Книги — в основном рукописные — были редки и непомерно дороги. Научные библиотеки имелись исключительно в мусульманских богословских университетах, и духовенство за ними ревниво присматривало. Муллы грудью встали бы против «низшего существа», которое замыслило вторгнуться в их святая святых. Бахаулла, возможно, мог бы найти способ получить доступ к университетской библиотеке или, потратив значительную часть семейного состояния, собрать полезную частную коллекцию книг. Но Он не смог бы осуществить ни того, ни другого втайне, а уж тем более не смог бы посвятить несколько лет своей жизни таким исследованиям, не

привлекая всеобщего внимания. Столь наглое пренебрежение вековыми устоями персидского общества вызвало бы у многих искреннее недоумение, а среди немалого числа Его соотечественников — и глубокое возмущение.

Тот факт, что Бахаулла не делал ничего из вышеперечисленного, безусловно признавался как Его сторонниками, так и Его заклятыми врагами. Когда Он заявил о Своём положении Богоявления, Его противники возразили (совершенно упуская при этом суть происходящего), что у Него полностью отсутствует высшее образование. Многие сочли невозможным поверить, что Бог способен выбрать в качестве Своего орудия человека, не имеющего богословской степени. Бахаулла без стеснения признал справедливость этих заявлений:

Не забывайте страха Божиего, о вы, учёные люди мира, и судите справедливо о Деле Неграмотного сего... Некоторые люди, как из простого сословия, так и из благородных, ставили в вину сему Гонимому то, что Он не принадлежит к духовенству или к потомкам Пророка. Скажи: О вы, притязающие на справедливость! Поразмыслив немного, вы признаете, сколь бесконечно возвышенно Его нынешнее положение над тем, кое Он, по вашему утверждению, должен занимать. Воля Вседержителя предопределила, что Дело Его будет исходить и явится из дома, полностью лишённого всего, чем обычно владеют богословы, законоведы, мудрецы и учёные.[255]

В Своей Скрижали к шаху Он говорит:

...Дуновения Всеславного овеяли Меня и наполнили Меня знанием обо всём, что было... Наук, бытующих среди людей, Я не изучал; школ их не посещал. Расспроси о сём в городе, где Я жил, дабы удостовериться, что Я не из тех, кто говорит ложно.[254]

Тем не менее, факт — это одно, а его интерпретация — совсем другое. Вряд ли приходится сомневаться, что Бахаулла был «неграмотным» (как Он Сам и Его хулители настаивали). Однако скептик вполне может задаться вопросом, а не было ли преувеличено это Его якобы врождённое знание? Мы можем придумать массу сложных сценариев, объясняющих, как именно Бахаулла мог бы пройти необходимую подготовку втайне. Сколь бы необоснованными или надуманными ни были такие сценарии, многие люди, по понятным причинам, найдут их более правдоподобными, чем мысль о

Божественном Откровении. Поэтому было бы полезно определить, какие именно особенности знаний Бахауллы ни при каком раскладе нельзя будет посчитать выдумкой или объяснить результатами тайного обучения.

Оказывается, несколько именно таких особенностей действительно существует. Одну из них мы уже изучили в деталях, а именно,— наличие в трудах Бахауллы множества смелых и при этом точных предсказаний. Однако есть, по крайней мере, ещё три фактора, которые, учитывая Его ситуацию, обрекают на неудачу любые усилия объяснить Его знания обычными возможностями человеческого обучения. Это:

- 1) прозорливость Бахауллы в отношении социальных принципов грядущего общества;
- 2) Его феноменальное владение арабским языком;
- 3) скорость и спонтанность, с которыми Он сочинял Свои произведения.

Давайте рассмотрим каждый из этих факторов более внимательно.

Прозорливость

Качество, которое я называю «прозорливостью», относится к тому факту, что учение Бахауллы значительно опередило своё время. Через сто лет после Его кончины — сто лет, в течение которых мир изменился больше, чем за всю свою предыдущую историю,— Его труды остаются поразительно современными по настрою, мировоззрению и сути излагаемых предметов; пожалуй, они становятся даже более современными с каждым годом. Изменение это происходит, конечно, не в Его Писаниях, а в самом мире, который развивается таким образом, что Его учение становится всё более злободневным.

Бахаулла писал не только о мире, в котором Он жил. Он также писал, причём с исключительной проницательностью, о мире, в котором мы живём сегодня,— о глобальной деревне, вступающей в XXI век. Именно Он дал человечеству первый всеобъемлющий перечень принципов, которые ныне считаются неотъемлемыми условиями социального прогресса. Его предложения определили повестку дня всех великих потрясений и революций, бушевавших с тех пор.

Результат этого эволюционного процесса был описан Джорджем Тауншендом в следующих словах:

Гуманитарные и духовные принципы, провозглашённые Бахауллой на мрачном Востоке десятки лет назад и объединённые Им в цельную систему, один за другим признаются миром, не подозревающим, откуда они исходят, но считающим их признаками прогрессивной цивилизации.[255]

Комментируя этот феномен, он пишет:

Постепенно спадают завесы, скрывающие от нас будущее. В каком бы направлении ни обратил свои взоры вдумчивый человек, он везде увидит перед собой некую путеводную истину, некий руководящий принцип, данный Бахауллой более века назад и людьми в то время отвергнутый.[256]

Это постепенное (и в значительной степени бессознательное) усвоение идеалов бахаи и принятие их в качестве символов просвещённой современности стало, пожалуй, самой яркой тенденцией XX века. Примеров тому множество. Особенно показательным можно считать событие, произошедшее в апреле 1963 года,— в тот самый месяц, когда бахаи отмечали столетие со дня официального объявления Бахауллой о Своей миссии.

В этом самом месяце Папа Иоанн XXIII выпустил своё очередное папское послание, энциклику *Pacem in Terris* («Мир на Земле»). Этот блестящий документ, представляющий собой обзор необходимых условий для мира и прогресса в грядущие десятилетия, удостоился во всём мире хвалебных отзывов со стороны как представителей католической общины, так и некатоликов.

Папа Иоанн не утверждал, что какие-либо из этих пунктов новы и оригинальны. Он представил их просто как слияние и синтез всего самого передового в современной мысли, упаковав их в единый пакет для того, чтобы привлечь к ним самое пристальное внимание общественности. Вот эти принципы:

- 1) создание мирового сообщества;
- 2) самостоятельный поиск истины;
- 3) всеобщее образование;
- 4) равенство мужчин и женщин;
- 5) искоренение предрассудков;
- 6) признание единства Бога;
- 7) примирение науки и религии;

- 8) всемирное разоружение;
- 9) духовный подход к решению экономических проблем;
- 10) лояльность к власти.

Также в этом документе прозвучало предупреждение об опасности атомной энергии.[257]

Каждый из этих пунктов был постоянной темой, вновь и вновь поднимавшейся Бахауллой в Его сочинениях.* За исключением предупреждения насчёт атомной энергии (сделанного позже, ок. 1890 г.), все эти положения стали основными пунктами мирной программы, составленной Им в конце 1860-х — начале 1870-х, которую Он тогда же попытался довести до сведения мировых лидеров (в том числе и Папы Пия IX). Бахаулла, в отличие от Папы Иоанна, дал подробные указания насчёт того, как перевести эти вопросы из области теории в практику.

К тому времени, когда Папа обнарудовал свои принципы, они уже были хорошо знакомы просвещённым людям во всём мире. Бахаулла же возвестил их в то время, когда они были в значительной степени неизвестны ни лидерам мысли, ни, тем более, широкой общественности; их осуществимость не была в то время проверена ни в одной части света, а взаимная связь между ними, делающая из них единую систему предпосылок мирного сосуществования, никем не была осознана.

Бахаи может, конечно, истолковать прогрессивность воззрений Бахауллы как просто ещё один аспект Его способности видеть будущее,— способности, подтверждённой тем обзором пророчеств, что мы сделали в предыдущих главах. Тем не менее, я решил не обсуждать его под этим заголовком,— мне кажется, здесь присутствует нечто гораздо большее, чем просто предсказательная сила. Мы можем легко представить себе экстрасенса, умеющего предсказывать будущее с высокой точностью (вплоть до, скажем, колебаний фондового рынка), но при этом неспособного дать нам ничего

* Не существует какого-то неизменного и официального списка принципов бахаи. Писания Бахауллы редко содержат описательные заголовки; при этом они охватывают тысячи разных тем и не поддаются прямолинейной категоризации. Однако, стремясь передать дух Его учения, писатели бахаи обычно перечисляют от 8 до 12 идей, в зависимости от контекста меняя формулировки или смещая акценты. В «*Rasem in Terris*» отсутствуют два важных принципа бахаи — фундаментальное единство всех религий и принятие единого вспомогательного языка. Во всём остальном его основные положения почти в точности повторяют все эти давно знакомые нам принципы, описанные в сотнях буклетов бахаи, публиковавшихся с самого момента основания Веры.

по-настоящему ценного в духовном или социальном плане. Бахаулла определённо представлял Собой фигуру куда более масштабную. Именно выполненный Им анализ политических вопросов, а не просто предсказание или констатация фактов, убедительно демонстрирует Его прозорливость и понимание Им современных реалий.

Как бы мы ни толковали Его прогрессивные взгляды, уже сама их природа ясно указывает на то, что Он обладал знаниями, далеко выходящими за рамки всего, что Он мог теоретически узнать из любого доступного Ему курса обучения. Вряд ли можно серьёзно утверждать, что Бахаулла «просто» имел необычный дар экстраполировать на будущее имеющиеся тенденции развития мира. Современные социологи считают абсолютно невозможным спроецировать в будущее текущие социальные тенденции больше, чем на несколько ближайших лет,— даже с помощью самых современных научно-технических библиотек, электронных банков данных, компьютерного моделирования и т.п. До сих пор все попытки научного прогнозирования социальных изменений кончались полным провалом.

Даже если мы предположим, что Бахаулле как-то удалось преуспеть там, где бессильна сегодняшняя наука, такой подвиг потребовал бы анализа экстраординарного количества сырых исходных данных. Необходимая информация для столь обширной аналитической работы, конечно, никак не могла быть получена из ближневосточной литературы XIX века. Вопрос о том, можно ли было собрать такую информацию на Западе, интересен, но представляет чисто академический интерес: у Бахауллы не было доступа к западной литературе и Он не имел никаких контактов с западными учёными (за исключением одного короткого визита известного английского востоковеда в последние дни Его жизни).

Мы также должны помнить, что XIX век дал нам много выдающихся интеллектуалов и провидцев, которые учились в лучших университетах, работали в лучших библиотеках и обменивались друг с другом идеями и знаниями. Ни один из этих мыслителей, ни на Востоке, ни на Западе, даже близко не подошёл к видению Бахауллы. Только Он один, не имея ни одного из этих преимуществ, оставил нам письменное наследие, отлично выдержавшее испытание временем,— единственные произведения того периода, которые каждый год становятся только более и более актуальными в отношении мировых событий. Вы не найдёте в них тех признаков узости мышления, тех наивных заблуждений и грубых предрассудков, от которых так страдала общественная мысль того времени. Эти соображения побуждают нас серьёзно взвесить собственное объяснение этого феномена, данное Ба-

хаулла: *«Сие не от Меня, но от Того, Кто есть Всемогущий, Всезнающий»*. [258]

Мастерское владение арабским языком

Понимание Бахауллы проблем и обстоятельств грядущего века, несомненно, впечатляет. Однако как доказательство богодухновенного знания такое понимание, по общему признанию, может иметь лишь косвенное значение. В конце концов, мы всегда можем считать это просто серией фантастически удачных догадок. Можем ли мы указать какую-то конкретную, сугубо профессиональную совокупность знаний, которую Бахаулла явно освоил без изучения, и чтобы при этом нельзя было бы вывести эти знания просто путём гениальных логических умозаключений?

Далеко ходить в этих поисках нам не придётся — это арабский литературный язык. Абдул-Баха, обсуждая доказательства богодухновенности Бахауллы, упоминает Его виртуозное владение арабским как яркий пример врождённого знания:

Бахаулла никогда не изучал арабский язык; у Него не было наставника или учителя, и Он не ходил в школу. Тем не менее, красноречие и изящество Его благословенных выступлений на арабском, а также Его произведения на арабском языке, вызывали изумление у самых опытных знатоков арабского, и все признавали и соглашались, что Он владеет им непревзойдённо. [259]

Этот момент заслуживает тщательного рассмотрения. Одна из первых вещей, которую узнаёт человек, начинающий изучение Веры бахаи,— это что Бахаулла писал как на персидском, так и на арабском языках. Этот факт, сам по себе, едва ли покажется удивительным: миллионы людей владеют двумя языками, как обучившись этому, так и благодаря влиянию среды. Для западного человека естественно считать, что персидский и арабский, наверное, похожи друг на друга и широко используются соотечественниками Бахауллы, а значит, Он, вероятно, овладел этими языками ещё в детстве. Такое предположение, однако, оказывается ошибочным в двух ключевых аспектах.

Во-первых, персидский и арабский не особенно похожи друг на друга. Они имеют схожие алфавиты, это правда (хотя в персидском имеется четыре дополнительных буквы), и оказали друг на друга некоторое взаимное влияние. Это отчасти обязано тому факту, что на них говорят в соседних

странах. Более фундаментальная причина в том, что Ислам, преобладающая религия Персии, почитает священной книгой Коран, который был когда-то явлен именно на арабском языке. Но различия между ними кардинальны, и намного перевешивают любое внешнее сходство.

Во-первых, эти два языка даже не принадлежат к одной языковой семье: арабский язык относится к семитской группе, а персидский — к индоевропейской.

Во-вторых, арабский не очень широко используется в Персии, и мало кто на нём говорит; не говорили на нём и во времена Бахауллы. Ни дворянство, ни крестьянство, как правило, совершенно не знали этого языка. Единственными, для кого знание арабского языка считалось важным, были исламские священнослужители, которые использовали его в своих богословских штудиях Корана. Эти мусульманские богословы трудились в течение многих лет, чтобы освоить тонкости арабской грамматики и терминологии, а также его богатейшие литературные традиции. Большинство из них не считало достойным своего внимания никакое произведение, если только оно не было написано на арабском языке; и они имели обыкновение приправлять свои проповеди и выступления сложными арабскими выражениями, едва ли постижимыми для их паствы.

Конечно, можно приобрести практическое знание разговорного арабского языка, просто общаясь с людьми, которые говорят на нём. Именно так все дети учатся родному языку. Но у арабского языка есть одна особенность, которая приобретает чрезвычайную важность в связи с темой нашего исследования. «В арабском языке,— объясняет Филипп К. Хитти (Phillip K. Hitti),— следует проводить различие между письменной, или классической формой, и разговорным языком».[260] Разговорный арабский язык существует в форме множества местных диалектов или наречий, используемых в повседневной жизни, однако эти его формы редко фиксируются письменно. Все они весьма отличаются друг от друга. В отличие от них письменный арабский (также известный как «стандартный» или «официальный» арабский язык) одинаков во всём арабговорящем мире. Поэтому именно он используется в литературе и технической документации, а также в дипломатической переписке. Он, однако, заметно отличается от любого устного наречия по своему лексикону, грамматике, синтаксису и стилистическим требованиям.*

* Хотя она устная форма классического арабского языка редко используется при личном общении, её применяют на некоторых официальных мероприятиях, а

Проще говоря, письменный и разговорный арабский отличаются достаточно, чтобы для всех практических целей их можно было считать двумя различными языками.

Это радикальное различие между письменной и устной речью имеет такие следствия, которые могут показаться странными человеку англоязычному. Значительная часть арабской художественной литературы, например, производит впечатление текста, написанного на двух языках,— классическом для повествования и местном наречии для диалогов. В некоторых книгах классическая форма языка используется по всему тексту, так что диалоги полностью утрачивают сходство с реальной речью; есть и такие книги, где автор использует только народный диалект. Мы привыкли к тому, что любой, кто хорошо говорит по-английски и знает орфографию в достаточной мере для того, чтобы записать всё это слово в слово, будет также и писать на превосходном английском языке. На самом деле, лучший совет, который преподаватель английского может дать ученику, это «говорите правильно, и пишите так, как говорите». Но это был бы ужасный совет для того, кто изучает арабский! Можно научиться разговаривать на арабском бегло или даже красноречиво и копировать свою речь на бумагу дословно. Тем не менее, это ни в малейшей мере не поможет такому человеку писать по-арабски правильно или хотя бы просто вразумительно. Такой человек будет, с любой практической точки зрения, выглядеть совершенно неграмотным.

Чтобы научиться писать по-арабски приемлемо — не блестяще, а просто приемлемо,— потребуются годы дисциплинированного обучения. А. Ф. Л. Бистон (A.F.L. Beeston), автор книги «Арабский язык сегодня», категорически утверждает, что классический арабский, используемый на письме и в официальной речи, «должен изучаться в школе».[261] Правила и обычаи арабского языка весьма тонки, сложны и произвольны. Эти знания приобретаются только путём кропотливой зубрёжки; и здесь совершенно необходима хорошо структурированная программа обучения, которую следует проходить под руководством компетентного преподавателя. Человек, освоивший такую программу, овладеет базовой грамотой.

На порядок сложнее специализированный литературный арабский, который используется в мусульманских богословских трактатах. «На таком уровне знают арабский язык,— говорит «Энциклопедия Кольера»,— только высокообразованные люди».[262] Эта форма языка настолько трудна, что её правильное использование недоступно никому, кроме наиболее опытных

сегодня всё чаще её можно услышать и на арабском радио. Радио, конечно, не существовало во времена Бахауллы.

экспертов. Арабоязычные учёные, с детства знакомые с богатством и красотой этого языка, погружённые в его культуру и традиции, до конца своей жизни шлифуют свой профессионализм во владении им и открывают всё новые и новые глубины его неисчерпаемой сокровищницы.

Бахаулла, как было сказано выше, не имел никакой подготовки в арабском языке и никакого опыта, который помог бы Ему освоить используемые в нём сложные литературные правила. Тем не менее, начиная с самых первых дней Его сорокалетнего пророческого служения, Он писал попеременно на персидском и арабском языках, доказывая, что одинаково хорошо владеет ими обоими. Его арабские произведения — некоторые в прозе, другие в стихах,— не имеют себе равных ни с точки зрения литературной красоты, ни виртуозного владения стилем. Хотя Он часто нарушает законы композиции, предпочитая использовать собственный отличительный стиль, Его прекрасное владение устоявшимися шаблонами не вызывает сомнения. Вновь и вновь Он демонстрирует способность писать в любой классической или традиционной форме, строго придерживаясь самых жёстких требований.

Среди многих экспертов, которые дивились Его мастерству владения арабским, были теологи из духовной семинарии в Сулайманийе, которые, как описано выше, устроили Ему самый настоящий экзамен во время Его пребывания в Курдистане. Получив удовлетворительные ответы на свои предварительные вопросы, они решили устроить проверку того, насколько Бахаулла владеет арабским языком. Вот ещё одна цитата из рассказа Шогги Эффенди:

Поражённые глубиной Его мудрости и широтой Его кругозора, они решили добиться от Него такого доказательства Его уникальной силы и знания (уже засвидетельствованного в их глазах), которое они смогли бы считать окончательным и бесповоротным. «Никто из мистиков, мудрецов и учёных,— заявили они, обращаясь к Нему с просьбой об этой дополнительной услуге,— до сих пор не смог написать стихотворение с теми рифмами и в том же размере, что отличают более длинную из двух од, называемых Қасйде-и Тā'иййе, принадлежащих перу Ибн-и-Фāрида [известного египетского поэта]. Мы просим Вас написать для нас стихотворение с тем же размером и рифмами». Эта просьба была удовлетворена, и Бахаулла надиктовал не менее двух тысяч стихов в манере, указанной ими, из которых Он выбрал и позволил им сохранить сто двадцать семь, посчитав тематику остальных преждевременной и не соответствующей потребностям време-

ни. Эти сто двадцать семь стихов и составили Қасйде-и Варқā'иййе, столь хорошо знакомую и часто цитируемую среди Его арабоязычающих последователей.

Такова была их реакция на это чудесное явление прозорливости и гения Бахауллы, что они единогласно признали каждый стих этой поэмы наделённым силой, красотой и мощью, намного превосходящими всё, что содержится как в большой, так и в малой одах, сочинённых этим знаменитым поэтом.[263]

Многие из Писаний Бахауллы, явленные как на персидском, так и на арабском языке, были переведены на английский язык. Читая эти переводы (особенно истинные шедевры Шоги Эффенди) можно получить некоторое представление о возвышенном красноречии и очаровании слога Бахауллы и разнообразии стилей, которыми Он владел. К сожалению, это именно что «некоторое представление», не более того: знатоки утверждают, что оригиналы во всех отношениях несравненно превосходят перевод. Шоги Эффенди описывает один из своих лучших переводов как «ещё одну попытку... хотя и крайне неадекватную... сделать шаг в направлении цели, которую всегда следует рассматривать как недостижимый идеал, — достойное изложение на другом языке непревзойдённых речений Бахауллы». Некоторые из наиболее сложных арабских творений Бахауллы, особенно поэтических, считаются практически неподдающимися переводу. Упомянутая выше Қасйде-и Варқā'иййе — одно из них. Можно перефразировать смысл этих строк; но крайне сложно передать на чужом языке тонкие ритмические нюансы, которые наполняют этот смысл истинными красками. Поэтому те из нас, кто не может читать по-арабски, вынуждены полагаться на заявления знатоков, — так же, как исследователи Библии, если они не понимают по-древнегречески или не читают на иврите, вынуждены получать большую часть своих знаний от учёных, способных изучать рукописи в подлиннике.

Литературный арабский традиционно включает в себя тонкую игру слов, часто с преднамеренным нарушением грамматических правил для достижения желаемого эффекта. Коран, который арабы считают высшим образчиком стилистики, демонстрирует эту технику с неизменным изяществом. Этот приём сложнее, чем может показаться на первый взгляд: любой, кто попытается играть словами, не зная точно, что именно он делает, произведёт на свет языкового уродца, — неуклюжий и, может быть, вообще непонятный текст. В некоторых из Своих работ Бахаулла придерживается стандартов учебника со скрупулёзной точностью, в других же манипулирует

ими или отбрасывает их,— и каждый раз это лишь увеличивает красноречивость Его послания. Например, Его собственные примечания к Қасйде-и Варқа'иййе обращают внимание на пару очевидных отклонений от стандартной грамматики, но убедительно доказывают, что эти обороты в данном контексте полностью правильны.

Несмотря на абсолютно осознанный характер этих лингвистических решений и наличие авторитетных прецедентов, литературные эксперименты Бахауллы иногда становились объектом критики со стороны арабских пуристов. Ирония ситуации в том, что эти же самые пуристы осуждали Абдул-Баха (который выучил арабский под руководством Бахауллы) за противоположную практику — то есть строгое следование правилам грамматики.* Столкнувшись со столь откровенными двойными стандартами, Абдул-Баха воскликнул: «Что же нам делать? Они критикуют нас, если мы совершаем ошибки. Если мы не делаем ошибок, они всё равно критикуют нас!»[265]

Выбор Бахауллой арабского для большинства Своих наиболее важных работ† был уместен по нескольким причинам. Во-первых, арабский традиционно считается в исламских странах (в том числе Персии) «языком Откровения», поскольку он используется в Коране. Во-вторых, сам Коран — книга почти магической красоты, заложившая основы могущественной цивилизации,— почитается в Исламе как литературное чудо, потому что Мухаммад, её Автор, был неграмотен. Бахаулла, конечно, не был неграмотен в арабском; но по человеческим меркам эти знания Ему приобрести было откуда. Повторив это достижение Мухаммада, Он продемонстрировал доказательство, которое на протяжении многих веков провозглашалось Его соотечественниками самым неопровержимым свидетельством чьей-либо пророческой миссии. Наконец, персидские муллы, многие из которых вполне объяснимо выступили против Него, считали арабский язык не переменным отличительным знаком своего выдающегося положения,— знаком, который они полировали неустанно на протяжении всей своей жизни. Когда Бахаулла победил их на их собственном поле, лёгким движением руки превзойдя их высшие достижения, Он не только вызвал смятение в их рядах, но и продемонстрировал абсурдность выдвигаемых ими возражений.

* Почему Он решил это сделать, я могу только догадываться. Моя личная теория — что это был Его способ показать подчинённость собственных Писаний по отношению к Писаниям Его Отца.

† Персидский язык Бахауллы был не менее изысканным и грамотным, чем Его арабский. Этот факт, однако, не столь удивителен, так как персидский был Его родным языком, и, в отличие от арабского, Он хотя бы чуть-чуть изучал его в детстве.

Ураган красноречия

Третий признак сверхчеловеческой природы знаний Бахауллы — это совершенно невероятная скорость и спонтанность процесса «явления» Его Писаний. Перечисляя «зна́мения», указывающие на подлинность пророческой миссии Своего Отца, Абдул-Баха пишет:

И ещё среди знаков Его — чудо Его речей, красота Его слога, скорость, с которой Он являл Свои Писания... Самой жизнью твоей клянусь! Сие ясно как день для всякого, кто воззрит на сие оком справедливости.[266]

Этот феномен,— документально подтверждённый, засвидетельствованный очевидцами и неоднократно описанный в их воспоминаниях,— невозможно адекватно объяснить никаким, даже самым блестящим, образованием. Любой человеческий разум, сколь бы ни был велик его потенциал, неизбежно выказывает свою ограниченность и подверженность ошибкам при определённых обстоятельствах,— если только он не пользуется поддержкой неких высших сил. Любой человек, написавший в своей жизни хоть один связный текст, знает, что приемлемый результат получается только методом проб и ошибок. Безусловно, некоторые авторы чрезвычайно плодовиты; некоторые из них способны работать долгие часы на высокой скорости и производить, большую часть времени, относительно качественный продукт. Но даже для этого талантливой меньшинства серьёзный писательский труд сопряжён с выполнением определённых требований.

Любому писателю необходимо предварительно обдумать и исследовать предмет, каждый иногда испытывает колебания и вынужден возвращаться назад для некоторой полировки и пересмотра готового текста. Любое произведение, написанное без выполнения этих важных условий, будет, в лучшем случае, более или менее шероховатым черновиком. Такая работа, сколь бы прекрасное общее впечатление она ни производила, будет неровной по качеству, будет страдать более или менее очевидными нестыковками и структурными несообразностями, а также общим отсутствием внимания к деталям. Вся история светской литературы показывает, что никакой обычный человек, сочиняя экспромтом, не может создавать совершенно законченные работы в любое время и при любых обстоятельствах. Даже самым талантливым писателям это не под силу.

Теперь давайте рассмотрим Откровение — форму композиции, которая, если она вообще существует, должна по определению быть продуктом

бесконечного, всемогущего, всезнающего и совершенного Интеллекта. Предположительно такое Существо, пребывающее над временем и пространством и обладающее как всеобъемлющими знаниями, так и безграничным творческим потенциалом, всегда заранее знает, что именно Оно хочет передать нам через Своего человеческого посредника, и как именно следует сформулировать это сообщение, чтобы достичь нужного Ему эффекта.

Поэтому стилистические и семантические характеристики произведений Бахауллы представляют для нас значительный интерес. Большинство Его «трудов», строго говоря, не относятся к категории «Писаний» в буквальном смысле этого слова: они диктовались Им и записывались кем-то из секретарей, которые позже переписывали их начисто. Бахаулла затем проверял точность расшифровки стенограммы и прикладывал Свою печать или ставил подпись. Во время диктовки слова срывались с Его уст таким потоком, что изнемогали даже самые одарённые стенографисты. У Него почти никогда не было возможности предварительно обдумать или отрепетировать Свою речь, так как в основном это были ответы на письма, содержания которых Он никак не мог знать заранее. Во время диктовки Он не делал пауз, чтобы подобрать нужное слово, никогда не терял нити рассуждений и не требовал убрать уже записанную фразу с целью заменить её другой.

После расшифровки стенограммы Бахаулла проверял окончательный вариант, иногда добавляя заметки на полях или исправляя неправильно понятое секретарём слово. При этом, однако, Он никогда не пытался пересмотреть или отшлифовать надиктованный Им текст.* Когда нагрузка была слишком большой или поджимало время, Он иногда отказывался от личной проверки чистовика, вместо этого диктуя ту же Скрижаль второй раз по памяти, в то время как секретарь смотрел в корректуру и поправлял её, если это было необходимо.[267]

* Бахаулла иногда адаптировал Свои предыдущие работы к новому контексту, незначительно редактируя их. Например, при подготовке к публикации Скрижали, изначально предназначавшейся для конкретного человека, Он мог изменить грамматическое время или род, опустить личные рекомендации, разъяснить намёки, которые были очевидны для первоначального адресата, и так далее. Таким образом, иногда в нашем распоряжении оказываются две подлинных, но слегка различающихся версии одной и той же Скрижали («Книга Несомненности» тоже относится к этой категории). Тривиальность этих изменений, равно как и их цель, вполне очевидна и не оказывает никакого влияния на достоинства рассматриваемой работы. Это ничем не напоминает то основательное редактирование собственных черновиков, которым неизбежно вынуждено заниматься большинство авторов (включая меня самого).

Бахаулла продолжал являть Свои Писания до конца Своей жизни, практически каждый день, причём нередко диктовка продолжалась несколько часов кряду. Например, за два дня и две ночи Он явил Китаб-и-Иган («Книгу Несомненности»), одну из главных Своих работ.* Почти всегда эта работа велась в крайне неблагоприятных условиях — Бахаулла часто был слаб от голода или болезни, или физически вымотан; или страдал от нападков могущественных врагов, и несколько раз был на грани смерти в результате их происков.

Он Сам уподобляет этот процесс «щедрому ливню», [268] замечая при этом:

Таковы излияния... из облаков Божественной Благодати, что в течение часа является эквивалент тысячи стихов. [269].

Один верующий по имени сиййид Асадаллāх-и-Қумӣ, иногда присутствовавший во время этих сессий, оставил нам следующее описание:

Я помню, что когда мӣрзā Āқā Джāн [основной секретарь Бахауллы] записывал слова Бахауллы в момент Откровения, пронзительный звук его пера можно было услышать на расстоянии около двадцати шагов.

У мӣрзы Āқā Джāна была большая чернильница размером с миску. У него также всегда имелось в наличии около десяти-двенадцати перьев и большие листы бумаги, сложенные в пачках. В те дни все письма, адресованные Бахаулле, получал мӣрзā Āқā Джāн. Он приносил их Бахаулле и, получив разрешение, зачитывал их вслух. После этого [Бахаулла] просил его взять перо и записать Скрижаль, являемую в качестве ответа...

Такова была скорость, с которой он записывал Божоявленное Слово, что чернила в начале листа не успевали высохнуть, как уже была закончена вся страница. Казалось, что кто-то опустил прядь волос в чернила и провёл ими по всей странице. Ни одно из слов не было написано чётко, и их не мог разобрать никто, кроме мӣрзы Āқā Джāна. Бывали случаи, когда даже он не мог расшифровать все слова и вынужден был обращаться за помощью к Ба-

* В русском академическом переводе её объём превышает 150 страниц. Официальный перевод Национального Духовного Собрания бахаи России имеет объём более 250 тыс. символов, то есть 140 стандартных страниц.

хаулле. Когда Откровение прекращалось... мїрзї Āqā Djān переписывал Скрижаль самым аккуратным почерком и отправлял её по назначению...[270]

Набїл-и А‘зам, историк-бахай, сопровождавший Бахаулла почти во всех Его изгнаниях и тюремных заключениях и тщательно записывавший как собственные наблюдения, так и свидетельства очевидцев, добавляет следующие детали:

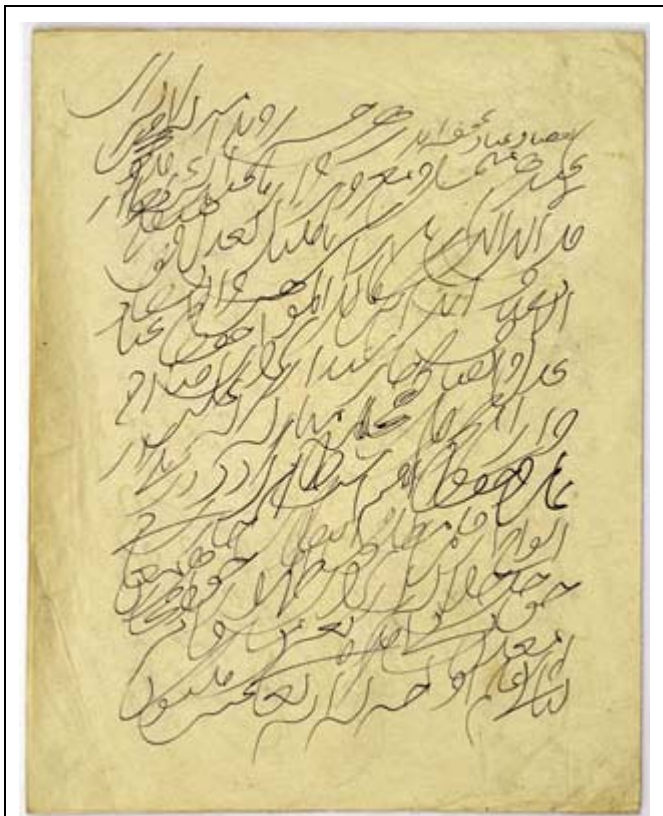
Ряд секретарей были заняты день и ночь, и всё же они были не в состоянии справиться с этой задачей. Среди них был мїрзї Bāqir-и Шїrāzї... Он один переписывал не менее двух тысяч стихов каждый день. Он трудился в течение шести или семи месяцев. Каждый месяц несколько томов, суммарно, переписывались им и отправлялись в Персию. Он оставил в память о себе около двадцати томов, заполненных элегантной каллиграфией... [271]

Многие другие очевидцы оставили нам похожие рассказы. Тем не менее, не обязательно полностью полагаться на их показания, чтобы проверить этот феномен. После того, как Скрижали Бахауллы отсылались адресатам, исходные стенограммы мїрзї Āqā Djāna и других секретарей, как правило, раздавались местным бахай и гостям-паломникам в качестве сувениров. Ранние верующие трепетно хранили эти сувениры и называли их «письмена Откровения». Бесчисленные образцы этих стенограмм с тех пор были собраны во Всемирном Центре Бахай в Израиле. Чтобы оценить значение этих исторических документов, предположите на минуту, что Апостолы Христа вели бы стенограммы Его разговоров и потом сохранили их для изучения будущими поколениями учёных.

Рукописные стенограммы, в спешке записываемые под диктовку секретарём, работающим без пауз и в большой спешке, выглядят почти одинаково на любом языке. Поэтому «письмена Откровения» сами по себе красноречиво свидетельствуют об обстоятельствах своего происхождения. Сравнивая этот почти неразборчивый почерк с тщательно выписанной арабской или персидской каллиграфией, любой человек, даже ничего не понимающий в этих языках, может легко представить себе, с какой скоростью работали секретари Бахауллы.

Ураганную силу красноречия Бахауллы можно было бы ещё

как-то объяснить более прозаическими причинами, если бы хотя бы некоторые из Его произведений получались сырыми. Однако мы этого не наблюдаем. Качество Его работ не только поразительно неизменно, — оно неизменно превосходно. Это, конечно, не означает, что Его труды похожи друг на друга; именно их поразительное разнообразие делает их достоинства особенно заметными. *«Иногда, — отмечает Бахауллы, — Мы говорили на языке законодателя; в другой раз — языком искателя истины и мистика...»*[272] Тем не менее, все Его произведения, от начала и до конца, полностью свободны от упущений, отличаются тщательно продуманной организацией и доходчивостью, выделяются незаурядной духовной силой и яркой красотой.

«Письмена Откровения» (взято со стр.110 книги Адиба Тахерзаде «Откровение Бахауллы», том I). Вы можете сравнить эту стенографическую запись с аккуратно выписанной арабской Скрижалью, воспроизведённой на следующей странице.

Существуют различные стандарты, по которым можно судить о качестве литературного произведения; некоторые из них — например, красноречие или красота слога, — будут сильно зависеть от субъективных вкусов читателя. Другие мерилы, однако, не столь гибки. Если, например, автор приводит цитату из чужой работы, — или даже из своей собственной, — мы имеем право спросить, насколько точно он это сделал. Бахаулла иногда вставлял в Свои труды обширные цитаты из Писаний прошлых религий или из произведений мудрецов, мистиков, историков и так далее. Многие из этих отрывков взяты из редких или малоизвестных работ, к которым Он, очевидно, вряд ли имел доступ в то

время. Во всяком случае, можно быть уверенным, что Он не смог бы отыскать эти цитаты, не прерывая диктовки. Однако как исходные стенограммы, так и отчёты очевидцев показывают, что Он всегда диктовал эти отрывки по памяти. Он не мог бы просто поручить секретарю отыскать нужный текст и вставить его в письмо, потому что проверка Его источников учёными, решавшими впоследствии сделать это, занимала от нескольких часов до нескольких месяцев.

Цитаты Бахауллы всегда скрупулёзно точны. Точность цитирования Им чужих работ настолько идеальна, что мы никогда бы и не подумали, что видим перед собой импровизацию, — если бы не достоверные исторические данные, рассказывающие о происходившем в тот момент времени.

«Скрижаль Святого Морехода» в каллиграфической записи Абдул-Баха.

Заключительные комментарии

В этой главе мы продолжали изучать вопрос о том, имелись ли у Бахауллы некие знания, которыми не может обладать обычный человек. Здесь мы предприняли попытку выйти за рамки исторических и научных пророчеств, описанных в предыдущих главах. Давайте ещё раз перечислим основные наши находки.

Бахаулла провёл важнейшие годы Своего детства и Своей юности в атмосфере глубоких суеверий и предрассудков, получив при этом только самое поверхностное образование. Однако, несмотря на ограничения, которые, казалось бы, должна была наложить на Него среда, Его знания вызывали удивление и восхищение у многих выдающихся учёных. Три особенно яркие черты этого знания свидетельствуют о Его интуитивной и, судя по всему, сверхчеловеческой природе:

- 1) Его дальновидность:
Бахаулла в Своих трудах проанализировал и предвосхитил все радикальные социальные изменения XX века, показав глубокое понимание глобальных политических вопросов грядущих веков,— вопросов, которые даже в голову не приходили Его современникам.
- 2) Его мастерское владение арабским литературным языком:
Он демонстрировал, причём, очевидно, без обучения или какой-либо подготовки, безупречную виртуозность в этой весьма требовательной области, где обычные люди достигают мастерства только после многих лет упорных усилий.
- 3) Скорость и спонтанность Его творчества:
Он неизменно сочинял блестящие, великолепно организованные и глубоко продуманные произведения, украшенные точными цитатами из самых разных источников, причём делал это на высокой скорости и в режиме абсолютной импровизации.

В этой главе ничего не говорилось до сих пор о Бабе или Абдул-Баха. Поскольку Сам Бахаулла заявил, что оба эти Человека также были вдохновлены свыше (Баб непосредственно, как Божоявление, а Абдул-Баха косвенно, как Совершенный Образец и Толкователь Веры), было бы справедливо спросить насчёт подобных признаков врождённого знания и у Них. Любой вдумчивый исследователь истории бахаи обнаружит такие признаки в изобилии. Поскольку подробное обсуждение этих вопросов добавило бы в нашу книгу ещё, как минимум, пару глав, я предлагаю читателю просто обра-

тяться к первоисточникам, указанным в библиографии. Вкратце, однако, я скажу, что хотя внешние обстоятельства Их жизни отличаются, однако общая картина получается весьма схожей: все три Центральные Фигуры Веры демонстрировали интуитивное понимание и владение навыками, полностью чуждыми людям Их круга; все Они проявляли одинаковую способность к ошеломляющей импровизации в составлении прекрасно отшлифованных текстов. Например, Абдул-Баха, когда у Него было мало времени, диктовал иногда пятерым секретарям сразу, быстро переходя от одного к другому и говоря при этом о различных предметах и даже на разных языках, не теряя при этом логической нити Своих рассуждений.[273]

Доказывают ли эти наблюдения, что Бахаулла был Посланником Божиим? Конечно же, нет,— по крайней мере, не в повседневном смысле слова «доказательство». В религии, как и в науке, никогда не будет такого факта или сколь угодно обширного их набора, чтобы их нельзя было бы объяснить более чем одним способом. Ну а коль скоро мы всегда можем объяснить наши находки более чем одним способом, мы никогда не сможем абсолютно уверенно «доказать», что верна именно выбранная нами интерпретация. Всё, что мы можем сделать,— это попытаться взвесить доказательства как можно более справедливо и принять наилучшее, как нам кажется, решение.

Я попытался в этой главе навести фокус как можно резче,— то есть представить факты, которые, в сочетании с успешными историческими и научными прогнозами, описанными в предыдущих главах, дополнительно прояснят ситуацию для читателя.

Однако мы собрали ещё не все факты. Вся информация, которую мы до сих пор обсуждали, прямо или косвенно относилась к вопросу о знаниях Бахауллы. Сколь бы ни было это важно, но знание — не единственная и даже не самая главная черта, которую мы ожидаем найти в Богоявлении. В следующей главе мы обсудим некоторые иные характеристики столь неординарного Существа и предложим некоторые способы их проверки, которые могли бы пролить свет на наш центральный вопрос:

Кем был Бахаулла?

Глава 8

СОЛНЦЕ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО САМО ПО СЕБЕ

Того, Кто во веки веков сокрыт от взоров человеческих, нельзя постичь иначе, как чрез Явление Его, а Явление Его не может представить большего доказательства истинности Своей Миссии, чем собственная Личность.

— Бахаулла

...Взойдёт Солнце правды, и исцеление в лучах Его...

— Малахия 4:2

Мы изучали притязания Бахауллы, задавая раз за разом два вопроса. Во-первых, какие события должны вытекать из того факта, что Его притязания верны? Во-вторых, действительно ли такие события произошли?

Давайте подведём основные итоги на текущий момент: Любой, притязавший на статус Божоявления (в том определении этого термина, которое дал Бахаулла), должен быть, среди прочего, «всеведущ по Своему желанию». Этот человек должен быть в состоянии правильно описать события, которым суждено произойти в будущем: Бахаулла делал это. Этот человек должен знать научные факты, ещё не обнаруженные в Его время: Бахаулла знал их. Этот человек должен обладать навыками, которым не учат ни в одной школе, и демонстрировать глубокое понимание духовных и социальных проблем,— понимание, находящееся совершенно за пределами кругозора Его учёных современников: Бахаулла продемонстрировал и это.

Но Божоявление (если такое Существо вообще бывает) не может быть просто кладезем знаний. Человек может запросто быть ходячей энциклопедией, неиссякаемым источником увлекательной и полезной информации, но при этом лишён многих других замечательных качеств — сострадания, справедливости, чувства юмора, мужества и т. д. Такой человек, конечно же, не может считаться Божоявлением в том смысле этого слова, которое принимают бахаи.

Периодически приходящие к нам Богоявления, как объясняет Бахаулла, полностью отражают бесконечные совершенства Самого Творца: они «наделены всеми Божиими признаками, такими, как власть и господство, и подобными им...»[274] Что бы Они ни делали и что бы ни говорили, именно это сделал бы или сказал Бог, если бы Он появился перед нами в человеческой форме. Они суть Духовные Солнца, пылающие Божественной энергией, достаточно мощные, чтобы преобразить весь мир и определить курс истории на несколько сотен или даже тысяч лет. Они «являют» Бога — так же, как безупречное зеркало являет нам образ Солнца. Христос — «Слово, ставшее плотью» — сказал об этом так: «Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего».*[275]

Отсюда следует, что любое истинное Богоявление должно выделяться среди всех людей настолько сильно, что этого никак нельзя объяснить просто флуктуациями человеческого интеллектуального уровня. Он — представитель Бога на земле. Не Бог, нет,— но Его присутствие, в самом непосредственном смысле этого слова, должно ощущаться как присутствие Божие. На что похоже было бы это присутствие? Как бы мы чувствовали себя, окажись мы в компании Богоявления, имея возможность беседовать и общаться с Ним и наблюдать проблески Его истинной сути? С достаточной долей уверенности мы можем сказать одно: эти вопросы вряд ли удастся выяснить, если только мы сами не получим такой личный опыт. Поскольку обычно мы не сталкиваемся с бесконечным совершенством, вряд ли мы сможем представить себе такой контакт хоть сколько-нибудь реалистично. Однако уже само это бессилие воображения должно натолкнуть нас на один очевидный вывод: встреча с Богоявлением должна быть поистине редким опытом, незабываемым и неопишуемым.

Вероятно, аналогов такому опыту не бывает в обычной земной жизни. Мы можем ожидать, что личность Богоявления должна производить ошеломляющее впечатление, и этот опыт должен иметь долгосрочные последствия для тех, кто имел счастье получить его — даже для людей высокого ранга и выдающихся заслуг.

С тех пор, как Бахаулла оставил эту землю в 1892 году, мы больше не можем физически войти в Его присутствие, чтобы не понаслышке рассудить о том, насколько хорошо Он удовлетворял этим ожиданиям. Единственное, что нам остаётся, это изучить реакции тех, кто встречался с Ним, и попробовать увидеть Его их глазами. Это не значит, что мы должны слепо принимать их суждения или верить тем объяснениям увиденного, которые они

* Иоан. 8:19.

давали. В любом случае, разные свидетели почти всегда рассказывают об одном и том же по-разному, а нередко и вообще противоречат друг другу. Тем не менее, такое исследование будет вполне в духе принятых в обществе судебных разбирательств — опрос свидетелей, анализ их показаний и попытка составить цельную картину произошедшего. Это будет максимально систематический подход к вопросу оценки притязаний Бахауллы. Мы можем сказать, по крайней мере, что если кто-то утверждает, что он Божоявление, но в обыденной жизни не производит никакого необычного впечатления на тех, с кем входит в контакт, и не демонстрирует никаких чрезвычайных качеств характера, притязания такого человека следует рассматривать как сомнительные. Если же мы действительно увидим что-то необычное, то, по той же самой причине, дошедшие до нас в свидетельствах очевидцев необычные впечатления о Нём и Его выдающиеся качества должны, в какой-то степени, укрепить нашу веру в Него.

Доказательство Его личности

Как уже было указано в предыдущих главах, жизнь Бахауллы хорошо документирована. Его фотография, а также множество личных вещей, со всем уважением выставлены в здании Архива Всемирного Центра Бахаи в Хайфе. С Ним встречались тысячи людей — верующих и скептиков, богатых и бедных, высокопоставленных правительственных чиновников и известных учёных, а также простых людей из всех слоёв общества. Эти люди оставили после себя неисчислимые публичные записи, дипломатические документы, дневники, мемуары, интервью, устные рассказы и истории, отражающие Его поступки и деятельность чуть ли не день за днём. Что мы можем узнать из этих документов?

Магнетическое присутствие

При изучении этого массива первоисточников в глаза снова и снова, на каждом шагу и с разных точек зрения, бросается один факт: ошеломляющий магнетизм личности Бахауллы. «Атмосфера величия,— говорит Абдул-Баха,— окружала Его ореолом, словно солнце в полдень».[276] Практически непреодолимое обаяние Его личности приводило в восторг Его друзей и смущало Его врагов; последние предупреждали интересующихся, чтобы они остерегались Его колдовства, ибо Он непременно попытается их загипнотизировать. Совершенно незнакомые люди, ничего не зная о Его положении и вообще не имея понятия, кто Он такой, вдруг низко кланялись Ему при неожиданной встрече. Высокопоставленные скептики и циники, привыкшие иметь дело на равных со знаменитостями любого положения,

проникались благоговением и теряли дар речи в Его присутствии. Его верные последователи, познакомившись с Ним лично, не могли вынести мысли о разлуке с Ним; многие отказывались от комфортной жизни и достатка для того, чтобы разделить с Ним изгнание и тюремную камеру. Суровые тюремщики и всё повидавшие охранники сплошь и рядом становились Его преданными поклонниками, отдавая в Его распоряжение все свои ресурсы и предлагая Ему помощь в побеге (все такие предложения Бахаулла вежливо, но твёрдо отклонял). Абдул-Баха говорит:

Если бы вы пришли в то благословенное место [Акку] во дни явления лучезарного Светоча, если бы вы достигли двора Его присутствия и были свидетелем Его сияющей красоты, вы бы поняли, что Его учение и совершенство не нуждались в дополнительных доказательствах. Просто удостоившись чести вступить в Его присутствие, многие души стали убеждёнными верующими; другие доказательства после этого им были уже не нужны. Даже те люди, что отвергли Его и ненавидели самой жгучей ненавистью, после встречи свидетельствовали о величии Бахауллы, говоря: «Это великий человек, но как жаль, что Он делает такие заявления! А так всё, что Он говорит, вполне приемлемо».[277]

Хаджж мйрзā Хайдар-‘Алй, верующий, живший в Акке, был свидетелем множества таких встреч. Он комментирует их следующим образом:

Хотя [Бахаулла] выказывал искреннее сострадание и нежную заботу, и относился к каждому, кто попадал в Его присутствие, с большой любовью и смирением, и часто делал юмористические замечания, чтобы посетители расслабились и не чувствовали себя стеснённо, тем не менее, ни один человек, будь он верующим или неверующим, учёным или неграмотным, мудрым или глупым, не был в состоянии произнести десять слов в Его присутствии так, как обычно привык разговаривать. На самом деле, многие обнаруживали, что их сотрясает дрожь и они не могут изречь ни слова.

Некоторые люди просили разрешения посетить Его с единственной целью — поспорить и затеять перепалку. В знак милости со Своей стороны, а также для того, чтобы завершить свидетельство и провозгласить убедительные доказательства, Он давал им

разрешения предстать перед престолом Его величия и славы. Когда они входили в комнату, слышали Его голос, приветствующий их, и взор их падал на Его Лик, сияющий светом величия, они ошеломлённо простирались ниц у Его двери. Затем они входили и садились. Когда Он показывал им, где сесть, они оказывались не в состоянии произнести ни слова и забывали все свои вопросы. Когда наставала пора уходить, они невольно кланялись Ему. Некоторые преображались под влиянием встречи с Ним и преисполнялись предельной искренностью и преданностью, иные превращались в Его поклонников, в то время как другие покидали Его присутствие невежественными и беспечными, объясняя случившееся с ними действием колдовства... Говоря кратко, щедроты, изливавшиеся на человека в результате достижения Его присутствия, невозможно описать или охватить умом. Доказательство Солнца — само Солнце.[278]

Одно из самых перегруженных и девальвированных слов в английском языке — «харизма». Этим эпитетом характеризуются сейчас любые исполнители или актёры, способные «завести толпу», любые внешне привлекательные политики или проповедники. Для любого вдумчивого исследователя жизни Бахауллы очевидно, что Его сверхъестественное влияние на других было явлением совершенно иного, более высокого порядка. Многие из того, что называют сегодня «харизмой», на самом деле — работа имиджмейкеров, которые учат своих клиентов, как следует манипулировать СМИ, как отыгрывать рекламные трюки, как одеваться, чтобы тебя считали «успешным человеком», как окружать себя символами лидерства и власти. У Бахауллы ничего этого не было. Он жил скромно, носил простую одежду, придерживался умеренной и непритязательной манеры поведения и, несмотря на Свои ошеломляющие притязания, старался избегать сенсационности. Однако Его дух сиял настолько ярко, что почувствовавшие этот жар часто говорили потом, что они «унесли в рай».

Почти никто из очевидцев не упоминает внешность Бахауллы. Вместо этого они говорят о таких вещах, как Его «царское достоинство», Его «сверкающие глаза» и «проницательный взор», а также Его «мелодичный голос, который всегда бы наполнен ощущением спокойного могущества». Снова и снова они упоминают несказанное чувство спокойствия и воодушевления, которое они чувствовали в Его присутствии.

Вероятно, самый известный литературный портрет Бахауллы был дан в нижеследующем отчёте Эдварда Гренвилла Браун, выдающегося востоковеда из Кембриджа, который встречался с ним в Акке в 1890 году:

Хотя я смутно подозревал, куда я иду и кого увижу (мне не было сделано определённого указания на этот счёт), секунда или две прошло, прежде чем я с волнением и смущением заметил, что комната не была пуста. В углу, где диван соприкасался со стеной, сидела необыкновенная и внушавшая почтение особа, в войлочном головном уборе, вроде называемых дервишами «тадж» (но непривычной высоты и формы), кругом основания которого был повязан небольшой белый тюрбан. Лицо, на которое я взирал, я никогда не смогу забыть, но и не смогу описать. Эти пронизательные глаза, казалось, читали в самой глубине вашей души; печать власти и могущества лежала на широком челе; глубокие борозды на лбу и лице показывали возраст, противоречивший чёрным, как смоль, волосам и бороде, которая с невыразимой роскошностью спускалась почти до пояса. Не надо было и спрашивать, в чьём присутствии я находился, и я склонился пред тем, кто служит предметом обожания и любви, которой могут позавидовать короли, и о которой понапрасну вздыхают императоры! [279]

История жизни Бахауллы содержит великое множество примеров, когда проявлялось Его величие, — и это почти всегда вызывало у людей благоговейный трепет. Один из наиболее ярких случаев, — когда генеральный консул персидского правительства в Багдаде нанял турецкого головореза по имени Рида, чтобы тот убил Бахауллу. Вооружившись пистолетом, Рида дважды пытался исполнить этот заказ — один раз он попробовал подобраться к вождю бахаи в общественной бане, а когда это не удалось, попытался подкараулить Его на городской улице. Оба раза, столкнувшись лицом к лицу со своей жертвой, убийца терял самообладание. Во втором случае он так испугался и был настолько сбит с толку, что даже выронил своё оружие; после чего Бахаулла, улыбнувшись, велел вернуть ему пистолет и дал сопровождающих, чтобы те помогли потерявшему ориентировку человеку найти путь домой! [280] (Сам Рида, в последующие годы, активно распространял эту историю.)

Поразительный эффект личного присутствия Бахауллы ясно прослеживается не только в описаниях Его последователей. Печальная ирония ситуации в том, что мусульманские и христианские священнослужители,

стремящиеся дискредитировать Его, тоже не обошли вниманием этот момент. Понимая, что это явление требует объяснения, Его хулители постарались сделать это так, чтобы опровергнуть Его претензии на пророческую миссию. Пожалуй, наиболее часто повторялась теория о том, что посетителей заранее тщательно обрабатывали, чтобы они увидели в Бахаулле богоподобное существо. Каждому паломнику якобы внушали, что его личный опыт во время этой встречи будет зависеть от его духовного потенциала: если он окажется грешником, погрязшим в мирских заботах, то увидит Бахауллу как простого человека; но если он выкажет достаточную духовность, он узрит Бога. Якобы только после того, как посетитель впадал в иступление и уже готов был увидеть самые невероятные чудеса, его допускали, всего на несколько мгновений, в Святое Присутствие, где он мог посмотреть с обожанием на лик своего Господа. Почти магическое воздействие таких посещений, таким образом, приписывалось техникам психологической манипуляции.

Это вполне правдоподобное, на первый взгляд, объяснение вполне могло убедить тех, кто обладал лишь минимальными сведениями о Бахаулле; оно не смогло бы, однако, выдержать серьёзной проверки. Иллюзорность этого образа становится очевидна после изучения свидетельств многих авторитетных и независимых очевидцев. Например, Э. Г. Браун, чья глубоко волнующая встреча с Бахауллой уже была описана выше, знал об этой циничной теории, но считал её абсурдной. Он сам утверждает, что только «смутно подозревал», куда его ведут, и ему «не было сделано определённого указания на этот счёт». [281] Браун, хотя и относился скептически к притязаниям Бахауллы, ни в коем случае не был Его врагом; впрочем, сходные впечатления были обычным явлением даже среди тех, кто изначально был гораздо менее восприимчив к истинам Его Веры. Вот как комментирует этот момент хаджй мйрзā Хайдар-‘Али:

Когда верующий описывает то, что он испытал в присутствии Бахауллы, эти впечатления могут быть истолкованы как результат его настроенности на самоуничтожение и ощущения полного небытия по отношению к Нему. Но как можно объяснить, когда кто-то входит в Его присутствие противником, а выходит верующим, или приходит врагом, а уходит другом, или приходит, чтобы поспорить, но уходит, ничего не сказав, а потом,— по причине добровольной слепоты,— начинает приписывать это волшебству? [282]

Дело в том, что мусульманские противники Бахауллы отлично, — и при этом весьма болезненно, — осознавали Его способность завораживать даже тех, кто относился к Нему враждебно или равнодушно. Они не только предупреждали любопытных, чтобы те избегали Его присутствия (и сами старались никогда не встречаться с Ним), но придумывали разные дополнительные объяснения для такой реакции со стороны неверующих. Их идея была довольно проста: якобы Бахаулла и Его последователи тайно обрабатывают гостей наркотиками, а затем гипнотизируют. При каждом пересказе этого сюжета он обрстал разными сложными уточнениями: препарат — якобы «экстракт из фиников» — будто бы подбрасывали в деликатесный персидский чай, который обычно подавали гостям в доме Бахауллы. Для тех, кто был слишком умён, чтобы пить чай с подсыпанным туда наркотиком, была припасена другая хитрость: препарат будто бы спрессовывали в крошечную таблетку, а затем, в подходящий момент, незаметно забрасывали в открытый рот посетителя. Теория гипнотических наркотиков, несмотря на всю свою очевидную нелепость, имела широкое хождение в Персии и пользовалась там популярностью в течение нескольких десятилетий.

Баб

В этой главе пока что обсуждался только Сам Бахаулла, и мы пытались найти свидетельства того, что колоссальная притягательность Его личности согласуется с Его притязаниями на полное раскрытие и проявление безграничных совершенств Бога. Мы видим, что Он действительно демонстрировал те самые признаки, которых мы вправе ожидать от Того, Кто выдвигает такие требования. В этой связи возникает ещё один вопрос: а что же насчёт Баба, Чьё собственное притязание на статус Богоявления было затем одобрено Бахауллой? Если Бахаулла и в самом деле был тем, за кого себя выдавал, то все те же принципы должны действовать и в отношении Баба, и мы должны ожидать проявления в Нём тех же замечательных признаков.

По этому вопросу исторические факты, в очередной раз, дают нам столь убедительные свидетельства, что здесь вряд ли можно что-то всерьёз возразить. По всем отзывам, Баб, как и Бахаулла, производил на людей незабываемое впечатление; даже для равнодушных или безразличных зрителей Он был как гром среди ясного неба. Пережив этот опыт, многие бывшие противники предпочитали смерть разлуке с Ним или отречению от своей новообретённой веры. Его враги, словно летучие мыши, не переносящие света, избегали Его, и предупреждали других тоже держаться от Него подальше, чтобы не попасть под Его чары.

Преподобный Т. К. Чейн (Т.К. Cheyne), известный оксфордский библист, писал о Бабе так:

Его сочетание мягкости и силы было настолько редким, что мы должны считать его человеком сверхъестественным... Мы знаем, например, что в переломные моменты своей жизни, испытав состояние религиозного экстаза, его лицо излучало такое могущество и величие, что никто не мог взглянуть на него и выдержать сияние его славы и красоты. Нередко бывало и так, что неверующие невольно склонялись со всем возможным почтением, увидев Его Святейшество...[283]

Граф де Гобино, один из первых европейских историков, проявивших пристальное внимание к жизни Баба, пишет, что Он обладал «чрезвычайно простыми манерами, был удивительно мягким человеком, и все эти качества ещё и дополнялись его крайней молодостью и невероятным очарованием... Стоило ему заговорить, уверяли знавшие его люди, как это глубоко трогало все сердца».[284] «Те, кто находился с ним рядом, неизменно чувствовали удивительное воздействие его личности, его манер и его речи. Его охранники тоже не избегли этой слабости».[285] **Что касается воздействия Баба на неверующих, Гобино говорит:** «...Даже ортодоксальные мусульмане, присутствовавшие [на встречах с ним], сохранили неизгладимую память об этих моментах и вспоминали о них со своего рода ужасом. Они единодушно соглашались, что [его] красноречие... было настолько несравненным, что, не будучи очевидцем, никто не смог бы представить себе, как это выглядело».[286]

Абдул-Баха

Из трёх Центральных Фигур Веры бахаи самая парадоксальная, во многих отношениях,— Абдул-Баха. Бахаи не считают Его Богоявлением, и Он никогда даже на мгновение не делал вид, что вылеплен из того же теста, что Баб и Бахаулла. Тем не менее, если Бахаулла был отражением Бога, то Абдул-Баха был, в каком-то смысле, отражением и продолжением Бахауллы, Который называл Его «Заливом, ответвившимся от сего Океана, охватывающего всё сотворённое».[287] Из уже процитированных текстов должно быть ясно, что в той же степени, в какой духовное величие Бахауллы превосходило величие Его Сына, так и величие Его Сына должно было

(если только притязания Веры бахаи правдивы) превосходить уровень любого другого человека.

Абдул-Баха был известен на Западе лучше всех остальных главных фигур Веры. Его путешествия по Америке, а также визиты в Канаду, Великобританию, Францию, Германию, Австрию и Венгрию напрямую свели Его с западными журналистами и представителями общественности, а также с многочисленными сановниками и лидерами мысли. Можно смело заявить, что везде, куда бы Он ни шёл, Его немедленно окружали восторженные почитатели,— большинство из которых никогда раньше не слышало о Нём. Судя по толпам, которые ломались на Его публичные выступления, и по сенсационному тону публикаций в прессе, которые сопровождали каждый Его шаг, становилось ясно, что Он в одночасье стал знаменитостью мирового масштаба,— хотя совсем недавно Он был всего лишь главой никому не ведомой восточной религии. Объёмистые репортажи и книги, написанные теми, кто лично видел Его, в один голос заявляют о Его замечательных личных качествах. Вряд ли можно резюмировать этот консенсус более точно, чем это сделала г-жа Фиби Хёрст (мать Уильяма Рэндольфа Хёрста): *«Хотя Он ни в малейшей степени не стремится произвести впечатление на кого бы то ни было, но Его величественная, хотя и скромная фигура излучает силу, мощь, чистоту, любовь и святость, и духовная атмосфера, окружающая Его и сильнейшим образом затрагивающая всех тех, кому повезло оказаться рядом с Ним, неописуема»*. [288] Раз за разом мы читаем, что просто посидев рядом с Ним в автомобиле, даже когда Он был физически истощён по причине весьма напряжённого графика выступлений, люди чувствовали, что зарядились духовной энергией.

Абдул-Баха всегда настаивал, что Он — всего лишь капля в сравнении с океаном Бахауллы. Однако тем, кто знал только Сына, часто было трудно представить, что Его Отец (или вообще кто-либо другой) мог бы превзойти Его неземное величие и обладать ещё более непреодолимой притягательной силой. Абдул-Баха просил бахаи задуматься, в свете Его собственного поразительного воздействия на людей Запада, о том, чего мог бы достичь Некто неизмеримо более великий:

Сколь безрассудны были люди Востока, заключившие в тюрьму почти на пятьдесят лет столь выдающегося Человека! Если бы не цепи и тюрьмы, Бахаулла к этому времени уже добился бы абсолютного господства над умами и мыслями народов Европы... Задумайтесь о результате нескольких дней, проведённых Мною в Лондоне, и взгляните, какое глубокое воздействие этот визит

оказал здесь и в соседних регионах. Обдумайте же в сердце своём, чего достиг бы приезд Бахауллы! Если бы Он появился в Европе, населяющие её народы не упустили бы своей возможности, и Его Дело, благодаря свободе мысли, к этому времени уже охватило бы всю землю. Но увы! Это Дело, хотя оно и появилось в Персии, но, в конечном счёте, окажется, что народы Европы вырвали его знамя из их рук! Примите это к сведению и запомните на будущее. В конечном итоге вы непременно увидите, как всё это случится. И тем не менее, узрите, как бахаи по-прежнему преследуются людьми Персии! [289]

Как уже говорилось выше, мы больше не можем физически встретить всех этих уникальных Людей — Бахауллу, Баба и Абдул-Баха; поэтому мы не можем испытать на себе животворное воздействие Их присутствия, о котором мы знаем со слов других людей. Мы можем объяснять субъективные реакции других людей любым удобным нам способом. Однако мы не можем отрицать того исторического факта, что эти реакции имели место быть; мы не можем сомневаться и в том, что такие реакции были характерны не только для верующих, но и для неверующих,— в том числе людей выдающихся, чьи впечатления ни в коем случае нельзя приписать бесхитростной доверчивости. Мы вполне можем спросить себя: что за Существа могут постоянно оказывать столь незабываемое влияние на человеческое сознание, и как можно объяснить последовательное появление сразу трёх столь необычных Людей, тесно связанных между собой как Центральные Фигуры одной всемирной Веры?

Конечно, ответы на эти вопросы не настолько самоочевидны, чтобы любой человек немедленно принял Бахауллу. Тем не менее, наблюдения по данному предмету определённо связаны с вопросом о вероятной истинности или ложности этого утверждения. Природу этой связи и её актуальность, конечно же, каждый исследователь должен определить самостоятельно, рассудив обо всём беспристрастно и независимо.

Лучезарный характер

Ещё один способ проверить утверждение любого предполагаемого Божественного Посланника — изучить характер этого человека. Что мы можем сказать о моральной и этической стороне поведения кандидата? Как и другие вопросы, которые мы рассматривали выше, необычное благородство характера, конечно, никак не «докажет», в абсолютном смысле, что такой человек — Богоявление. Отсутствие такого благородства, однако, докажет

это весьма чётко. В этом и заключается важность данного вопроса. Божоявления должны быть не просто «хорошими людьми» — Они, по определению, должны полностью персонифицировать все Божественные качества. Поскольку одно из этих качеств — нравственное совершенство, само собой разумеется, что любое подлинное Божоявление должно служить примером возвышенных стандартов поведения, которых мало кто может придерживаться в нашей нелёгкой жизни.

Мы должны подходить к этой проблеме с осторожностью. Например, мы должны будем дать определение высокоморальному облику. На протяжении всей истории человечества последователи каждой веры применяли собственные стандарты к Основателям других религий и решали, что те грешат массой недостатков. Евреи критиковали Иисуса за нарушение субботы. Христиане осуждают Мухаммада за то, что у Него было несколько жён и что Он защищал Свою религию силой оружия. Мусульмане были глубоко возмущены, когда Бахаулла установил равенство женщин и мужчин. Аналогичные примеры можно приводить без конца.

Бахай отвечают на это, что один лишь Бог, но ни в коем случае не человек, имеет право, через Своё Явление в этом мире, раскрывать социальные нормы и нравственные ценности, которые затем действуют до прихода нового Божоявления. Только Он знает, что такое хорошо и что такое плохо, и эти установленные Им правила действуют, пока не кончится Его Законоцарствие: Божоявление *«вершит, что пожелает, и предписывает то, что угодно Ему»*. [290] более того, *«не спрашивают Его о том, что Он делает»*. [291] Направляемое Богом, каждое Божоявление имеет право оставить в силе закон Своего Предшественника, изменить его или даже полностью отменить, по Своему усмотрению. Это ни в коем случае не означает, что Божественное Откровение совершенно произвольно: Абдул-Баха говорит: *«Законы Божии — не произвол, навязываемый силой или в результате каприза, но утверждения, выражающие истину, разум и справедливость»*. [292] Дело в том, что Бог видит всю головоломку целиком, тогда как мы видим только её отдельные части; поэтому только Он может правильно взвесить все её бесконечные переменные и решить, исходя из исторических обстоятельств и духовной готовности человека, что именно будет наилучшим образом способствовать развитию человеческого потенциала в данный период времени.

Может показаться, на первый взгляд, что эта концепция косвенно отрицает саму возможность оценки характера любого человека, заявляющего, что он есть Божоявление. Если Он и только Он определяет стандарт, по которому Его надлежит судить, то все предыдущие критерии оценки становятся

ся неприменимы. Разве не будет Он будет считаться святым вне зависимости от того, верно Его утверждение или нет?

На это мы можем ответить, что это не обязательно так. В теории, это может показаться проблемой; но на практике эта дилемма обретает довольно элегантное решение, по двум причинам.

Во-первых, религиозные учения делятся на две совершенно разных категории: социальные законы и духовные принципы. Социальные законы охватывают вопросы брака и развода, обычаи питания, обряды богослужения, проблемы банковского кредитования, обращения с преступниками, правительственной политики и тысячи других практических проблем. Эти законы могут меняться в каждом новом Законоцарствии. Например, ограничения в питании и уголовный кодекс Моисея были прекрасно приспособлены к кочевой жизни сынов Израиля, однако уже не подходили к жизни этого народа во времена Иисуса, поэтому в христианстве они были изменены.

Однако базовые духовные принципы — совсем другое дело. Хотя различные конфессии используют различную терминологию, чтобы выразить их, эти принципы одинаковы в каждом религиозном Законоцарствии, ибо опираются на истины, которые во все времена остаются вечными и неизменными. Золотое правило, например, занимает центральное место в Святых Писаниях всех религий. То же самое можно сказать насчёт призывов к любви, доброте, справедливости, милосердию, терпению, вежливости, чистоте, честности, самодисциплине и так далее. Такие качества вытекают из внутреннего, непреходящего смысла религиозной нравственности, они не зависят от внешнего, временного аспекта социального устройства. Эти бесчисленные добродетели, конечно же, одинаковы, что в учении Бахауллы, что в учениях Авраама, Христа или Будды.

Во-вторых, сам Бахаулла заявляет, что Богоявление Сам, в первую очередь, применяет на практике Собственное учение: *«...Посему, если найдёшь что-либо в Его деяниях, то это же обнаружишь и в Его речениях, а то, что прочтёшь в Его речениях, распознаешь и в Его делах»*. [293]

Для Богоявления (или кого-либо ещё) вести себя таким образом отнюдь не малое достижение, особенно если стандарты, которые Он прививает, необыкновенно высоки и сложны. История полна примеров мудрых людей и философов, которые проповедовали одно, а действовали совсем иначе. Ни один человек, чьи поступки и слова находятся в явном противоречии, не может серьёзно претендовать на статус Богоявления, как понимают это бахаи.

Эти соображения позволяют наметить два пути, по которым мы можем следовать при изучении личностей Бахауллы, Баба и Абдул-Баха. Во-первых, оставляя на данный момент в стороне вопрос о том, согласны ли мы с пропагандируемыми Ими социальными принципами, мы можем спросить, насколько полно Они Сами воплощали те вечные духовные качества, которые во всех религиях считаются основой. Во-вторых, мы можем спросить, насколько их поведение согласовывалось с Их Собственными учениями, — памятуя о том, насколько редко люди действуют столь же благородно, сколь благородны их слова. Эти два вопроса, конечно, в значительной мере перекрываются; что касается практических целей, то очень часто это «те же яйца, только в профиль».*

Изучая жизнь Бахауллы с этой точки зрения, мы ясно видим, что глубокая преданность, которую Он вызывал в людях, была связана не только с силой Его личности или возвышенностью Его учения. В меньшей степени она рождалась из Его образцовой личной жизни и безупречного поведения. Красной нитью сквозь все разнообразные события Его жизни проходило то, что Он был вынужден выбирать, почти ежедневно, между собственным благополучием и благополучием окружающих. В каждом случае Он неизменно приносил Себя в жертву ради блага всего человечества.

На эту тему имеются десятки случаев и историй; в рамках данной книги мы можем лишь чуть-чуть коснуться некоторых особо ярких моментов. Известно, что незадолго до Возглашения Баба Бахаулла отклонил выгодную государственную должность, которую ранее занимал его покойный отец, мйрзā Бузург. Вместо этого Он полностью посвятил своё немалое состояние благотворительной и гуманитарной деятельности. Вместе со Своей женой, Наввāб, разделявшей Его жизненные приоритеты, они стали известны среди народа как «Отец бедных» и «Мать утешения». Государственные лица и духовенство (на тот момент ещё не столкнувшиеся с проблемой принятия или отвержения Его как Обетованного) также весьма почитали Его, но предупреждали Его, что если Он будет продолжать в том же духе, Его щедрость по отношению к бедным скоро доведёт Его до сумы. Эта проблема, конечно, совершенно утратила смысл, когда Бахаулла публично поддержал Дело Баба, ибо столь смелый и открытый вызов обществу был равносителен самоубийству. Его репутация, однако, защищала Его до тех пор, пока, уже после мученической смерти Баба, общегосударственная кампания преследо-

* Эта шутка идёт от известной статьи британских учёных о куриных яйцах, иллюстрированной двумя, на первый взгляд, идентичными фотографиями: «Куриное яйцо, вид сверху» и «Куриное яйцо, вид сбоку».

вания бабидов не вылилась в массовую резню. Даже и тогда Он мог бы выбрать личную безопасность, поскольку истерия антибабидского террора разразилась в то самое время, когда Он находился вдали от дома, в гостях у брата премьер-министра. Друзья, жившие в сельской местности, предложили спрятать Его до тех пор, пока буря не утихнет. Отвергнув их предложение, Бахаулла направился в столицу, чтобы противостоять врагам Веры лицом к лицу, и, встретив на полпути войсковой отряд, посланный арестовать Его, добровольно сдался им. Он был препровождён, *«пешком и в кандалах, с непокрытой головой и босиком»*[294] под безжалостным августовским солнцем, от холмистой деревенской местности к северу от Тегерана напрямик в главную подземную тюрьму столицы. По пути толпа забросала Его камнями и грязью. В какой-то момент некая старуха, желая присоединиться к наказанию мерзкого еретика (так власти теперь изображали Его), бежала рядом, умоляя солдат приостановиться и дать ей возможность бросить камень. Бахаулла ярко продемонстрировал Свой характер, сказав солдатам: *«Не расстраивайте эту женщину. Не запрещайте ей то, что она полагает достойным деянием пред очами Божиими»*. [295] Затем Он терпеливо вытерпел ещё одну травму, лишь бы порадовать её слепое и ожесточённое сердце.

Хотя Бахаулла был, как мы видим, человеком крайне снисходительным к чужим недостаткам, Его терпение и сострадание коренились не в слабости, а в глубокой внутренней силе. Мы должны помнить о том, как «всеблагодный Иисус, кроткий и мягкий», ударами кнута очистил храм от менял, которые, по Его словам, превратили дом Его Отца в вертеп разбойников. Бахаулла бросался на защиту Веры словно лев, сокрушая Своих врагов в публичных дебатах и блестяще демонстрируя всем их лицемерие. Хотя Он терпел гонения, когда это нужно было для исполнения Его миссии, Он никогда не провоцировал их: наоборот, на протяжении всей Своей жизни Он решительно протестовал против кампании террора, развязанной властями против Него Самого и Его последователей. Так, в одном случае Бахаулла сознательно пошёл на риск пыток и смерти, сурово обличая турецкого султана за жестокость по отношению к женщинам и детям бахаи.

Когда Бахаулла попал в тегеранскую темницу,— невыразимо зловонную «Чёрную яму»,— Ему было 35 лет, и Он был в расцвете сил. Он вышел оттуда спустя четыре месяца измождённой тенью Самого Себя, со шрамами, которые остались с Ним на всю жизнь. Он был вынужден, вместе с другими бабидами, носить настолько тяжёлые цепи, что они прорезали кожу на ключицах до костей; однажды Его пищу отравили враги; Он дышал воздухом, насыщенным вонью человеческих испражнений и гнойных ран; цепи были

сделаны так, что Он должен был оставаться сидя в согбенном положении, делавшем сон практически невозможным. Каждый день одного из бабидов уводили из тюрьмы на казнь, а остальным напоминали, что скоро придёт и их черёд. Бахаулла и его товарищи по заключению подпитывали своё мужество, распевая хвалебные песни и прославляя Бога настолько громко, что эти песни можно было услышать даже во дворце шаха, на некотором расстоянии от тюрьмы.

В этом подземелье, в 1852 году, к Бахаулле и пришло убеждение, что Он и только Он есть тот Обетованный, скорое появление Которого провозгласил Баб. *«Однажды ночью во сне,— писал Он много лет спустя,— слышались со всех сторон сии возвышенные слова: "Воистину, Мы даруем Тебе победу силою Твоей и Твоего Пера. Не печалься о том, что постигло Тебя, и не страшись, ибо Ты в безопасности. Вскоре соберёт Бог сокровища Земли — людей, кои помогут Тебе, черпая от силы Твоей и Твоего Имени, коим воскресил Бог сердца тех, что признали Его».*[296]

Бахаулла ждал до 1863 года, прежде чем объявить о Своих притязаниях на статус Искупителя, предсказанного Бабом. Тем не менее, Он часто ссылался на него, едва завуалированными намёками, в одах, эссе и письмах, которые устремились из-под Его пера сразу после Его освобождения из тюрьмы. Прибыв в Багдад, в Своё первое изгнание, Он решительно взялся за восстановление разрушенной общины баби; Наставлением и личным примером Ему удалось превратить бабидов в «сокровища земные»,— которые, как и было обещано Ему в видении, принесли победу Делу Божиему.

На протяжении всех последующих долгих лет изгнания, преследований и тюремного заключения Бахаулла всегда встречал опасности и трудности с нечеловеческой силой духа. Куда бы ни забрасывала Его судьба, Он везде начинал пользоваться репутацией великого гуманиста, человека, способного глубоко сострадать окружающим, правдивого и честного. Даже те, кто отказывался признать Его учение, часто выражали восхищение Его личным поведением; довольно часто в их описаниях появляются слова «святой» и «подобный Христу». Мы процитируем ниже предостережение, сделанное Им в адрес одного из Своих сыновей, где чётко изложены стандарты поведения, живым воплощением которых Он был:

Будь щедр в достатке и благодарен в невзгодах. Будь достоин доверия ближнего своего и взирай на него добрым и открытым взглядом. Будь сокровищем для бедного, увещателем для богатого, ответом на призыв нуждающегося, хранителем святости

своего ручательства. Будь беспристрастен в суждении и осмотрителен в речи. Ни к кому не будь несправедлив, но являй совершенную кротость ко всякому человеку. Будь светочем для блудящих во тьме, радостью для скорбящих, родником для томимых жаждой, приютом для бедствующих, другом и заступником жертв угнетения. Пусть чистота и праведность отличают все деяния твои. Будь домом для странника, бальзамом для страждущего, надёжной крепостью для беженца. Будь очами для слепого и путеводным светом для заблудшего. Будь украшением для лица истины, венцом для чела верности, столпом в храме праведности, дыханием жизни для тела человечества, знаменем воинств справедливости, светилом на небосклоне добродетели, влагой для почвы сердца человеческого, ковчегом в океане знания, солнцем на небесах щедрости, самоцветом в диадеме мудрости, ярким светилом на небесной тверди твоего поколения, плодом на древе смирения.[297]

Безупречная согласованность между словами и действиями Бахауллы была заметна во всём. Например, Он увещевал Своих последователей соблюдать законы и указы должным образом учреждённых правительств (за исключением некоторых чрезвычайно важных аспектов свободы совести — например, бахаи не может отречься от веры, даже чтобы спасти свою жизнь).^{*} Бахаулла утверждал этот принцип и в Собственной жизни, даже ценой огромного риска.

Один такой случай имел место в Адрианополе, накануне Его заточения в крепости Акка, когда несколько иностранных дипломатов уговаривали Его бежать и предлагали Ему убежище в собственных странах. Отвергнув их совет, Он подчинился императорскому указу, отлично зная при этом, что

^{*} Секретарь Шоги Эффенди в письме, написанном от его имени, формулирует позицию бахаи следующим образом:

Мы должны подчиняться во всех случаях, за исключением тех, когда речь идёт о духовных принципах, — например, когда нас заставляют отринути нашу веру. За эти духовные принципы мы должны быть готовы умереть.

Акка во многих отношениях хуже, чем пресловутая тегеранская «Чёрная яма».

Через много лет после этого, когда губернатор Акки (к тому времени уже передавший своего сына в семью Бахауллы для образования и нравственного руководства) просил Его оставить тюрьму, обещая принять на себя полную ответственность за это, Бахаулла упорно отказывался, считая, что такое действие будет противоречить указу султана. Хотя Бахаулла всем сердцем любил красоту сельской местности, а внутри тюремных стен не росло ни единой травинки, Он добровольно оставался в плену в течение многих лет после того, как первоначальный приговор стал никому не нужным клочком бумаги. Он согласился, наконец, оставить тюрьму только на закате Своей жизни, когда стало очевидно, что ни султан (кстати, уже сменившийся, к тому времени), ни кто-либо другой среди властных структур не возражает против Его освобождения.

Бахаулла провёл последние годы жизни в загородном особняке Бахджи в Акке, в окружении живописной природы, которую Он так любил. К этому времени Вера бахаи значительно выросла численно, и община верующих готова была предоставить в Его распоряжение значительные средства. Тем не менее, Он продолжал вести крайне аскетичный образ жизни, почти не расходуя денег на личные нужды и вкладывая поступающие пожертвования в развитие Веры и помощь бедным в Акке. Бахаулла и Его семья проявляли такую щедрость, что сами нередко вынуждены были обходиться без вещей, которые в других домах считались бы совершенно необходимыми. Таким образом, Бахаулла завершил Свою жизнь с той же заботой о нуждающихся, что отмечала Его молодые годы.

Как уже упоминалось ранее, многие мусульманские и христианские священнослужители изображали Бахауллу эгоистичным шарлатаном. Было бы крайне несправедливо, однако, утверждать, что всё духовенство, без исключения, выказывало враждебность по отношению к Вере бахаи и её Основателю. Отбрасывая богословские различия в сторону, многие воздавали должное чистоте и героизму жизни Бахауллы. Одним из таких священников был преподобный Т. К. Чейни (Т.К. Cheyne, уже упоминавшийся выше), который тщательно исследовал жизнь Бахауллы и затем изложил свои выводы в книге «Примирение рас и религий»:

Относительно недавно жил на свете человек столь безупречно совершенный, что многие полагают допустимым и даже неизбежным мистически связать его с незримой Божественной Суц-

ностью... Если и был в последнее время какой-то пророк, то в поисках него мы должны обратиться к Бахаулле. Финальный арбитр в данном случае — личные качества. Бахаулла был человеком высшей категории — категории пророков.[298]

Богослов-небахаи Альфред У. Мартин (Alfred W. Martin) отлично суммировал все эти мнения в своей книге «Сравнительное религиоведение и религия будущего». Он пишет, что с момента своего создания Вера бахаи:

...Была связана с Бахауллой, который согласился ради Своей веры на длительное изгнание, лишение свободы, телесные страдания и душевные муки, — будучи при этом человеком весьма выдающимся, как мы видим из Его трудов, всегда стремящимся к высочайшему нравственному идеалу и глубокой духовности, одарённым той же способностью, которая так бросается в глаза в характере Иисуса, — способностью смотреть на людей с идеальной точки зрения, то есть видеть в них всё только лучшее и заставлять даже самые низменные натуры подняться в собственных глазах, увидев в себе возможности, на которые Он им указал, но которых они ранее совершенно не осознавали. Это был пророк, наибольший вклад которого был не в том, что Он провозгласил некую доктрину, а в том, что Он вдохнул в мир, примером Собственной жизни, духовную силу, которая оживила души и подтолкнула их к новым духовным подвигам.[299]

Что мы можем сказать в этом отношении касательно Баба и Абдул-Баха? Формат данной книги исключает любую попытку представить здесь даже поверхностный очерк Их жизни. Читатель может почерпнуть факты об Их биографиях во множестве великолепно написанных книг. Я могу, однако, процитировать здесь мнение уважаемых наблюдателей, которые были знакомы с этими фактами, и которых трудно обвинить в пристрастном их освещении, тем более что сами эти авторы не были бахаи.

Баб

Что касается нравственного облика Баба, то независимые историки демонстрируют здесь единодушное согласие. «Разве можно остаться равнодушным перед кротким духом [Баба]? — спрашивает Э. Г. Браун. — Перед его жизнью, наполненной скорбями и преследованиями; перед безупречностью его поведения и его молодостью; перед его мужеством и безропот-

ным терпением в несчастьях... Но более всего пробуждает наши симпатии к молодому Пророку из Шираза его трагическая смерть. Неотразимое очарование, благодаря которому он пробуждал такую преданность при жизни, не увяло и после его смерти...»[300]

Сэр Фрэнсис Янгхазбенд, в своей книге «Проблеск» (Francis Younghusband, The Glean), пишет:

История Баба... — это рассказ о непревзойдённом духовном героизме... Страстная искренность Баба не может вызывать никаких сомнений, ибо он отдал за свою веру жизнь. Значит, что-то такое есть в его послании, что привлекает людей и удовлетворяет потребности их душ, ибо тысячи уже отдали свои жизни за его дело и миллионы теперь стали его последователями. Если молодой человек мог, всего за шесть лет служения, благодаря искренности своей цели и привлекательности своей личности, так вдохновить богатых и бедных, культурных и неграмотных... его жизнь должна быть одним из тех событий, случившихся в последние сто лет, которые действительно достойны изучения.[301]

А. Л. М. Николя, известный французский историк, который тщательно исследовал эпизод Баба, пишет:

Это один из великолепнейших образчиков мужества, которые человечеству посчастливилось увидеть... Он пожертвовал собой ради человечества, во имя блага людей отдал он и тело своё, и душу, ради них претерпел он лишения, пытки, оскорбления и мученическую смерть. Он наложил, собственной кровью, печать на завет всеобщего братства. Подобно Иисусу он заплатил жизнью за провозглашение царства согласия, справедливости и братской любви. Более, чем кто-либо другой, он знал, какие страшные опасности он обрушивает на себя... но никакие эти соображения не могли ослабить его решимость. Страх не был властен над его душой, и он, в совершенном спокойствии, никогда не оглядываясь назад, в полном расцвете своих сил, вошёл в эту адскую печь.[302]

Абдул-Баха

Абдул-Баха, более доступный для западных наблюдателей, чем Баб или Бахаулла, удостоился множества подобных свидетельств. Вместо того, чтобы цитировать несколько коротких впечатлений, я решил перепечатать один умеренно длинный отрывок, принадлежащий перу Майрона Х. Фелпса, видного нью-йоркского адвоката, который не был бахаи, но посетил Акку в декабре 1902 г. Фелпс записал свои впечатления и наблюдения в книге об Абдул-Баха, названной «Аббас Эффенди: его жизнь и учение». Один отрывок описывает типичное собрание палестинской бедноты — «толпы людей в лохмотьях». Фелпс продолжает:

Это примечательное собрание. Многие из этих людей слепы; ещё большее число — бледные, истощённые или в преклонном возрасте... Большинство женщин закутано с головой, но мы видим достаточно, чтобы догадаться: если завесы будут сняты, откроется ещё больше боли и страданий. Некоторые из них держат на руках младенцев со сморщенными и жёлтыми личиками. Здесь собралось около сотни взрослых и множество детей. Здесь выходцы из всех рас, встречающихся на этих улицах, — сирийцы, арабы, эфиопы и многие другие.

Они прислонились к стенам или сидят на земле и, по видимому, чего-то ждут; чего же? Давайте подождём вместе с ними.

Проходит не так уж много времени. Дверь открывается, и выходит человек. Он среднего роста, крепкого телосложения. Он носит светлые одежды. На голове у него коричневая феска, обёрнутая вокруг белой тканью. Ему, пожалуй, около шестидесяти лет. Его длинные седые волосы лежат у него на плечах. Лоб широкий, чистый и высокий, нос с лёгкой горбинкой, усы и борода почти белого цвета, последняя густая, но не чрезмерно. Глаза серо-голубые, большие, одновременно мягкие и пронизательные. Манера поведения простая, но в его движениях есть элегантность, достоинство и даже величие. Проходя через толпу, он произносит слова приветствия. Мы не понимаем, что он говорит, но видим доброту и сострадание на его лице. Он останавливается на углу улицы и жестами созывает к себе людей. Они бросаются к нему с несколько чрезмерной настойчивостью. Он мягко толкает их назад и велит им подходить по одному. Приближаясь, они в ожидании протягивают к нему руки. В каждую открытую

ладонь он вкладывает несколько мелких монет. Все эти люди знакомы ему. Он гладит их по лицу, по плечам, по голове. Некоторых он останавливает и задаёт вопросы. Пожилого негра, который еле ковыляет к нему, он встречает каким-то любезным вопросом; широкое лицо старика расплывается в солнечной улыбке, его белые зубы блестят на фоне эбонитовой кожи, и он что-то отвечает. Он останавливает женщину с младенцем и нежно гладит ребёнка. Проходя мимо, некоторые целуют ему руку. Каждому он говорит: «Мархаба, мархаба» — «Молодец, молодец!»*

Так, постепенно, все они проходят мимо. Дети топают вокруг него с протянутыми руками, но им он ничего не даёт. Тем не менее, в конце концов, когда он поворачивается, чтобы уйти, он бросает горсть медяков через плечо, и они все бросаются собирать раскатившиеся монеты.

В течение всего этого времени наш друг бедных не остаётся без присмотра. Несколько мужчин, одетых в красные фески, с серьёзными и любезными выражениями на лицах, вышли следом за ним из дома, стояли рядом с ним и помогли регулировать толпу, а теперь, с благоговением и на почтительном расстоянии, уходят вместе с ним прочь. Когда они обращаются к нему, они называют его «Хозяином».

Эту сцену вы можете увидеть на улицах Акки почти в любой день года. Бывают и иные сцены, происходящие только в начале зимнего сезона. В холодную погоду, которая неумолимо приближается, бедные будут страдать, ибо, как и во всех прочих городах, они одеты скудно. При наступлении этого сезона, если вас известили о месте и времени, вы можете увидеть, что бедняки Акки собрались в одном из магазинов, торгующих одеждой, получая из рук Хозяина пальто. Многим, особенно наиболее немощным или калекам, он сам помогает одеться, поправляя одежду своими руками, и одобрительно гладит её, как бы говоря: «Ну вот! Теперь у тебя всё будет хорошо». В Акке пятьсот или шестьсот бедных, и каждому из них он ежегодно даёт тёплую одежду.

* Описывая подобный случай, Коринн Тру (Corinne True) указывает, что *«благотворительность Абдул-Баха распространялась только на по-настоящему нуждающихся: ...время от времени мы видели, что Он отсылал кого-нибудь с пустыми руками, делая ему выговор за его лень».* (Приводится в книге: Хоннолд. «Истории из жизни Абдул-Баха» (Vignettes from the Life of 'Abdu'l-Baha), № 53, стр. 80.)

В праздничные дни он посещает бедных у них дома. Он беседует с ними, расспрашивает их о здоровье и комфорте, упоминает по имени тех, кто отсутствует, и оставляет для всех подарки.

И конечно, он помнит не только о нищих. Тем respectable-ным беднякам, которые не могут просить, но должны страдать в безмолвии,— тем, чей каждодневный труд не способен поддерживать их семьи,— он посылает хлеб тайно. Его левая рука не знает, что делает правая.

Все его знают и любят,— богатые и бедные, молодые и старые,— кажется, что даже младенец на руках у матери с восторгом приветствует его. Если он прослышит о том, что где-то в городе есть больной, будь то [мусульманин] или христианин, или человек любого другого вероисповедания, это не имеет значения,— он каждый день будет сидеть у их постели, или пошлёт вместо себя верного человека. Если требуется врач, а пациент беден, он приведёт или пришлёт требуемого специалиста, а также необходимые лекарства. Если он обнаруживает протекающую крышу или разбитое окно, угрожающее здоровью, то вызывает рабочего и самолично следит за тем, чтобы ремонт был выполнен как следует. Если кто-то в беде — если чей-то сын или брат попал в тюрьму, или находится под угрозой судебного преследования, или попал в иное затруднительное положение, слишком тяжёлое для него,— он тотчас же обращается за советом или помощью к Хозяину. На самом деле, за советом все приходят к нему, и богатые, и бедные. Он словно добрый отец для всех...

На протяжении более чем тридцати четырёх лет этот человек был пленником в Акке. Но его тюремщики стали ему друзьями. Губернатор города и командующий армейским корпусом уважают и чтут его, как будто он их брат. Ничьё мнение или рекомендации не имеют в их глазах большего веса. Его любит весь город, и аристократы, и люди низкого звания. И как могло бы быть иначе? Ибо для этого человека непреложный закон, как это было для Иисуса из Назарета, отвечать добром всем, кто ранит его. Разве слышали мы ещё о ком-то в тех землях, где славят имя Христа, кто бы жил по этой заповеди?

Послушайте, как он относится к своим врагам. Довольно привести здесь лишь один из случаев из всех тех, о которых я слышал.

Когда Хозяин приехал в Акку, жил там один человек из Афганистана, суровый и жёсткий [мусульманин]. Для него Хозяин был еретиком. Он был настроен к Хозяину весьма враждебно, лелеял в себе это чувство и настраивал против него всех вокруг. Когда ему предоставлялась возможность осудить его публично,— например, в мечети,— он делал это в самых суровых выражениях.

«Этот человек,— обращался он ко всей аудитории,— самозванец. Зачем вы разговариваете с ним? Почему вы имеете с ним какие-то дела?» И когда он проходил мимо Хозяина на улице, то старательно закрывался подолом одежды, чтобы его взор не был осквернён.

Так поступал афганец. Хозяин, однако, поступал иначе. Афганец был беден и жил в мечети; он часто нуждался в пище и одежде. Хозяин посылал ему и то, и другое. Тот принимал эти дары, однако не выражал за это никакой благодарности. Однажды он заболел. Хозяин отвёл его к врачу, накормил его и дал лекарства и деньги. Всё это он тоже принял; но, протягивая одну руку врачу, чтобы тот мог пощупать у него пульс, другой он держал плащ перед своим лицом, чтобы случайно не взглянуть на Хозяина. Двадцать четыре года Хозяин неуклонно являл свою доброту, тогда как афганец упорствовал в своей враждебности. Наконец, в один прекрасный день афганец пришёл к двери Хозяина и упал, каясь и плача, к его ногам.

«Прости меня, господин! — вскричал он,— двадцать четыре года я делал тебе зло, и двадцать четыре года ты являл свою доброту ко мне. Теперь я понял, насколько я был не прав!»

Хозяин велел ему подняться, и они стали друзьями.

Хозяин настолько же прост, насколько велика его душа. Он ничего не просит для себя лично — ни комфорта, ни почестей, ни покоя. Ему хватает трёх или четырёх часов сна; всё остальное время и все свои силы он отдаёт ради помощи тем, кто страдает,— духовно или телесно. «Я,— говорит он,— слуга Божий».

Таков Аббас Эффенди, Хозяин Акки.[303]

Мы должны помнить, что помимо неустанных благотворительных трудов Абдул-Баха посвящал много часов каждый день написанию писем, проведению собраний, ведению переговоров, руководству делами Веры по всему миру, строительству — часто своими руками — Гробницы Баба, а также разработке подробных планов расширения Веры бахаи, заглядывающих в XXI век и даже ещё дальше. Когда началась Первая мировая война,

Он запустил несколько медицинских и сельскохозяйственных проектов по оказанию помощи населению в Палестине, что позволило предотвратить массовый голод. Это служение было отмечено званием, которое Он никогда впоследствии не использовал: «Сэр Абдул-Баха, рыцарь Британской империи». Когда война подходила к концу, Хайфа оставалась в руках турок, которые поклялись распять Абдул-Баха и всю Его семью на горе Кармель. Когда британские войска генерала Алленби ворвались в этот регион, тот первым делом пошёл за советом к Абдул-Баха, а затем телеграфировал своему удивлённому начальству в Лондоне: *«Сегодня захватил Палестину. Сообщите миру, что Абдул-Баха в безопасности»*. [304]

Абдул-Баха был человеком, Который мог — и часто делал это в буквальном смысле, — отдать человеку последнюю рубашку. Много раз люди видели, как Он отводит в сторону какого-то нуждающегося прохожего или беспризорника, а затем отдаёт изумлённому человеку некоторые детали Своей одежды: халат, плащ, пальто, иногда даже брюки. Когда Он умирал в 1921 году, его дочь хотела сменить Ему ночную рубашку, и обнаружила, что Он одет в единственную, которая у Него есть, — все остальные Он уже раздал бедным. На Его похороны собрались, в едином и искреннем порыве, все религиозные, этнические и культурные сообщества Хайфы, и это событие почти наверняка было крупнейшим публичным шествием за всю историю города.

Рассказывать о ком-то, цитируя самые яркие моменты его жизни и личные впечатления окружающих о нём, — в лучшем случае сомнительный метод. Мы рискуем в этом случае дать однобокую картину и только запутать читателя. Изложенные мной истории предназначены, в первую очередь, для того, чтобы подогреть ваше любопытство и побудить вас провести независимые исследования. Любой интересующийся человек легко сможет найти множество хорошо документированных биографических материалов о жизни Центральных фигур Веры бахаи.

Один всемирно известный эксперт по нравственному развитию как-то раз сказал: *«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?»* [305] Моя убеждённость в том, что Баб, Бахаулла и Абдул-Баха вели жизнь исключительно возвышенную и были почти что уникальными воплощениями добра и благородства, вряд ли сама по себе приведёт меня к выводу, что Они были каналами Божественного руководства. Однако без такой убеждённости я наверняка остался бы равнодушным к любым чисто логическим умозаключениям или свидетельствам, — пророчествам, научным открытиям, врождённому знанию, завораживающему личному магнетизму и тому подобным вещам. Тот, чьё сердце тронут

красотой Их жизнью, и кто не только понимает, но и чувствует кристально-прозрачную гармонию Их слов и действий,— только такой человек, я готов держать пари, будет склонен принимать всерьёз любые другие доказательства Их вдохновлённости свыше. И при этом неважно, насколько убедительны или сенсационны эти доказательства окажутся.

Божественное Слово

В этой главе мы размышляли об утверждении Бахауллы, что Божоявление есть доказательство Сам по Себе. Мы изучили два потенциально полезных способа понять это заявление: во-первых, что Божоявление должен однозначно производить сильное впечатление на тех, кто сталкивается с Ним, и, во-вторых, что Он должен отличаться безупречным характером и железно следовать Собственным правилам. Бахаулла превосходно соответствует как первому пункту, так и второму.

В своих Писаниях, однако, Бахаулла расширяет эту идею. Он утверждает, что как Божоявление есть, Сам по Себе, доказательство для тех, кто знает Его, так и Его божоявленное слово есть доказательство для тех, кто читает Писания и размышляет над ними. Эта интригующая концепция требует пристального внимания. Из всех доказательств, предложенных Бахауллой, именно к Его письменному наследию у нас имеется самый непосредственный доступ. Только его мы можем увидеть непосредственно, собственными глазами, без необходимости полагаться на данные, собранные историками, биографами, учёными, литературоведами и другими подобными личностями. Что же, в таком случае, Он имеет в виду, когда говорит нам, что Слово Божие — доказательство само по себе?

Мне кажется, Он хотел сказать следующее: слова, которые нисходят на Посланника Божиего благодаря откровению свыше, отличаются от человеческих произведений определёнными характеристиками — характеристиками, которые мы, как человеческие существа, можем различить, но никогда не сможем воспроизвести, и никакое наше подражание им не будет достоверным. Доказательство Божественного Слова — в нашей беспомощности создать что-либо подобное.

«Никакой ветер не может сравниться с ветрами Божественного Откровения, тогда как Слово, изречённое Богом, блистает и светит, как Солнце среди книг человеческих. Благо тому, кто обнаружил и признал его...».[306]

Он, Царь небесный, провозгласил, что стихи Книги Его неоспоримо превосходят всякое прочее подтверждение Его истины. Ибо в сравнении с иными доказательствами и знаками Богооткровенные стихи сияют, как солнце, а все прочие суть не более, чем звёзды. Для народов мира они являют непреходящее свидетельство, неопровержимое доказательство, сияющий свет совершенного Царя. Их превосходство неоспоримо, их достоинство непревзойдённо. Они суть сокровищница Божественных жемчугов и хранилище Божественных тайн... Ими движима река Божественного знания и зажжён огонь Его предвечной и совершенной мудрости.[307]

Каковы же эти свойства богоявленного Слова, которые не может повторить ни один автор-человек? Бахаулла определяет две характеристики, которые переводят Слово Божие в совершенно отдельную категорию и отделяют их от слов обычных людей:

- 1) его созидательная сила, способность стимулировать духовный рост,— сила, отличающаяся от всего прочего во Вселенной как количественно, так и качественно;
- 2) его безгранично глубокий смысл.

Созидательная сила

Слово Божие, как объясняет Бахаулла, это внешняя форма внутренней реальности — та самая таинственная духовная энергия, что высвобождается в мире, когда Бог говорит через Своё Проявление. Эта небесная сила, направляемая через Богоявление и выражаемая через Его слова, столь же совершенно отражает все атрибуты Бога — знание, любовь, справедливость, господство и бесконечность — как и собственная Личность Богоявления.

Мы уже говорили о концепции Бахауллы касательно косвенного влияния Откровения — духовной энергии, наполняющей весь мир, когда Бог открывает Себя людям. Нас, однако, интересует здесь не этот косвенный эффект. Нам интересна скорее та созидательная сила, с помощью которой, как говорит Бахаулла, Слово Божие непосредственно действует на тех, кто обращается к нему и открывает себя его влиянию:

Пой, о слуга Мой, от Бога стихи, полученные тобой, как поют их те, кто близок к Нему, дабы сладость напевов твоих возожгла твою душу и привлекла сердца всех людей. Кто б ни читал в тиши

своих стен Богоявленные стихи, ангелы-вестники Вседержителя разнесут повсюду ароматы слов, речённых устами его, и заставят сердце всякого праведника трепетать. Пусть вначале не будет заметно ему воздействия сих слов, но по данной ему благодати отзовутся они в своё время в душе его. Сим раскрываются тайны Божиего Откровения по Воле Того, Кто есть Исток силы и мудрости.[308]

Такие притязания, конечно же, звучат не только в Откровении Бахауллы. В Ветхом Завете Бог говорит:

Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает её способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест,— так и слово Моё, которое исходит из уст Моих,— оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его.[309]

Иисус формулирует это весьма просто: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь».[310] Бахаулла уподобляет Божественное слово «хлебу с небес», «живительной влаге» и солнечному свету, которые заставляют семя человеческого сердца идти в рост и набирать силу. Касательно его влияния на развитие личности Он говорит:

Чрез Учение сего Дневного Светила Истины всякий человек будет совершенствоваться и расти, пока не достигнет положения, что позволит ему проявить все скрытые силы, коими наделена его истинная внутренняя сущность.[311]

Теперь рассмотрим второй отличительный признак Божественного Слова:

Сокровенные тайны

Бахаулла утверждает, что Слово Божье скрывает не только бесконечные созидательные силы, но и бесконечные смыслы: «Знай же доподлинно... что смысл Слова неисчерпаем вовеки».[312]. Каждое из Богоявленных высказываний, учит Он, можно воспринять на бесчисленных уровнях, а в пределах каждого уровня есть бесчисленные следствия из него,— некоторые завуалированные, другие очевидные.

В Своих Собственных комментариях к предыдущим Писаниям Бахаулла часто возвращается к этой теме. Так, Он пишет касательного одного стиха из Евангелия: *«А теперь сей слуга поделится с тобой каплей из бездонного океана истин, сокрытых в сих священных словах...»*[313] Затем Он на нескольких страницах раскрывает цели и намерения, заложенные автором в эту единственную фразу. Касательно аналогичного стиха из Корана Он говорит: *«Когда бы изъяснили Мы внутренний смысл его и раскрыли его сокровенные тайны, то не хватило бы и вечности, дабы исчерпать их значение, и Вселенная была бы не в силах внять им».*[314] Наконец, что касается Его Собственных слов, Он делает следующее поразительное утверждение:

Моё святое, Моё явленное свыше Откровение можно сравнить с океаном, в глубинах коего таятся бесчисленные жемчужины великой ценности и несравненного блеска. Долг всякого ищущего — воспрянуть и устремиться к берегам сего океана, дабы, соразмерно рвению в сих поисках и усилиям своим, приобщиться к тем благам, что предопределены в непреложных и сокровенных Скрижалях Божиих.[315]

Более того, ни один ищущий не обязан ограничиваться лишь «берегами сего океана», ибо в другом месте Бахаулла пишет: *«Погрузитесь в океан Моих слов, дабы разгадать его тайны и распознать все жемчужины мудрости, что сокрыты в его глубинах».*[316]

Ныряя в Божественный Океан

Когда мы ныряем в настоящий океан в поисках жемчуга, мы обретаем там не только жемчуг: мы также прикасаемся к силе и красоте самого океана. То же самое относится и к «жемчужинам мудрости», обретаемым в символическом Океане Откровения, — *«Океане, Чьи воды, по Воле Божией, освежают души людские».*[317] Ища более глубокие смыслы и неочевидные следствия, вытекающие из содержащихся в Писаниях Бахаулла утверждений, мы непосредственно испытываем их оживляющую силу. Мы никогда не сможем почувствовать этого воздействия, если всего лишь скользнём по поверхности, — Бахаулла чётко даёт это понять в следующей молитве:

Не сочти меня среди тех, кто читает слова Твои, но не в силах отыскать Твой сокровенный дар, который, как предписано Тобой,

содержится там, и который оживляет души созданий Твоих и сердца Твоих слуг.[318]

Что это означает в практическом плане для ищущего, который стремится определить, откуда исходят слова Бахауллы,— от Бога или от человека? Всё просто: погрузитесь в самостоятельное изучение Его Писаний! Не полагайтесь на мнения, толкования и комментарии отдельных бахаи: идите непосредственно к источнику. Читайте Бахауллу с открытой душой и открытым сердцем; загляните под поверхностный слой, чтобы определить, действительно ли Его слова содержат «скрытые жемчужины» смысла; если вам покажется, что так и есть, то исследуйте эти глубинные смыслы и размышляйте о них. Это ни в коем случае не означает, что любой ищущий должен начать с того, чтобы уверовать в Бахауллу; в конце концов, именно этот момент мы и пытаемся выяснить,— можно Ему верить или нет. Не означает это и того, что неподвзятый читатель должен обязательно согласиться со всем, что говорит Бахаулла. Если в какой-то момент человек убедится в дарованной свыше власти Бахауллы, то, логически рассуждая, он должен уверовать и в Его учение,— но исследователь не обязан давать таких обязательств. Дело не в том, чтобы согласиться,— мы стремимся к тому, чтобы понять; и, в поисках такого понимания, мы пытаемся ощутить, способно ли это учение принести нам духовную трансформацию.

Покойный доктор Даниэль Джордан (Dr Daniel C. Jordan), психолог и педагог-бахаи, написал прекрасную статью «Обретение истинного "Я"» (Becoming Your True Self), в которой он анализирует этот процесс трансформации. Он подчёркивает один особенно важный момент:

Именная личная трансформация и есть истинная причина того, что люди тянутся к вере, стремятся обрести убеждение в её истинности и, наконец, стать бахаи. Причина этого проста. Люди, вступающие в контакт с Верой и чувствующие, как она меняет их, получают цепочку положительной обратной связи. Никто не сможет отнять у них приобретённый ими опыт и никакие интеллектуальные аргументы не могут обесценить его или заставить их считать, что испытанные ими чувства незначительны или нереальны. Чувствовать, как ты становишься лучше и достигаешь вершины того, чем ты мог бы стать,— разве не в этом высочайшее счастье? Это укрепляет чувство собственного достоинства, устраняет необходимость проявлять враждебность к окружающим и гарантирует воспитание в человеке эм-

патического сострадания; всё это — предпосылки всепланетного единства и мира во всём мире.[319]

Погружаться в «океан» Писаний Бахауллы легко,— но, тем не менее, это требует определённых усилий. Бахаулла, в процитированном выше отрывке, говорит, что человек обретёт от этого погружения выгоды *«соразмерно рвению в сих поисках и усилиям своим»*. Бахаи изучают свои Священные Тексты всю жизнь. Эта задача требует, среди прочего, готовности принимать новые идеи, и по мере того, как растёт их понимание, отбрасывать дорогие нашему сердцу предрассудки и неправильные представления. Шоги Эффенди пишет:

Чем больше мы читаем Писания, тем больше истин мы можем найти в них и тем чаще мы обнаруживаем, что наши прежние представления были ошибочны.[320]

Как именно каждый из нас будет вести это исследование, неизбежно зависит от наших интересов и духовных наклонностей. Например, тот, кто уже верит в Бога и чувствует потребность в молитвенном обращении к Нему, может попробовать воспользоваться явленными Бахауллой молитвами. На сегодня переведено уже несколько томов этих молитв, охватывающих все мыслимые потребности и темы — молитвы для прозрения, для духовного развития, о помощи и содействии, молитвы хвалы и благодарения, для знаменательных событий, для друзей и семьи и для бесчисленного множества других целей. Бахаи могут молиться и своими словами, но они считают, что молитвы Бахауллы, будучи явлены свыше, обладают особым потенциалом, с которым не может сравниться ни одна человеческая речь. Агностик или атеист, с другой стороны, наверняка использует другой подход, поскольку было бы лицемерием обращаться к существу, в которого ты не веришь. Скорее всего, он будет просто размышлять над Писаниями. Сам Бахаулла утверждает, что *«один час такого размышления лучше, чем семьдесят лет благочестивого поклонения»*. [321]

Можно выбрать определённую тему — жизнь после смерти, мир во всём мире, природу Бога или любой другой предмет, который вас интересует,— и исследовать, что именно Бахаулла говорит о нём, сведя воедино Его заявления из разных источников. [Поиск по ключевым словам в современных компьютерных компиляциях Писаний предоставляет для этого обширные возможности.— Прим. перев.] Используя такой способ, нередко можно прийти к внезапному озарению, когда ты вдруг понимаешь, что, казалось

бы, не связанные друг с другом заявления, на самом деле, имеют прямое отношение к некоторой проблеме. Или можно взять конкретную книгу Бахауллы и изучить её от корки до корки, — такой метод отлично подходит, например, для «Книги Несомненности», где Бахаулла раскрывает символическое значение старинных пророчеств; можно взять также Его «Сокровенные Слова», излагающие основы добродетельного характера и духовного развития; «Семь долин», где Он определяет смысл истинного мистицизма; или Его «Послание к Сыну Волка», в котором Он вспоминает о событиях Своей жизни и представляет мини-антологию Своих ранних работ. Имеется также ряд сборников Его самых важных писем и эссе. Не столь важен подход, как приложенные усилия, ведь Бахаулла обещает помощь свыше любому человеку, искренне пытающемуся отыскать правду: *«По стезям Нашим, — цитирует Он Коран, — Мы, без сомнения, поведём его»*. [322]

Если Бахаулла действительно олицетворяет Глас Божий, то путём такого эксперимента, действуя непредубеждённо и с разумной толикой терпения, мы должны достаточно скоро почувствовать ту сверхчеловеческую силу и то могущество, которыми, как Он утверждает, наделены Его слова: *«Пусть вначале не будет заметно ему воздействия сих слов, но по данной ему благодати отзовутся они, в своё время, в душе его»*. Лично проверив это обещание, мы получим самое непосредственное и важное свидетельство на пути к нашей цели.

Община бахаи

Хотя личный опыт и самоанализ — лучшие способы убедиться в созидательной силе любого предполагаемого Откровения, их нельзя назвать единственными. Следовало бы ожидать, что столь масштабное явление будет иметь, в том числе, и некие социальные последствия, которые мы можем исследовать эмпирически. *«Такова, — говорит Бахаулла, — связующая сила Слова Божиего, что объединяет она сердца тех, что отрешились от всего, кроме Него...»* [323]

Это утверждение может вызвать удивление. Существует мнение, модное в некоторых кругах, что религия есть основная причина войн в мире, разобщённости и нетерпимости; что любые шаги на пути развития человечества делались не благодаря, а вопреки религии; и что обществу действительно было бы куда лучше без неё. Бахаи решительно заявляют, что всякий раз, когда религия перестаёт быть источником любви и единства, её существование становится бессмысленным; они считают, что главная цель религии — воспитание любви и единства. Вопрос в том, удаётся ли ей это, или правы циники, утверждающие противоположное?

Бахаи ответили бы на это, что религия служит объединяющей силой до тех пор, пока её сторонники остаются верными принципам и духу Богоявления, создавшего её. Истинная религия — это не только и не столько величественные здания; это не просто официальное вероисповедание и обряды; это куда больше, чем хоры или витражи, или любой другой из внешних атрибутов, которые мы привыкли ассоциировать с ней. Все эти вещи сами по себе не плохи,— но важно понимать, что они не составляют внутреннюю суть религии. *«Суть религии,— говорит Бахаулла,— свидетельствовать о том, что явил Господь, и следовать тому, что предписано Им в Его могущественной Книге».*[324] Если пренебречь религиозными учреждениями, а вместо этого обратиться к историческим следствиям возникновения мировых Священных Книг, что же мы увидим?

С безошибочной ясностью перед нами предстанет тот факт, что эти Книги — все вместе, как феномен,— играли роль самой мощной объединяющей и цивилизующей силы в человеческой истории. Каждая мировая религия начиналась во мраке безызвестности со слов некоего никому не ведомого человека,— Христа, Будды, Мухаммада и так далее,— Который утверждал, что был избран рупором невидимого Высшего Разума. Затем учение Основателя оформлялось в книгу, которая становилась объединяющим фактором для своего религиозного сообщества. Каждая религия медленно росла, обычно в течение нескольких столетий, всегда преодолевая жестокое сопротивление, чтобы затем утвердиться в качестве основной силы в обществе. Каждая из них, в процессе своего развития, объединяла сотни ранее враждебных племён, народностей, культур и культов, требуя от своих членов верности более высоким идеалам и воспитывая в них дух братства под сенью единого Бога. Этот объединяющий импульс всегда порождал новую цивилизацию, более прогрессивную, чем все бывшие ранее.

Эти повторяющиеся циклы — непреложный исторический факт. Более того — это центральный, важнейший исторический факт. К сожалению, каждый цикл включает не только стадию восхождения, но и упадка. Упадок начинается в тот момент, когда человечество теряет связь с чистым источником Учения Основателя религии. Проповеднический энтузиазм сменяется акцентом на соблюдении обычаев и самоуспокоенностью. Затем во имя Христа начинают организовываться крестовые походы и разжигаются костры инквизиции, хотя Сам Он велел *«подставлять другую щёку»*[325] и *«вложить меч в ножны»*[326]. Во имя Мухаммада ведутся святы войны, а за выход из Ислама по закону начинает полагаться смертная казнь, хотя Он использовал силу только в целях самообороны и решительно заявлял: *«Пусть не будет принуждения в религии».*[327] Именно тогда любой интел-

лектуал, видя упадок веры, может осудить её как источник ненависти и фанатизма.

Именно поэтому, как полагают бахаи, религия и должна периодически обновляться. Это обновление не может произойти путём экуменических движений, обращённых в прошлое и мечтающих вернуть первозданную чистоту своей веры. Почти все такие движения приводят к возникновению лишь ещё одной секты, как правило, более фанатичной и враждебной к «неверным» и «неспасённым». Обновление может прийти только от Бога, только из уст нового Посланника, являющего Свои законы сообразно требованиям новой эпохи и устанавливающего новые принципы, соразмеряя их со степенью готовности к ним человечества.

Какие бы чувства мы ни питали насчёт религии, мы вряд ли можем отрицать, что самые влиятельные книги в истории — это великие религиозные писания: Бхагавад-гита, Упанишады, Зенд-Авеста, Библия, Коран. Именно они, — в несравненно большей степени, чем работы любого светского писателя или философа, — задавали направление развития цивилизации; именно они давали силы миллиардам людей прожить свои жизни достойно. Как однажды выразилась Марзи Гейл (Marzieh Gail): «Сколько существует на белом свете домов, где имелся бы "старый семейный Аристотель?"» Если взглянуть на ситуацию с этой стороны, нам сразу станет очевидно, почему Бахаулла говорил: *«Слово Божие есть царь всех слов, и всеохватное влияние его неизмеримо. Оно всегда правило миром бытия и вечно будет править им»*. [328]

Я предположил выше, что если слова Бахауллы — истинное Откровение свыше, то мы вправе ожидать, что их созидательная сила будет проявляться в наблюдаемых социальных феноменах. Теперь смысл этого заявления должен несколько проясниться. Если Бахаулла есть Тот, Кем Он претендует быть, то нарождающаяся всемирная община бахаи, на самом деле, представляет собой зародыш новой цивилизации, — такой же, какими были когда-то еврейская, христианская и мусульманская общины на соответствующих стадиях своего развития. В этом случае она должна демонстрировать живую сплочённость и эволюционный задор, резко контрастирующие с распадом традиционных общественных формаций в современном мире. Этот феномен может быть не сразу очевиден для стороннего наблюдателя: Арнольд Тойнби отмечает в своей книге «Исследование истории» (Arnold Toynbee. A Study of History), что христианская вера в эллинистическом мире второго века была заметна не больше, чем Вера бахаи в западном мире сегодня. [329] Тем не менее, признаки такого развития, если они существуют, должны быть видны всем, кто сознательно ищет их.

И эти признаки действительно весьма изобильны. Относительная новизна и малочисленность Веры бахаи ещё более ярко высвечивают две её самых ярких характеристики: её этническое разнообразие и её географическую распространённость.

Число различных рас, племён, народностей и этнических групп, представленных в общине бахаи, исчисляется тысячами, причём из-за неуклонного расширения рядов общины все официальные статистические данные устаревают задолго до того, как они могут быть опубликованы. Любая попытка классификации верующих выливается в многостраничные письма мелким почерком, и если мы попытаемся изучить эти страницы, то почти наверняка найдём там любую человеческую подгруппу, о которой мы когда-либо слышали, плюс бесчисленное множество таких, о существовании которых мы даже не подозревали.

Маркус Бах (Marcus Bach), бывший профессор сравнительного религиоведения в Университете штата Айова, решил проверить это разнообразие, посетив разные места на планете:

Куда бы я ни поехал, чтобы исследовать веру под названием «бахаи», я был удивлён тем, что я обнаруживал... Бахаи весьма интригуют меня... Среди них есть все основные культурные и этнические группы со всего мира, и они проникли в самые малоизвестные населённые пункты в отдалённых странах, где даже христианство практически неизвестно... Я встречал их в самых неожиданных местах — в истерзанной войной деревне в юго-восточной Азии, в африканских городах, в промышленном Мехико, среди руководителей крупной промышленной фирмы в Иране, в школах и колледжах разных стран, в американских городах и деревнях, — везде, где люди чувствуют свою причастность к вековой мечте о человеческом братстве под присмотром Бога-Отца... Во всех этих местах есть бахаи.[330]

Как полагает Бах, приверженность бахаи идее разнообразия выходит далеко за рамки статистики: она формирует всю жизнь приверженцев этой веры. Задолго до возникновения движения за гражданские права на американском Юге или упразднения апартеида в Южной Африке общины бахаи в тех местах уже активно продвигали расовую интеграцию и смешанные браки. Вера собрала воедино брахманов и неприкасаемых в разделённой на касты Индии, протестантов и католиков в раздираемой религиозной ненавистью Северной Ирландии, евреев и арабов на Ближнем Востоке. Роберт

Семпл, член Правления пресвитерианской церкви,— один из множества тех людей, от которых можно услышать комментарии, подобные вот этому:

...Трудно также удивляться быстрому росту в христианских странах новой всемирной Веры бахаи, которая также приобретает много приверженцев среди народов Азии и Африки,— ибо эта Вера приводится в движение силой горячей веры в Бога-Отца, в братство всех людей, всех вероисповеданий и рас, и,— это особенно важный момент,— подобно Христианской Церкви в самом её начале, она практикует то, что проповедует.[331]

С этим разнообразием тесно связано удивительное географическое проникновение международной общины бахаи. Британская энциклопедия в своём ежегоднике за 1988 год и в последующих ежегодных изданиях публиковала таблицу сравнительных статистических данных по каждой из важнейших мировых религий. Сообщая, что Вера бахаи — одна из самых малых из них по численности, Британская энциклопедия поместила её на второе место после Христианства по количеству стран, где у неё имеется «значимое число последователей»!

В дополнение к этническому разнообразию и географической распространённости, всемирная община бахаи обладает также рядом других особенностей, которые свидетельствуют о созидательной силе богоявленного слова Бахауллы. Среди них — нерушимое единство административного порядка, через который бахаи, где бы они ни проживали, организуют и координируют свою деятельность. Насколько мне известно, ни одно другое широко распространённое и разнообразное по составу членов религиозное движение не могло сопротивляться разделению на секты и группировки более одного столетия.

Организационное единство, однако,— это просто сосуд для гораздо более важного смыслового наполнения — духовного единения, которое оживляет сердца верующих. Рассмотрим эффект учения бахаи о поступенчатом Откровении. Последователи любой религии,— евреи, буддисты, мусульмане, христиане, индуисты или зороастрийцы,— сплывающиеся вокруг Бахауллы, делают это без ущерба для своих духовных корней. Бахаи христианского происхождения, например, почитают Иисуса и Библию не меньше, чем те, что считают себя, так сказать, «эксклюзивными христианами». Чтобы принять Бахауллу как духовное возрождение Христа, нет необходимости отрицать Христа,— напротив, это означает последовать за Ним в момент Его Второго пришествия. Точно так же бахаи буддистского проис-

хождения не должны отказываться от Будды; бахаи-выходцы из мусульман не предадут Мухаммада, и т. д. Принимая Бахаулла как Обетованного всех религий, приверженцы различных конфессий находят общий язык, в то же время укрепляя и уточняя свои традиционные верования. В результате рождаются мощные узы братства, невозможные в эклектичном или экуменическом движении.

Ещё один признак сплочённости и жизненной силы общины — ощущение общей истории. Историк-бахаи Дуглас Мартин (Douglas Martin) так говорит о гордости, которую верующие-бахаи испытывают в отношении своего наследия. Им есть, что вспомнить,— например, двадцать тысяч мучеников:

Помимо живого интереса к духовным исполинам прежних Откровений, у них есть свои собственные архетипические герои и святые, в честь которых они называют детей, чья жизнь служит нравственным образцом и чьи духовные достижения уже начали постепенно отражаться в произведениях их художников, писателей и музыкантов. Сегодня в этой общей традиции воспитывается, по всему миру, целое поколение японских, итальянских, боливийских, угандийских, канадских и персидских детей.

Например, все они изучают рассказ о матери Ашрафа, юного персидского бахаи. Мать сидела в комнате с женой Ашрафа, которой на тот момент не было ещё и двадцати лет, когда обе женщины услышали шум приближающейся толпы, выкрикивающей антибахаистские лозунги. Прежде, чем они смогли что-то сообразить, кто-то из толпы швырнул в комнату отрубленную голову Ашрафа. Девушка-подросток упала в обморок. Мать, однако, спокойно смыла кровь с головы сына, затем бросила её обратно в толпу со словами, которые бахаи помнят до сих пор: *«То, что мы отдали Богу, мы не принимаем обратно!»*

Ещё одна замечательная особенность жизни общины бахаи — её эффективность в качестве катализатора гармоничных социальных преобразований. Группы бахаи и отдельные верующие, действующие на самом низовом уровне в тысячах населённых пунктах по всей планете, воплощают идеалы Бахауллы в практические программы социально-экономического развития. Их достижения уже завоевали и продолжают завоевывать не только восхищение, но и активную поддержку государственных и частных учреждений, с которыми они координируют свои гуманитарные усилия.

В сочетании с её удивительным разнообразием и географической пространённостью, эти характеристики — духовное и административное единство, чувство исторической общности и решительная приверженность социальным изменениям, — наполняют общину бахаи пульсирующей энергией развития. Чтобы поверить, нужно самому испытать это. Впрочем, даже увидев это воочию, мы можем толковать этот факт любым удобным нам образом; единственное, что у нас уже не получится сделать, — это проигнорировать его или отрицать его реальность.

Исходным пунктом для обсуждения этого вопроса стало учение Бахауллы о том, что Богоявленное Слово есть доказательство само по себе, в силу своих уникальных качеств, одно из которых — его способность порождать новую цивилизацию. Это смелое заявление привело нас к необходимости задаться вопросом: есть ли какие-то факты, подтверждающие мнение бахаи о собственной общине как о ядре и прототипе нарождающегося Нового Мирового Порядка? Разумно ли, учитывая обстоятельства ещё относительно молодой общины бахаи, приписывать её существование и направление её развития тому же духовному импульсу, который породил великие религии и цивилизации прошлого?

Конечно же, доказать это с математической точностью невозможно: социология может быть чем угодно, только не точной наукой. Но как бы мы ни толковали эти знаки, они однозначно указывают на впечатляющее влияние слов Бахауллы как в прошлом, так и в настоящем, причём на всё более широкий круг людей. Шоги Эффенди так резюмирует эту ситуацию:

Вера Бахауллы ассимилировала, благодаря своему творческому, регулирующему и облагораживающему воздействию, все многообразные расы, национальности, вероисповедания и классы, что стремились укрыться под её сенью и поклялись в беззаветной верности её делу. Она преобразила сердца своих приверженцев, сожгла в священном огне их предрассудки, успокоила их страсти, возвысила их представления, облагородила их мотивы, скоординировала их усилия и значительно расширила их кругозор. Поддерживая в них патриотизм и оберегая их чувство верности в менее глобальных аспектах, она воспитала в них любовь ко всему человечеству... Сохраняя в неприкосновенности их веру в Божественное происхождение своих религий, она дала им возможность чётче представить основную цель этих религий, раскрыть их достоинства и признать их преемственность, взаимозависимость, цельность и единство...

...Эта мирообъемлющая система, это многоцветное и сплочённое братство, рождает в каждом привлечённом на свою сторону мужчине и каждой привлечённой на свою сторону женщине такую веру, такую надежду и такую энергию, которые нынешнее своенравное поколение давно уже утратило и совершенно бессильно восстановить. Те, что выбирают ближайшиие направления движения в этом беспокойном мире, те, что несут ответственность за воцарившийся в нём хаос, за его страхи, сомнения и страдания, вполне могли бы, посреди своей растерянности, направить взоры и мысли на доказательства этой спасительной милости Вседержителя, которая находится от них на расстоянии вытянутой руки,— милости, что способна облегчить их бремя, рассеять их недоумение и осветить их путь.[332]

Глава 9

Книга Божия раскрыта

Громкие заявления требуют убедительных доказательств.

— Карл Саган

*О вы, судящие по справедливости!
Если отвергнуть сие Дело, то какое ещё
дело в сём мире можно будет
поддержать или посчитать достойным
приятя?*

— Бахаулла

Никто, как подчёркивается во введении к этой книге, никогда не принимал религию исключительно на основе рациональных доказательств. И никто, конечно же, не должен этого делать. Если сердце не откликается на призыв Пророка с такой уверенностью, которая выходит за рамки слов и логики, если этот призыв не звучит колоколом правды в самой сердцевине вашего бытия,— верить в неё будет и немудро, и неразумно.

Тем не менее, мы можем привести, по крайней мере, две убедительные причины в пользу отыскания логических доказательств религиозной веры. Во-первых, как говорит Абдул-Баха, *«доводы указуют путь, и с их помощью сердце обратится к Солнцу Истины. А когда сердце обратится к Солнцу, откроются очи, и узнают они Солнце через само Солнце»*. [333] Во-вторых, даже после того, как человек достигнет убеждённости в истинности конкретной религии, логические доводы могут подкрепить эту интуитивную уверенность и пролить дополнительный свет на различные частные аспекты веры. Абдул-Баха недвусмысленно призывал верующих: *«...лучше прибегать к разуму, анализировать и логически изучать представленные факты, чтобы родилась уверенность и была обретена вера»*. [334]

Он советовал им *«обретать прочное знание» о Боге и Его Проявлении «на основе доказательств и фактов, а не предположений»*. [335]

Таким образом, мы видим, что к религии следует относиться с тех же позиций, что и к науке. Шоги Эффенди говорил, что Вера Бахаи *«научна в своём методе»*. [336] Вероятно, он имел в виду, что она научна в своём методе поиска истины, поскольку чем ещё занимается наука, как не выяснени-

ем истины? К тому же, «самостоятельный поиск истины» значителен первым принципом Веры бахаи.

Человеку, не врашавшемуся в академической среде, может показаться, что научный метод — это что-то невероятно сложное и утомительное. На самом деле это не так. Научный метод, по большому счёту, — это просто упорядоченный здравый смысл. В главе 3 мы уже говорили об этом. Любой учёный занимается тем, что проверяет какое-то выдуманное им самим или кем-то ещё объяснение («гипотезу») с помощью данных, полученных из опыта. Собирая данные и примеряя их для объяснения какой-то гипотезы, учёный может — и даже должен — пользоваться всеми способностями своего ума и своей психики: делать наблюдения, строить логические конструкции, прислушиваться к своей интуиции и опираться на достойные доверия авторитетные источники. Желательно, чтобы этот процесс был открытым, то есть, чтобы сделанные одним человеком наблюдения мог повторить и проверить другой достаточно квалифицированный человек.

Любой набор фактов, сколь бы обширным он ни был, может быть объяснён совершенно по-разному. Это означает, что на самом деле нельзя стопроцентно доказать ни одну нашу теорию. Поэтому учёные идут от противного — они пытаются, всеми доступными им методами, разрушить эту теорию. Каждый раз, когда гипотеза стойко переносит испытание, которое могло бы её опрокинуть (или, по крайней мере, поставить под сомнение), в нас крепнет убеждение, что она соответствует истине. Если какая-то теория раз за разом с честью выходит из-под огня критики, выдерживая проверки с самых разных сторон, если она увязывает в стройную систему множество ранее казавшихся разрозненными фактов, если она правильно предсказывает новые и неожиданные явления, если она объясняет максимальное количество феноменов самым простым образом, то её вполне можно считать истинной — конечно, пока не появится противоречащий ей факт.

К сожалению, большинство людей вкладывает в слова «научное доказательство» совсем иной смысл. Они почему-то думают, что учёные в своих лабораториях отыскивают абсолютную истину — именно поэтому, например, журналисты часто изрекают фразу «учёные доказали, что...» чуть ли не со священным трепетом. Как только эта фраза звучит, все присутствующие должны, по их мнению, умолкнуть и не перечить. Любой хороший учёный, слыша эту фразу, вряд ли удержится от сарказма. В науке, как и в юриспруденции, можно надеяться доказать гипотезу «с разумной степенью уверенности»; но нам никогда не удастся избавиться от сомнений полностью. Но как только мы привыкнем к этой идее, мы обнаружим, что в ней нет ничего особенно ужасного. Эта мысль может быть освежающей и даже способна

утешить нас: с одной стороны, этот факт позволяет нам следовать нашим убеждениям с высокой степенью уверенности; а с другой, он напоминает нам, очень мягко, что мы всегда должны оставаться открытыми для новых идей и доказательств.

У западной интеллигенции сложилось мнение, — и у верующих, и у скептиков, — что религия и наука несовместимы. Верующие обычно заявляют, что религиозное знание превыше научного, и поэтому любые попытки подвергнуть религиозные убеждения научному анализу приведут только к профанации их высоких и светлых чувств. Скептики придерживаются того же самого убеждения по прямо противоположной причине: они чувствуют, что религиозные постулаты либо имеют характер беспочвенных суеверий, либо настолько размыты и абстрактны, что нельзя придумать ни одного теста, который мог бы, даже теоретически, доказать их ошибочность. С научной точки зрения это автоматически означает, что их истинность также остаётся принципиально недоказуемой. Если некое заявление имеет настолько общий характер, что будет находиться в согласии с любым экспериментом, если оно столь туманно, что никакой реальный жизненный опыт не способен поставить его под сомнение, — значит, это заявление будет по самой своей природе ненаучным. Единственное, что мы можем сделать по отношению к нему — это пока воздержаться от вынесения окончательного вердикта. Современные материалисты изгоняют в это «чистилище» любые мистические или религиозные идеи.

Заявление Бахауллы бросает смелый вызов представителям как одного лагеря, так и другого. Он утверждает, с одной стороны, что принёс новое Откровение Божие и что Он исполнил все обетования и пророчества прежних религий. С другой стороны, Он формулирует Свои притязания настолько точным и научным языком, из Его высказываний вытекает столько конкретных и проверяемых на опыте следствий, что любой учёный полностью почувствует себя здесь в привычной ему среде. Например, Он заявляет, что следовавшие друг за другом «Богоявления» (т. е. Основатели религий и Родоначальники цивилизаций, череду Которых Он на данный момент завершает) все как один обладают рядом неотъемлемых качеств: Они непогрешимы, всезнающи, видят будущее, Им ведомы даже скрытые стороны физической реальности. Их знание врождённое, Они не приобрели его в какой-то школе или у какого-то учителя, — а на самом деле, такому и невозможно нигде научиться. Их знания и совершенства заставляют Их выделяться на фоне обычных людей, как Солнце выделяется среди звёзд. Они отличаются безупречной честностью, и ничто в мире не способно Их испугать, даже уг-

роза самых страшных страданий. Кроме того, Их слова наполнены животворящей силой — силой, способной преображать людей и менять ход истории.

Родившись среди удушающего мракобесия Персии XIX века, получив столь поверхностное образование, что его уровень никоим образом не дотягивал даже до базовой программы современной начальной школы, Бахаулла написал сотни книг и посланий, где затрагиваются самые сложные современные мировые проблемы, — причём в то время этими вопросами не задавались даже самые учёные из Его современников.

Кроме того, Он оставил нам в наследие пример Собственной жизни, подробно описанной очевидцами и сохранённой в бесчисленных документах.

Нынешние учёные могут поведать нам удивительные вещи: внутреннее устройство атома, химический состав звезды, до которой даже свет идёт миллионы лет, могут нарисовать, как выглядели животные, ходившие по Земле в невероятно древние времена. Они делают эти выводы на основе самых незначительных, на первый взгляд, фактов: мгновенного росчерка неуловимой частицы, пролетающей сквозь туман в стеклянной камере, лучика света, который шёл к нашей Земле через всю Галактику, пригоршни окаменевших костяных осколков. В случае Бахауллы, однако, свидетельства не просто значительны — они монументальны. Неужели этот удивительный научный метод, используемый этими бесстрашными исследователями реальности, — метод, способный раскрыть такие потаённые секреты природы, — не поможет нам узнать, кем же на самом деле был Бахаулла?

Эта книга показывает, что ответ на этот вопрос будет уверенно положительным — да, поможет. Конечно, если отбросить все «политические» соображения, абсолютно чуждые научному методу. Любой, кто пожелает выяснить для себя истину в этом вопросе, сможет сделать это без труда. Более того — в мире, столь удивительно многообещающем с одной стороны и столь опасном с другой, большой ошибкой было бы обойти этот вопрос молчанием. Нам действительно жизненно важно узнать, был ли Бахаулла Посланником от Бога или нет. Ставки исключительно высоки — фактически, на кон поставлена жизнь миллионов людей, которых убивает нынешний «плачевно несовершенный», по словам Бахауллы, мировой порядок. Более того, вопрос непосредственно касается и каждого отдельного человеческого существа. Очень жаль, что из-за предрассудков или просто из-за интеллектуальной лени «лидеры мысли», которым люди вручают свою судьбу и суждению которых склонны безоговорочно верить, на протяжении

более чем ста лет отказываются подвергнуть заявления Бахауллы доско-
нальной проверке.

Итак, вот краткое перечисление некоторых исторических фактов, ко-
торые могут быть задействованы в такой проверке:

Произведения Бахауллы (а также Баба и Абдул-Баха, о безошибочно-
сти Которых Бахаулла заявляет) содержат массу пророчеств. Эти пророче-
ства детализированы и конкретны — в них упоминаются реальные истори-
ческие фигуры, реальные города и страны, причём часто указан и временной
промежуток, в который они должны исполниться. Сам Бахаулла утверждает,
что в них упоминается *«большинство событий, свершившихся на сей зем-
ле»*, причём так, что *«ни у кого не остаётся никакой возможности отвер-
нуться или протестовать»*. [337] Большинство этих предсказаний проти-
воречило общепринятым ожиданиям на тот момент. Все они были опубли-
кованы заранее, так что у скептиков была возможность убедиться, заблуж-
дается Бахаулла или Он действительно способен видеть будущее. Ни одно
из пророчеств до сих пор не оказалось ошибочным, причём нередко испол-
нялись они в самый последний из возможных моментов, когда кое-кто уже
спешил триумфально заявить об их провале. Есть и несколько пророчеств,
которые ещё ждут своего исполнения, так что мы сможем наблюдать их
осуществление своими собственными глазами.

Среди исторических пророчеств можно назвать следующие:

- неожиданное военное поражение и свержение с трона фран-
цузского императора Наполеона III;
- поражение Германии в двух кровавых войнах, приведшее к
«плачу Берлина»;
- необычайная успешность и стабильность правления англий-
ской королевы Виктории;
- смещение 'Али-пāши, премьер-министра Турции;
- последующее свержение и убийство его повелителя, султана
'Абд аль-'Азйза;
- распад Османской империи и угасание «внешнего блеска» её
столицы, Константинополя;
- печальная участь персидского шаха Нāсир ад-Дйна, ставшая
«назидательным уроком» для всего мира;
- ограничения, наложенные на властные полномочия персидско-
го монарха в результате произошедшей в этой стране консти-
туционной революции;

- катастрофический упадок института монархии по всему миру и утрата им былого авторитета;
- постепенная утрата духовенством своего политического и общественного влияния;
- уничтожение института халифата, игравшего для мусульман-суннитов приблизительно такую же роль, какую играет для католиков римский папа;
- распространение коммунизма — «движения левых» — и обретение им власти в мировых масштабах;
- последующий стремительный упадок этого движения в результате его приверженности идее насильственного экономического равенства;
- расцвет Израиля как еврейского государства;
- преследование евреев на Европейском континенте, что исполнилось в результате нацистского холокоста;
- жестокие расовые конфликты в Соединённых Штатах Америки, которые, как и предсказывало пророчество, поставили под угрозу само существование этого государства, вызвав раскол в обществе в самый напряжённый момент Холодной войны;
- освобождение Самого Бахауллы из тюрьмы города Акка и воздвижение Его шатра на горе Кармель;
- захват и осквернение мусульманскими фанатиками дома Бахауллы в Багдаде, святого для бахаи места;
- полный провал всех попыток создать раскол внутри Веры Бахаи.

Вот пророчества бахаи, предрёкшие определённые научные открытия:

- резкое ускорение научного и технического прогресса;
- открытие ядерного оружия — силы, способной отравить всю атмосферу Земли;
- осуществление трансмутации элементов, давней мечты алхимиков, и смертельная угроза человечеству в результате этого (ни одному алхимику никогда не пришло бы в голову, что открытие способа превращать медь в золото может привести также к созданию оружия, способного сжечь целый город за доли секунды);
- открытие того, что сложные элементы в природе образуются из более простых на стадии взрыва новых и сверхновых звёзд;
- признание того, что планеты — нормальный продукт процесса образования звёзд, хотя многие учёные совсем недавно были

уверены, что Солнечная система — уникальное или хотя бы редкое во Вселенной образование;

- космические путешествия «со скоростью поднимающейся молнии», не только к другим планетам, но и «от земного шара к солнечному шару»;
- признание заразности некоторых форм рака;
- неудача любых попыток отыскать «недостающее звено» — общего предка человека и обезьяны;
- крах теории механического эфира в физике и замена её идеей эфира как «умозрительной реальности» (в виде пространственно-временного континуума или физического вакуума);
- крах механистических моделей устройства мира.

У Бахауллы и у Абдул-Баха также есть масса пророчеств, связанных с ситуацией в современном мире. Они предсказали, среди прочего, что:

- волна угнетения сменится по всему миру расцветом независимости, что, в конечном итоге, приведёт к «единству свобод»;
- возникнет «новый мировой порядок», в котором все страны, под давлением «крайней необходимости», вынуждены будут коллективно противостоять агрессии со стороны любого государства-нарушителя;
- эти и некоторые другие тенденции приведут, в конечном итоге, к «единению наций — единению, которое в сём столетии [в XX веке] будет прочно установлено, так что все народы станут считать себя гражданами одного общего отечества»;
- катастрофическое «свёртывание» «Порядка сего дня» в качестве прелюдии к всеобщему миру;
- ключевая роль, которую сыграют США в установлении этого мира;
- выход Веры бахаи из безызвестности и, в результате этого, временный всплеск направленных против неё преследований в разных частях света.

Способность видеть будущее была не единственным признаком сверхъестественного знания Бахауллы. Он провёл всю Свою жизнь в атмосфере, пропитанной закоснелым исламским фундаментализмом, сначала в Персии, затем — узником Османской империи. Он получил самое поверхностное образование, никогда не посещал школу, никогда не читал западных книг — можно сказать, вообще был полностью изолирован от любого влияния, которое могло бы внести свежую струю в затхлую атмосферу Его непосредственного окружения. И всё же Его Писания удивительно совре-

менны — более того, с годами они становятся даже более современными, поскольку предлагаемые Бахауллой решения уже не кажутся прекраснодушными мечтаниями, а обретают плоть и кровь в новых всемирных организациях и завоёвывают высокую оценку со стороны множества независимых экспертов.

Именно Бахаулла дал миру первый свод духовных и гуманитарных принципов, составляющих сегодня основу повестки дня всех поборников прогресса. Именно Бахаулла впервые — задолго до того, как эта идея пришла в голову кому бы то ни было из ведущих мыслителей этого мира — описал планету как глобальную деревню и указал на проблемы, с которыми она может столкнуться.

Продолжая тему необычных качеств Бахауллы, можно отметить, что Он виртуозно писал не только на Своём родном персидском языке, но и на арабском, который Он никогда не изучал. Между тем, по свидетельству авторитетных лингвистов, письменным арабским языком невозможно овладеть самостоятельно — требуется несколько лет усиленных занятий под руководством опытного учителя. Он сочинял Свои Писания, на обоих языках, без предварительного обдумывания, без пауз и запинок, диктуя их по несколько часов кряду с такой скоростью, что изнемогали даже самые умелые стенографисты. Тем не менее, эти спонтанно появлявшиеся строки отмечены именно теми качествами, которых мы вправе ожидать от Божиего Откровения: отточенный стиль, прозрачный логический строй и яркие литературные достоинства. Они совершенно свободны от любых неувязок и ошибок, характерных для человеческих экспромтов — например, Бахаулла никогда не ошибался, цитируя по памяти других авторов, хотя в Его тюремной камере, естественно, не было никаких книг.

Характер и личные качества Бахауллы были именно такими, какими они должны быть у Посланника Божиего. Манера держать себя, каждый поступок и каждое слово резко выделяли Его на фоне окружающих. Даже непримиримые скептики и высокопоставленные чиновники при встрече с Ним, бесправным заключённым, не могли удержаться от вежливого поклона; те, кто шёл к Нему с решимостью «вывести Его на чистую воду», вдруг забывали все свои вопросы и могли лишь в изумлении безмолвно внимать тому, что Он говорит. Его враги из числа духовенства предупреждали любопытных, чтобы те избегали контакта с Ним, поскольку Он может их околдовать; а для объяснения широко известных фактов Его глубокого воздействия на уважаемых всеми свидетелей они придумывали самые фантастические теории. Поведение Бахауллы находилось в полном согласии с Его учением. Вся Его долгая и непростая жизнь была отмечена несгибаемым муже-

ством, стремлением к справедливости, самоотверженной любовью к человечеству и абсолютной согласованностью между словом и делом.

Помимо вышеприведённых соображений, касающихся области точных наук и исторических фактов, Бахаулла предлагает ещё один довод, более субъективный, но вместе с тем и более убедительный для нашего сердца. Он заявляет — и миллионы Его последователей по всему миру верят, что испытали это на практике, — что сами слова Его Писаний наполнены животворящей энергией, которую не способен воспроизвести ни один человеческий автор. Бахаулла приглашает ищущих «погрузиться в океан» Его слов, чтобы «отыскать жемчужины истины, сокрытые в его глубинах», и на собственном опыте пережить их возрождающее действие. Такой личный опыт, безусловно, наиболее важен для ищущего, поскольку в этом случае убеждённость будет иметь не только интеллектуальный, но и эмоциональный характер. Социологи и психологи, со своей стороны, могут оценить этот фактор с точки зрения воздействия идей Бахауллы на общину Его последователей.

Никто не должен принимать эти заявления на веру. Все эти свидетельства и факты доступны из независимых источников, и любой может — и, как было сказано выше, должен — самостоятельно проверить их достоверность. Предположим, однако, что вы убедились в их истинности. Какую теорию можно придумать для их объяснения?

Для бахаи, конечно же, самым простым и одновременно убедительным объяснением кажется то, которое предлагает Сам Бахаулла — то есть что Он действительно служит посредником между Богом и человечеством в нашу эпоху, что Он говорил не от Себя, но по вдохновению свыше. Эта гипотеза хорошо описывает все эмпирические свидетельства, связанные с жизнью и притязаниями Бахауллы. Она, без сомнения, полностью удовлетворяет всем требованиям научной теории — в частности, очень легко представить себе какой-нибудь простой факт, который докажет её ошибочность. Однако, напротив, все имеющиеся наблюдения и факты замечательно укладываются в неё и укрепляют нашу веру в её правильность.

Религиозная вера всегда вызывала в людях полярно различные чувства. Например, христиане считают Ислам сатанинской выдумкой, тогда как евреи считают Христа хитрым самозванцем. Мусульмане с жалостью взирают на «христианские заблуждения», а индуисты, спокойно признавая всех Посланников вплоть до Бахауллы включительно, полагают, что следовать надо, тем не менее, самой древней из Богоявленных Книг — то есть Ведам и

Бхагавад-гите — потому что человечество не развивается, а деградирует, и требования, предъявляемые Богом к людям, становятся всё ниже.

В связи с этим многие люди не согласятся, что критерий «стройности», часто применяемый к научным теориям, применим и к религиозной истине. Однако «стройность» теории, хотя это и субъективное понятие, много значит для всех практикующих учёных. Теория Бахауллы как Божоявления вполне может быть рассмотрена и с этой стороны. Характер развития мира, все ужасные или, наоборот, вдохновляющие события последних полутора сотен лет, равно как и особенности внутреннего мира человека, получают в ней законченное и логичное объяснение, причём без привлечения каких-либо постулатов сверх самого необходимого минимума.

Итак, давайте посмотрим, к чему мы пришли. Можно ли сказать, что мы «доказали» истинность заявлений Бахауллы? Вывод этот зависит от точки зрения. Те, кто присоединяется к Вере бахаи, уверены, что эти доказательства исчерпывающи. Те, кто решает отвергнуть Бахауллу, естественно, считают наоборот.

Например, одного христианского священника спросили, что он думает о Вере бахаи. Ответ последовал незамедлительно: «Это, несомненно, работа дьявола». Представление о дьяволе, бытующее в умах очень многих людей, таково, что оно вполне удовлетворительно способно описать всё, о чём мы говорили: успешные пророчества, научные прозрения, внутренние качества Бахауллы и Его глубокое влияние на людей. Впрочем, ничто не ново под луной: интересно, что тот же довод выдвигали фарисеи против Христа:

*Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского. Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?**

Логично спросить: может ли дьявол демонстрировать безупречную честность? Станет ли он добровольно помогать людям, жертвуя ради них собственным благополучием? «Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?»[338]

* Матф. 12:24-26.

Можно представить себе, что Бахаулла — путешественник во времени, прибывший к нам из далёкого будущего, или инопланетянин, обладающий телепатическими способностями. Первая из гипотез может объяснить Его пророчества и научные познания; вторая — Его удивительное влияние на тех, кто с Ним встречался. Мы можем заявить, что Он был потрясающей силы экстрасенсом, который, с целью разыграть по-настоящему масштабную шутку, добровольно согласился на сорок лет тюремного заключения, на нищету, голод, холод, избиения и унижительное обращение — фактически, на сорокалетнее висение на кресте. Иными словами, можно придумать огромное число разных теорий для объяснения чего бы то ни было, и нет никакого способа гарантированно выбрать среди них единственно верную и правильную — всегда найдётся кто-то, кто не согласится.

Следует также принять во внимание, что любая из предлагаемых гипотез должна объяснять проявление тех же качеств в Бабе и Абдул-Баха, двух других Центральных Фигурах Веры Бахаи. Одновременное появление трёх столь выдающихся личностей в рамках одного движения само по себе представляет уникальный феномен, беспрецедентный в истории человечества и требующий своего объяснения.

Мы можем бесконечно выдумывать, ради собственного развлечения, всё новые и новые гипотезы для объяснения названных фактов. Надо только помнить, что эти гипотезы должны объяснять все факты, а не только некоторые из них. Бахаи, как можно догадаться, считают, что есть только одна теория, которая:

- 1) объясняет все факты в рамках простой и стройной теории;
- 2) обладает предсказательной силой, то есть вытекающие из неё нетривиальные следствия действительно подтверждаются на практике;
- 3) до сих пор сумела выстоять против всех попыток опровергнуть её с помощью наблюдений и опытов.

Эта теория — что Бахаулла есть Божоявление, Посланник Божий, Пророк, Вселенский Учитель, посланный нам свыше.

Давайте послушаем, как Сам Бахаулла формулирует сложившуюся ситуацию:

Подумай о Гонимом сём. Хотя очевиднейшие доказательства утверждают правоту Дела Его, хотя исполнились пророчества, кои высказал Он ясным языком, хотя, будучи не причисленным к учёным, даже не получив образования и оставаясь не искушённым в богословских словопрениях, Он всё же излил на людей потоки

Своего всеобъемлющего и Боговдохновенного знания — смотри, как нынешнее поколение, тем не менее, отвергло Его власть и восстало против Него! Большую часть жизни жестоко страдал Он в когтях врагов Своих. Ныне, в сей мрачной Темнице, куда преследователи столь несправедливо Его заточили, страдания Его достигли предела. Да сподобит тебя Бог взглянуть пронизательным взором и прочувствовать просветлённым сердцем всё бывшее и всё творящееся ныне и постичь душой то, чего большинство людей в сей День не смогло уразуметь.[339]

* * *

Я изложил в этой книге, в меру своих возможностей и понимания, рациональные основания моей личной веры в Бахауллу. При написании этого труда я затронул широкий круг вопросов и представил ряд аргументов. Однако от обсуждения некоторых вещей я сознательно воздержался:

1) Я не стал пытаться для начала доказать существование Бога логическими аргументами. Это не значит, что я пишу только для тех, кто уже верит в Бога, или что я ожидаю от читателя, что он принимает Его существование как само собой разумеющееся. Это просто означает, что сильнейшим доказательством реальности Бога я считаю Его периодические вмешательства в историю посредством основателей мировых религий — Моисея, Христа, Будды, Мухаммеда и всех остальных. И прежде всего, конечно, это Его недавняя демонстрация Самого Себя в лице Бахауллы, во исполнение обещанного Им много раз великого «Пришествия» и «Возвращения». Если мы обнаружим, что по радио идёт трансляция чьих-то слов, нам нет необходимости начинать наше обсуждение этого открытия с логического доказательства существования незримого вещателя. Его голос — достаточное тому доказательство. Поэтому Бахаулла говорит, что *«...дар Божественного Откровения... — верховное свидетельство Божие, яснейшее доказательство истины...»*. [340]

2) При обсуждении исполнения пророчеств, содержащихся в Священных Писаниях бахаи, я пренебрёг большой категорией косвенных доказательств, а именно, — выполнением Самим Бахауллою пророчеств из Библии и других древних писаний. Причина для исключения этой важной темы проста: она исчерпывающе рассматривается во многих других статьях и монографиях. Желающие продолжить исследование в этом направлении могут обратиться к книгам «Как тать в ночи» Уильяма Сирза и «Се, гряди скоро» Хушидара Мотлага (I Shall Come Again by Hushidar Motlagh).

3) Я не упомянул физические чудеса. В каждой религии имеются свои рассказы о сверхъестественных исцелениях и других замечательных деяниях, якобы свершённых её Основателем; и Вера бахаи — не исключение. Бахаи не отрицают реальность таких событий, ибо они считают, что Богоявления воплощают все Его атрибуты — в том числе Божественное всемогущество. Тем не менее, бахаи запрещено преподносить такие события в качестве доказательства обоснованности их религии. Большинство «чудесных» историй, даже если они и правдивы, недостаточно подробно задокументированы, и были изначально переданы в изустных рассказах. Более того, некоторые вообще представляют собой назидательные истории, то есть, произошли только в метафорическом смысле. И даже те, которые произошли буквально, важны в качестве доказательства только тем, кто сам был свидетелем всего произошедшего. Соответственно, я опустил любые отчёты о необъяснимых физических явлениях. Некоторые способности, которые приводит в качестве доказательства Сам Бахаулла, — например, дар пророчества или быстрота ниспослания Откровения, — могут, в каком-то смысле, рассматривать как чудо; но этот смысл явно не физический.

4) Я не собираюсь делать за читателя вывод о том, что ему нужно сделать со всей сообщённой здесь информацией. Любой человек, который, предприняв собственное расследование, решит согласиться с притязаниями Бахауллы, конечно, должен будет как-то интегрировать это понимание в свою жизнь. Религиозные убеждения требуют очевидной и неотложной перестройки собственного характера. Но такие решения не связаны напрямую с вопросами истинности или ложности рассматриваемых фактов и теорий. Чем решительнее человек настроен следовать фактам, куда бы они ни привели его и какие бы личные соображения ни стояли на кону, тем надёжнее он сможет определить реальную природу феномена Бахауллы.

Моё искреннее убеждение состоит в том, что тех, кто готов исследовать беспристрастно всю историю вокруг Бахауллы и бесстрашно следовать результатам этого расследования, ждут неисчислимые и весомые выгоды. Пусть нынешнее общество ещё не готово воспользоваться этими преимуществами, но момент наступления этой готовности относительно недалёк. Каждый отдельный человек, однако, может воспользоваться этими преимуществами уже сегодня. Мы также можем ускорить наступление этого будущего для общества, в котором мы живём. Нет ничего, что принципиально мешало бы нам в этом.

Божия Книга широко раскрыта, — пишет Бахаулла, — и Слово Его призывает человечество к Нему. Но сыскалась лишь горстка тех,

кто пожелал примкнуть к Делу Его или стать орудием его продвижения. Сии немногие причастились Божественного Эликсира, который один лишь может превращать в чистейшее золото сор мира сего, и дарована была им сила прописывать целительное средство от всех недугов, поразивших чад человеческих.[341]

Остерегитесь, дабы не поколебаться в решимости принять истину Дела сего — Дела, чрез кое проявились сокровенные силы Божиего могущества и утвердилось владычество Его. С сияющими радостью лицами поспешите к Нему... Чрез него бедняки обогащаются, учёные просвещаются, а ищущие возвышаются, обретая присутствие Божие. Бойтесь сделать сие поводом для раздора меж вами. Будьте же крепки, как недвижимые горы, в Деле Господа вашего, Могущественного, Любящего.[342]

Библиография

BIBLIOGRAPHY

- 'Abdu'l-Bahá. *'Abdu'l-Bahá in Canada*. Compiled by the National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Canada. Toronto: National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Canada, rev. edn. 1987.
- *Japan Will Turn Ablaze!* Japan: Bahá'í Publishing Trust, 1974.
- *Some Answered Questions*. Collected and translated from the Persian by Laura Clifford Barney. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1984.
- *Memorials of the Faithful*. Translated by Marzieh Gail. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1971.
- *Paris Talks*. Addresses given by 'Abdu'l-Bahá in Paris in 1911-1912. London: Bahá'í Publishing Trust, 1912. 11th edn. 1969.
- *The Promulgation of Universal Peace*. Talks delivered by 'Abdu'l-Bahá during His visit to the United States and Canada in 1912. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1982.
- *The Secret of Divine Civilization*. Translated by Marzieh Gail. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1957.
- *Selections from the Writings of 'Abdu'l-Bahá*. Compiled by the Research Department of the Universal House of Justice. Haifa: Bahá'í World Centre, 1978.
- *Tablets of 'Abdu'l-Bahá 'Abbás*. Three volumes. Chicago: Bahá'í Publishing Society, 1909. Second printing 1930.
- *Tablets of the Divine Plan*. Revealed by 'Abdu'l-Bahá to the North American Bahá'ís. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, rev. edn. 1977.
- *A Traveller's Narrative*. Written to illustrate the episode of the Báb. Translated by E.G. Browne. A new and

BIBLIOGRAPHY

251

- corrected edition. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1980.
- *Will and Testament of 'Abdu'l-Bahá*. Wilmette, Bahá'í Publishing Trust, second edn. 1971.
- Appreciations of the Bahá'í Faith*. Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1947.
- The Báb. *Selections from the Writings of the Báb*. Compiled by the Research Department of the Universal House of Justice. Translated by Habib Taherzadeh *et al.* Haifa: Bahá'í World Centre, 1976.
- Bach, Marcus. *Strangers at the Door*. Nashville: Abingdon Press, 1971.
- Bahá'í World Faith*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second edn. 1956.
- Bahá'u'lláh. *Epistle to the Son of the Wolf*. Translated by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second edn. 1953.
- *Gleanings from the Writings of Bahá'u'lláh*. Compiled and translated by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second rev. edn. 1976.
- *The Hidden Words of Bahá'u'lláh*. Translated by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1939.
- *The Kitáb-i-Íqán (The Book of Certitude)*. Translated by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second edn. 1950.
- *Prayers and Meditations by Bahá'u'lláh*. Compiled and translated by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1938.
- *The Seven Valleys and the Four Valleys*. Translated by Marzieh Gail. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, third rev. edn. 1978.
- *A Synopsis and Codification of the Kitáb-i-Aqdas (The Most Holy Book)*. Compiled by the Universal House of Justice. Haifa: Bahá'í World Centre, 1973.
- *Tablets of Bahá'u'lláh revealed after the Kitáb-i-Aqdas*. Compiled by the Research Department of the Universal House of Justice. Translated by Habib Taherzadeh *et al.* Haifa: Bahá'í World Centre, 1978.

252 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH

- Bahá'u'lláh*. A brief introduction to Bahá'u'lláh's life and work, prepared at the request of the Universal House of Justice. Various editions.
- Balyuzi, H.M. *'Abdu'l-Bahá*. Oxford: George Ronald, 1971.
- *The Báb*. Oxford: George Ronald, 1973.
- *Bahá'u'lláh, The King of Glory*. Oxford: George Ronald, 1980.
- Beeston, A.F.L., 'Arabic Language,' *Academic American Encyclopedia*, 1989, vol. II, p. 100.
- Blomfield, Lady (Sitárih Khánum). *The Chosen Highway*. London: Bahá'í Publishing Trust, 1940.
- Britannica Book of the Year* (1988).
- Cheyne, T.K. *The Reconciliation of Races and Religions*. London: Adam and Charles Black, 1914.
- Clark, Ronald W. *Einstein – The Life and Times*. New York: Avon Books, 1972.
- Clarke, Arthur C. *Profiles of the Future*. London: Victor Gollancz Ltd., 1982.
- Cooper, L. *An Introduction to the Meaning and Structure of Physics*. New York: Harper & Row, 1968.
- Cotran, Ramzi S., Kumar, Vinay and Robbins, Stanley L. *Robbins Pathologic Basis of Disease*. Philadelphia: WB Saunders Company – Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1989.
- Della Vida, G.L. 'Arabic Language,' *Collier's Encyclopedia*, 1990.
- Dulbecco, Renato and Ginsberg, Harold S. *Virology*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1988.
- Esslemont, J.E. *Bahá'u'lláh and the New Era*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, third rev. edn. 1970.
- Establishing World Peace*. Compiled by the Research Department of the Universal House of Justice. Haifa: Bahá'í World Centre, 1985.
- Ferris, Timothy. *Coming of Age in the Milky Way*. New York: Anchor Books, 1989.
- Gail, Marzieh, *Summon Up Remembrance*. Oxford: George Ronald, 1987.
- Gardner, Martin. *Relativity for the Million*. New York: The Macmillan Company, 1962.

BIBLIOGRAPHY

253

- Gamow, George. *The Birth and Death of the Sun*. New York: Viking Press, 1946.
- Giachery, Ugo, 'One God, One Truth, One People.' *The Bahá'í World*, vol. XV, 1968-73. Haifa: Bahá'í World Centre, 1975.
- Hatcher, William S. *The Science of Religion*. Canada: Canadian Association for Studies on the Bahá'í Faith, 1980.
- Hatcher, William S., and Martin, J. Douglas. *The Bahá'í Faith, The Emerging Global Religion*. San Francisco: Harper & Row, 1985.
- Hawking, Stephen W. *A Brief History of Time*. New York: Bantam Books, 1988.
- Hofman, David. *Bahá'u'lláh, The Prince of Peace: A Portrait*. Oxford: George Ronald, 1992.
- Honnold, Annamarie. *Vignettes from the Life of 'Abdu'l-Bahá*. Oxford: George Ronald, 1982.
- Jordan, Daniel C. *Becoming Your True Self*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1968.
- Lederman, Leon and Teresi, Dick. *The God Particle*. New York: Dell, 1993.
- Lights of Guidance: A Bahá'í Reference File*. Compiled by Helen Hornby. New Delhi: Bahá'í Publishing Trust, 3rd edn. rev. 1988.
- Lovejoy, C. Owen. 'Evolution of Human Walking', *Scientific American* magazine, November 1988, p. 89.
- Marcella, Elena Maria. *The Quest for Eden*. New York: Philosophical Library, 1966.
- Misner, Charles W., Thorne, Kip S. and Wheeler, John A. *Gravitation* San Francisco: Freeman, 1973.
- Motlagh, Hushidar. *I Shall Come Again*. Mt. Pleasant: Global Perspectives, 1992.
- Nabíl-i-A'ẓam (Muḥammad-i-Zarandí). *The Dawn-Breakers: Nabíl's Narrative of the Early Days of the Bahá'í Revelation*. Translated from the original Persian and edited by Shoghi Effendi. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1932.
- Phelps, Myron. *Life and Teachings of 'Abbás Effendi*. New York: Knickerbocker Press, 1912.

- Rabbani, Rúhíyyih. *The Desire of the World*. Oxford: George Ronald, 1982.
- Robbins, Stanley L. and Kumar, Vinay. *Basic Pathology*. Philadelphia: WB Saunders Company – Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1987.
- Sears, William. *Thief in the Night*. Oxford: George Ronald, 1961.
- Shoghi Effendi. *The Advent of Divine Justice*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, third edn. 1969.
- *Bahá'í Administration*. Selected messages, 1922-1932. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, seventh edn. 1974.
- *The Bahá'í Faith 1844-1952*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1953.
- *Citadel of Faith*. Messages to America, 1947-1957. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1965.
- *Dawn of a New Day*. Messages to India, 1923-1957. New Delhi: Bahá'í Publishing Trust, circa 1970. (No exact publication date shown.)
- *God Passes By*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1944.
- *High Endeavors*. Message to Alaska. National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Alaska, 1976.
- *Letters from the Guardian to Australia and New Zealand 1923-1957*. Sydney: National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Australia, 1970.
- *Messages to America 1932-1946*. Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1947.
- *Messages to the Bahá'í World 1950-1957*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second edn. 1971.
- *Messages to Canada*. Toronto: National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Canada, 1965.
- *Principles of Bahá'í Administration*. London: Bahá'í Publishing Trust, 1950.
- *The Promised Day Is Come*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, rev. edn. 1980.
- *Selected Writings of Shoghi Effendi*. Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1942.
- *Unfolding Destiny*. London: Bahá'í Publishing Trust, 1981.

BIBLIOGRAPHY

255

- *The World Order of Bahá'u'lláh*. Selected letters. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, second rev. edn. 1974.
- Star of the West*, rpt. Oxford: George Ronald, 1978.
- Taherzadeh, Adib. *The Revelation of Bahá'u'lláh: Baghdád 1853-63*. vol. 1. Oxford: George Ronald, 1974.
- *The Revelation of Bahá'u'lláh: Adrianople 1863-68*. vol. 2. Oxford: George Ronald, 1977.
- *The Revelation of Bahá'u'lláh: 'Akká, The Early Years 1868-77*. vol. 3. Oxford: George Ronald, 1983.
- *The Revelation of Bahá'u'lláh: Mazra'ih & Bahjí 1877-92*. vol. 4. Oxford: George Ronald, 1987.
- Thompson, Juliet. *The Diary of Juliet Thompson*. Los Angeles: Kalimát Press, 1983.
- Toynbee, Arnold. *A Study of History*, VIII. London: Oxford University Press, 1954.
- Universal House of Justice. *The Constitution of the Universal House of Justice*. Haifa: Bahá'í World Centre, 1972.
- *Individual Rights and Freedoms in the World Order*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1989.
- *Messages from the Universal House of Justice 1968-1973*. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1976.
- *Wellspring of Guidance*. Messages, 1963-1968. Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1969.
- Wilber, Ken, ed. *Quantum Questions: Mystical Writings of the World's Great Physicists*. Boulder & London: Shambhala, 1984.
- Williams, L. Pearce. 'Ether', *The Encyclopedia Americana*, 1989, Vol. X, p. 609.
- Wolf, Fred Alan. *Taking the Quantum Leap*. New York: Harper & Rowe, 1981. Perennial Library edn. 1989.

ССЫЛКИ

REFERENCES

INTRODUCTION

1. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, pp. 383-4.
2. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 327.

Chapter 1: A TURNING POINT IN HISTORY

3. Matthew 6:10.
4. Isaiah 2:4.
5. John 10:16.
6. Isaiah 11:9.
7. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, III, p. 5.
8. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 123.
9. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, p. 383.
10. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *The Promised Day Is Come*, p. 40.
11. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XVIII, p. 45.
12. *ibid.* VII, p. 11.
13. *ibid.* L, p. 103.

Chapter 2: DIVINE SPRINGTIME

14. *ibid.* CXVII, p. 250.
15. Bahá'u'lláh, *Hidden Words*, Arabic 1.
16. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 157.
17. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXXIV, pp. 78-9.
18. 'Abdu'l-Bahá, *Paris Talks*, pp. 143-6.
19. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 250.
20. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 154.
21. *ibid.* p. 163.

REFERENCES

257

22. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 39.
23. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 6.
24. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 222.
25. See Bahá'u'lláh's statement from the *Kitáb-i-Aqdas*, quoted in *Messages from the Universal House of Justice*, p. 41.
26. See statistical table compiled by David B. Barrett, *1989 Britannica Book of the Year*, p. 299.
27. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 139.
28. Shoghi Effendi's secretary on his behalf, 21 April 1939, quoted in *Lights of Guidance*, no. 1574, p. 478.
29. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 113.
30. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXVII, p. 65.
31. *ibid.* CIX, p. 215.
32. *ibid.* XXVII, p. 66.
33. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 179.
34. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, pp. 233-4.
35. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXI, p. 50.
36. *ibid.* XIX, pp. 47-9.
37. Shoghi Effendi, *Unfolding Destiny*, p. 449.
38. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, pp. 100-2.
39. *ibid.* p. 173.
40. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 119.
41. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXII, p. 55.
42. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 113.
43. *ibid.* p. 115.
44. *ibid.*
45. Bahá'u'lláh, quoted in *ibid.* p. 116.
46. Bahá'u'lláh, *Synopsis*, p. 14.

Chapter 3: LIFE'S LABORATORY

47. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 14.
48. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, p. 383.

258 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH

49. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 227.
50. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, pp. 127-8.
51. Hawking, *Brief History of Time*, p. 10.
52. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CLIII, p. 328.

Chapter 4: **BAHÁ'Í PROPHECIES:**
HISTORICAL EVENTS

53. Deut. 18:21-2.
54. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 241.
55. Bahá'u'lláh, *Epistle*, pp. 148-50.
56. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 17.
57. *ibid.* p. 23.
58. *ibid.* p. 51.
59. Bahá'u'lláh, quoted in *ibid.* p. 30.
60. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 33.
61. *ibid.*
62. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 52.
63. Bahá'u'lláh, quoted in *ibid.* pp. 36-7.
64. Bahá'u'lláh, quoted in *ibid.* p. 37.
65. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Esslemont, *New Era*, p. 244.
66. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 30.
67. *ibid.* p. 46.
68. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, pp. 35-6.
69. *ibid.* p. 65.
70. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 174.
71. Bahá'u'lláh quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 61.
72. *ibid.* p. 62.
73. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, pp. 232-3.
74. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 61.
75. *ibid.* pp. 61-2.
76. *ibid.* p. 45.

REFERENCES

259

77. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 224.
78. *ibid.* p. 225.
79. *ibid.*
80. Quoted by Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 68.
81. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LVI, p. 111.
82. See Shoghi Effendi, *Promised Day*, pp. 68-70.
83. 'Abdu'l-Bahá, quoted in *Diary of Juliet Thompson*, p. 100.
84. *ibid.* p. 26.
85. *ibid.* p. 101.
86. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 116.
87. *ibid.* p. 71.
88. *ibid.* p. 23.
89. *ibid.* p. 49.
90. Bahá'u'lláh, quoted in *ibid.* pp. 71-4.
91. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 28.
92. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 81.
93. *ibid.* pp. 31-2.
94. *ibid.* p. 32.
95. The Báb, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 231.
96. *ibid.*
97. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 61.
98. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 228.
99. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 74.
100. See Shoghi Effendi, *World Order*, p. 17.
101. 'Abdu'l-Bahá, quoted in *ibid.* p. 30.
102. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 113.
103. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 274.
104. *ibid.* pp. 65-6.
105. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 414.
106. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *Advent*, p. 33.
107. 'Abdu'l-Bahá, letter to Antoinette Crump Cone, *Star of the West*, vol. XXII, 24 June 1921, p. 121.

- 260 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
108. See Morrison, *To Move the World*, pp. 129-30.
109. 'Abdu'l-Bahá, quoted by Zia M. Bagdadi in *Star of the West*, vol. XXII, 24 June 1921, p. 121.
110. Shoghi Effendi, *Citadel*, p. 126.
111. *The New York Times*, article 26 February 1978.
112. *World Order* magazine, Summer 1979, p. 2.
113. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *Advent*, p. 33.
114. 'Abdu'l-Bahá, quoted by Zia M. Bagdadi in *Star of the West*, vol. XXII, 24 June 1921, p. 120.
115. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 42.
116. Bahá'u'lláh, quoted in Balyuzi, *'Abdu'l-Bahá*, p. 39.
117. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 193.
118. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LVII, p. 114.
119. *ibid.* LVIII, p. 115.
120. *ibid.*
121. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 99.
122. *ibid.*
123. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 109.
124. 'Abdu'l-Bahá, quoted in *Messages from the Universal House of Justice*, p. 42.
125. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 326.
126. Shoghi Effendi, *World Order*, p. 23.

**Chapter 5: BAHÁ'Í PROPHECIES:
SCIENTIFIC DISCOVERIES**

127. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 283.
128. 'Abdu'l-Bahá, *Tablets*, p. 608.
129. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 23.
130. *ibid.* p. 24.
131. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XCVIII, p. 198.

REFERENCES

261

132. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 202.
133. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 46.
134. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LXXIV, pp. 141-2.
135. Paraphrased by Adib Taherzadeh in *Revelation of Bahá'u'lláh*, vol. III, p. 137.
136. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 125.
137. *ibid.* p. 107.
138. Cooper, *Meaning and Structure of Physics*, p. 431.
139. Max Born, quoted in Hawking, *Brief History of Time*, p. 156.
140. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CLXIII, pp. 342-3.
141. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 69.
142. Blomfield, *Chosen Highway*, p. 184.
143. 'Abdu'l-Bahá, *Japan*, p. 30.
144. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XCVII, pp. 197-8.
145. Bahá'u'lláh, *Má'idíy-i-Ásimání*, vol. I, p. 41, quoted in Taherzadeh, *Revelation of Bahá'u'lláh*, vol. II, p. 268.
146. Publisher's foreword to 1964 edition, *Some Answered Questions*, p. xv.
147. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 181.
148. Carl Sagan, Introduction to Hawking, *Brief History of Time*, p. x.
149. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 157.
150. Shoghi Effendi's secretary on his behalf, quoted in *Lights of Guidance*, no. 1580, p. 479.
151. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LXXXII, p. 163.
152. Gamow, *Birth and Death*, pp. 200-4.
153. See Ferris, *Coming of Age*, p. 167.
154. Sagan, *Parade* magazine, 9 June 1996, p. 10.
155. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LXXXII, p. 163.
156. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, p. 338.
157. Shoghi Effendi's secretary on his behalf, quoted in *Lights of Guidance*, no. 1581, p. 479.
158. 'Abdu'l-Bahá, paraphrased in Balyuzi, *'Abdu'l-Bahá*, p. 377.
159. 'Abdu'l-Bahá, *Tablets*, vol. III, p. 32.

- 262 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
160. Clarke, *Profiles of the Future*, p. 121.
161. 'Abdu'l-Bahá, Tablet to an individual believer, October 1921, in *Lights of Guidance*, no. 603, p. 183.
162. Dulbecco and Ginsberg, *Virology*, p. 335.
163. *ibid.*
164. Robbins and Kumar, *Basic Pathology*, p. 205.
165. *ibid.* p. 207.
166. Cotran, Kumar and Robbins, *Robbins Pathologic Basis of Disease*, p. 1142.
167. Robbins and Kumar, *Basic Pathology*, p. 207.
168. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 123.
169. *ibid.* p. 126.
170. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, LXXXII, p. 162; 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, pp. 180, 202-3, 281.
171. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 140.
172. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, p. 338.
173. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, pp. 143-4.
174. *ibid.* pp. 185-90.
175. *ibid.* p. 177.
176. *ibid.* p. 184.
177. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, pp. 358-9.
178. C. Owen Lovejoy, 'Evolution of Human Walking', *Scientific American* magazine, November 1988, p. 89.
179. *ibid.* p. 82.
180. Quoted in a book review by James Gorman, *Discover* magazine, January 1983, pp. 83-4.
181. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 183.
182. *ibid.* p. 83.
183. *ibid.* p. 242.
184. *ibid.* pp. 84-5.
185. *ibid.* p. 83.
186. *ibid.* pp. 83-4.
187. Clark, *Einstein*, p. 141.
188. Ferris, *Coming of Age*, p. 364.
189. Misner, Thorne and Wheeler, *Gravitation* (San Francisco: Freeman, 1973), p. 1202; quoted in Ferris, *Coming of Age*, p. 364.
190. Gardner, *Relativity for the Million*, pp. 34-5.

REFERENCES

263

191. Einstein, *Sidelights on Relativity* (Dover: 1983), p. 23. The full text of his address may be downloaded from the World Wide Web at http://magna.com.au/~prfbrown/aether_0.html.
192. Lederman, *The God Particle*, pp. 101, 375.
193. Frank Wilczek, quoted in *The New York Times*, article 2 February 1999.
194. Eddington, *Quantum Questions*, p. 189.
195. *ibid.* p. 208.
196. Jeans, *Quantum Questions*, p. 142.
197. Williams, 'Ether', *The Encyclopedia Americana*, 1989, vol. X, p. 609.
198. Charles Misner, quoted in Yourgrau and Breck, eds., *Cosmology, History, and Theology* (New York: Plenum Press, 1977), p. 95; and Ferris, *Coming of Age*, p. 352.
199. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 84.
200. Albert Einstein, quoted in Max Born, *The Born-Einstein Letters*, p. 82; and Ferris, *Coming of Age*, p. 290. Einstein's italics.
201. Wolf, *Taking the Quantum Leap*, p. 201.
202. John A. Wheeler, quoted in *ibid.* p. 152.
203. Niels Bohr, quoted in Ferris, *Coming of Age*, p. 384.
204. John Clauser, quoted in *Taking the Quantum Leap*, p. 206.
205. Jeans, *Quantum Questions*, p. 144.

*Chapter 6: BAHÁ'Í PROPHECIES:
UNFINISHED BUSINESS*

206. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 241.
207. Bahá'u'lláh, *Epistle*, p. 150.
208. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, pp. 116-17.
209. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Esslemont, *New Era*, pp. 247-8.
210. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 39.

- 264 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
211. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 167.
212. Universal House of Justice, *Individual Rights and Freedoms in the World Order*, p. 31.
213. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CXVII, p. 249.
214. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, pp. 37-8.
215. *ibid.* p. 38.
216. *ibid.* p. 39.
217. Shoghi Effendi, quoted in *Establishing World Peace*, p. 46.
218. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 121.
219. The Universal House of Justice, *Wellspring*, p. 133.
220. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 122.
221. 'Abdu'l-Bahá, *'Abdu'l-Bahá in Canada*, p. 35.
222. Shoghi Effendi, *Messages to the Bahá'í World*, p. 74.
223. Universal House of Justice, letter to the Bahá'ís of the World, April 1990.
224. Shoghi Effendi, *Establishing World Peace*, p. 46.
225. *ibid.* p. 48.
226. Universal House of Justice, quoted in *ibid.* pp. 50-1.
227. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 33.
228. Shoghi Effendi, *Messages to the Bahá'í World*, p. 103.
229. Shoghi Effendi, *Citadel*, p. 125.
230. Shoghi Effendi's secretary on his behalf, 21 November 1949, quoted in *Lights of Guidance*, no. 439, p. 131.
231. Bahá'u'lláh, *Hidden Words*, Arabic 51.
232. Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 116.
233. Bahá'u'lláh quoted in *ibid.* p. 117.
234. *ibid.* p. 116.
235. Shoghi Effendi's secretary on his behalf, quoted in *Lights of Guidance*, no. 448, p. 134.
236. Bahá'u'lláh, *Synopsis*, pp. 20-1.

REFERENCES

265

237. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *World Order*, p. 75.
238. *ibid.* pp. 75-6.
239. Shoghi Effendi, *Citadel*, p. 37.
240. *ibid.* pp. 126-7.
241. Bahá'u'lláh, *Synopsis*, pp. 21-2.
242. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 411.
243. *ibid.* p. 315.
244. *ibid.*
245. Shoghi Effendi, *World Order*, p. 202.
246. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, pp. 33-4.

Chapter 7: THE OBJECT OF ALL KNOWLEDGE

247. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 250.
248. 'Abdu'l-Bahá, *Secret*, p. 7.
249. *ibid.* p. 9.
250. Sir Valentine Chirol, *The Middle Eastern Question*, p. 120. Quoted in *Appreciations of the Bahá'í Faith*, p. 21.
251. Shoghi Effendi, *God Passes By*, pp. 122-3.
252. *ibid.* pp. 123-4.
253. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XLIV, pp. 98-9.
254. Bahá'u'lláh, *Epistle*, p. 39.
255. George Townshend, Introduction to Nabíl-i-A'zam, *Dawn-Breakers*, p. xxxvi.
256. George Townshend, in the Introduction to Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. ix.
257. For detailed citations from 'Pacem in Terris', correlating its highlights with those of Bahá'u'lláh's writings, see Ugo Giachery, 'One God, One Truth, One People', *The Bahá'í World*, vol. XV, pp. 612-19.
258. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *Promised Day*, p. 40.
259. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 34.

- 266 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
260. Phillip K. Hitti, 'Arab Civilization', *Encyclopedia Americana*, 1990, vol. II, p. 152.
261. A.F.L. Beeston, 'Arabic Language', *Academic American Encyclopedia*, 1989, vol. II, p. 100.
262. G.L. Della Vida, 'Arabic Language', *Collier's Encyclopedia*, 1990, vol. II, p. 393.
263. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 123.
264. Shoghi Effendi, opening note to Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 2.
265. Quoted by Marzieh Gail in a letter to the writer.
266. 'Abdu'l-Bahá, *Selections*, p. 15.
267. Adib Taherzadeh, 'The Station of Bahá'u'lláh' (a tape-recorded talk delivered in 1987 in Brazil).
268. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 133.
269. *ibid.* p. 171.
270. Quoted in Taherzadeh, *Revelation*, vol. I, pp. 35-6.
271. Nabil-i-A'ẓam, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 171.
272. Bahá'u'lláh quoted in *ibid.* p. 217.
273. See Gail, *Summon Up Remembrance*, p. 122.

Chapter 8: THE SUN: ITS OWN PROOF

274. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XIX, p. 49.
275. John 14:7.
276. 'Abdu'l-Bahá, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 124.
277. 'Abdu'l-Bahá, *Some Answered Questions*, p. 36.
278. Hájí Mírzá Haydar-'Alí, quoted in Taherzadeh, *Revelation*, vol. III, pp. 248-9.
279. E.G. Browne, quoted in Taherzadeh, *Revelation*, vol. II, pp. 12-13.
280. Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 142.
281. E.G. Browne, quoted in Taherzadeh, *Revelation*, vol. II, p. 12.

REFERENCES

267

282. Ḥájí Mírzá Haydar-‘Alí, quoted in Táherzadeh, *Revelation*, vol. III, p. 249.
283. T.K. Cheyne, *The Reconciliation of Races and Religions*, pp. 8-9. Quoted in Nabíl, *The Dawn-Breakers*, p. 516 (footnote by Shoghi Effendi).
284. Joseph Arthur le Comte de Gobineau, *Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale* (Paris: Les Éditions G. Crés et Cie., 1928), p. 118. Quoted in *ibid.* pp. 79-80 (footnote by Shoghi Effendi).
285. Gobineau, *Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale*, pp. 212-13. Quoted in *ibid.* p. 502 (footnote by Shoghi Effendi).
286. Gobineau, *Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale*, pp. 121-122. Quoted in *ibid.* p. 157 (footnote by Shoghi Effendi).
287. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 243.
288. Balyuzi, *'Abdu'l-Bahá*, pp. 70-1.
289. From a Tablet of 'Abdu'l-Bahá translated by Shoghi Effendi and transmitted 12 January 1923 to the National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of the United States. Quoted in Elena Maria Marcella, *Quest for Eden*, pp. 261-2.
290. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 97.
291. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXXVII, p. 86.
292. 'Abdu'l-Bahá, *Paris Talks*, p. 154.
293. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 57.
294. Bahá'u'lláh, *Epistle*, p. 20.
295. Bahá'u'lláh, quoted in Nabíl, *Dawn-Breakers*, pp. 607-8.
296. Bahá'u'lláh, quoted in Shoghi Effendi, *God Passes By*, p. 101.
297. Bahá'u'lláh, *Epistle*, pp. 93-4.
298. Cheyne, quoted in *Appreciations of the Bahá'í Faith*, p. 18.

- 268 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
299. Alfred W. Martin, quoted in *Appreciations of the Bahá'í Faith*, pp. 22-3.
300. E.G. Browne, 'The Bábís of Persia', *Journal of the Royal Asiatic Society* (1899), p. 933. Quoted in Nabíl, *The Dawn-Breakers*, p. 516 (footnote by Shoghi Effendi).
301. Sir Francis Younghusband, *The Gleam* (London: John Murray, 1923), pp. 183-4. Quoted in *ibid.* pp. 516-17 (footnote by Shoghi Effendi).
302. A.L.M. Nicolas, *Siyyid 'Alí-Muḥammad dit le Báb* (Paris: Librairie Critique, 1908), pp. 203-4, 376. Quoted in *ibid.* p. 515 (footnote by Shoghi Effendi).
303. Phelps, *Life and Teachings*, pp. 2-10.
304. Blomfield, *Chosen Highway*, p. 220.
305. Matthew 7:16.
306. Bahá'u'lláh, *Epistle*, pp. 42-3.
307. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 205.
308. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CXXXVI, p. 295.
309. Isaiah 55:10-11.
310. John 6:63.
311. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXVII, p. 68.
312. *ibid.* LXXXIX, p. 175.
313. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 28.
314. *ibid.* p. 204.
315. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CLIII, p. 326.
316. *ibid.* LXX, p. 136.
317. *ibid.* CXXXV, p. 293.
318. Bahá'u'lláh, *Prayers and Meditations*, p. 83.
319. Jordan, *Becoming Your True Self*, p. 4.
320. Shoghi Effendi, quoted in Universal House of Justice, *Wellspring*, p. 89.
321. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 238.
322. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, CXXV, pp. 266-7.
323. Bahá'u'lláh, *Kitáb-i-Íqán*, p. 112.
324. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 155.

REFERENCES

269

325. Matthew 5:39.
326. Matthew 26:52.
327. *Qur'án* 2:257.
328. Bahá'u'lláh, *Tablets*, p. 173.
329. *Study of History*, VIII, p. 117.
330. Bach, *Strangers*, pp. 75-6.
331. Robert Semple, *British Weekly* magazine, August 26, 1954. Quoted in Winston Evans and Marzieh Gail, 'The Voice from Inner Space', *World Order* magazine, Summer 1967, p. 40.
332. Shoghi Effendi, *World Order*, pp. 197-201.

Chapter 9: THE BOOK OF GOD IS OPEN

333. 'Abdu'l-Bahá, *Bahá'í World Faith*, pp. 383-4.
334. 'Abdu'l-Bahá, *Promulgation*, p. 327.
335. *ibid.* p. 227.
336. Shoghi Effendi, *Selected Writings*, p. 7.
337. Bahá'u'lláh, *Epistle*, pp. 148-50.
338. Matthew 7:16.
339. Bahá'u'lláh, *Gleanings*, XXIII, p. 58.
340. *ibid.* XCV, p. 195.
341. *ibid.* XCII, p. 183.
342. *ibid.* LXX, pp. 136-7.

Указатель

INDEX

- 'Abdu'l-'Azíz, Sulţán, 48, 49, 53, 73, 240
 'Abdu'l-Bahá ('Abbás Ef-
 fendi), 16, 19–21, 27, 38, 43–5, 56, 57, 65–72, 74, 75, 77–80, 85, 86, 90, 91, 95, 102, 104–10, 112, 114–120, 122, 124, 130, 132, 134, 136–139, 142–6, 153–5, 158, 160, 173, 179, 180, 187, 192, 199–201, 203, 204, 211–4, 217, 218, 235, 239, 241, 246, 250–3
 Abu'l-Faql, 49, 50
 administrative order, 14, 20, 77, 147, 231
 Adrianople, 18, 49, 51, 52, 209, 255
 Africa, 51, 66, 111, 155, 230, 231
 Aḥmad Big Tawfiq, 74
 Aḥmad Sháh, 56
 'Akká, 8, 18–20, 39, 40, 48, 49, 52, 61, 73, 74, 90, 193, 195, 209, 210, 213–7, 241, 255
 alchemy, 87, 164
 'Alí-Muḥammad, Siyyid *see* Báb, the
 'Alí Páshá, 39, 48–51, 240
 America, 20, 51, 69–72, 78, 133, 152, 153, 155, 199, 242, 254
 Áqá Ján, Mirzá, 183, 184
 Arabic, viii, 2, 102, 168, 172–80, 184–6, 243
 Arawaka, Viscount, 85
 Aristotle, 31, 165, 229
 Asia, 59, 66, 68, 230, 231
 Atomic Age, 85, 97
 atoms, 87, 89, 90, 92–94, 125, 126, 130
Australopithecus, 110, 111
 authority, x, 3, 6, 11, 13, 20, 27, 29–31, 37–39, 47, 48, 60, 64, 65, 74, 77, 105, 146, 194, 195, 210, 218, 224, 236, 239, 245, 247
 Azalís, 78
 Báb, the (Siyyid 'Alí-Muḥammad), 16, 17, 20, 21, 36, 38, 54, 61, 63, 75, 78, 81, 83, 134, 135, 138, 187, 198, 199, 201, 204, 205, 207, 211, 212, 217, 218, 239, 246, 250–52
 Bábís, 16, 18, 78, 135, 207, 268, 270

INDEX

271

- Bach, Marcus, 230, 251
- Badí', 54
- Baghdád, 17, 39, 75, 136, 195, 208, 241, 255
- Bahá'í community, 75, 147, 226, 229, 231, 233
- Bahá'í Faith, viii, xvi, xvii, 2, 12, 14, 16, 20, 21, 25, 39, 45, 48, 55, 67, 72, 76-8, 113, 135, 147, 152, 154, 155, 162, 173, 210, 211, 217, 218, 229, 231, 236, 241, 242, 245, 248, 251, 253, 254
- Bahá'u'lláh (Mírzá Husayn-'Alí),
character of,
claims of, 5-7, 22-6, 33-5, 158-9, 167, 189-91, 193-4, 196-8, 201, 207, 235-49
education of, 160-68
life of, 17-19, 160-68, 191, 205-11
knowledge of, 158-87
magnetic personality of, 192-8
power of writing, 219-26
prophecies of, *chapters* 4-6, 38-40, 132-8, 157
question of identity, 1, 7, 15, 28, 132, 159, 188, 163-4, 239, 249
skill with Arabic, 172-180
speed of writing, 180-86
teachings of, 8-15, 168-72
- Bahjí, 19, 210, 255
- Balkans, 45, 52
- Báqir-i-Shírází, Mírzá, 184
- Barney, Laura Clifford, 90, 250
- Beeston, A.F.L., 175, 266
- Bell, John S., 128
- Berlin Wall, 46
- Berlin, 43, 44, 46
- Bible, x, 37, 178, 198, 228, 232, 245, 248
- Big Bang, 91, 92, 94, 107
- Black Pit, 207, 209
- Bohr, Niels, 121, 127, 130
- Bolshevik Revolution, 66
- Book of Certitude, 95, 182, 225, 251
- Born, Max, 84, 119
- Britain, 47, 57
- Browne, E.G., 195, 196, 211, 250
- Buddha, 3, 4, 6, 25, 204, 227, 232, 247
- Buddhism, 2-4
- Buzurg, Mírzá, 205
calamity, 88, 147-50
- Caliphate, 39, 60-64, 240
- cancer, viii, 40, 104-6, 241
- Catholic, 62, 64
- Central Figures, 16, 38, 135, 187, 199, 201, 218
- centralization, 139
- certainty, 28-30, 50, 82, 139, 235
- character, 3, 19, 95, 97, 115, 121, 165, 186, 191,

- 272 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
- 196, 202, 203, 210, 211, court, world, 11
 218, 219, 226, 243 Covenant, 77, 142, 212
- Cheyne, T.K., 198, 210, creation, 22, 41, 69, 79, 90,
 267 107, 108, 145, 170
- China, 66, 160 criteria, 29, 30, 203
- Chirol, Sir Valentine, 160, Cuba, 66
 265 Cyrus, 160
- Christ, 3–4, 6, 23–5, 184, Darius, 160
 190, 202–4, 206, 211–2, Darwinism, 109
 216, 221, 227–8, 231–2, death, xii, 3, 14, 17, 18, 49,
 245, 247, 255 50, 53, 56, 62, 73, 78,
 Christianity, 2–4, 21, 62, 99, 122, 160, 207, 211,
 64, 203, 230, 231 225, 253
- civilization, 1, 2, 5, 6, 13, democracy, 140
 41, 83–5, 137, 142, Dickinson, Emily, 27
 158–60, 169, 179, 228, diversity, 10, 22, 90, 178,
 229, 233, 238, 244, 250 185, 229–31, 233
- Clarke, Arthur C., 104, 132
- Clouser, John, 130, 263
- Cold War, 66, 72, 157, 241
- collective security, 11, 41
- Colonialism, 139
- Commonwealth of Independent States, 68
- communism, 39, 64–7, 133, 240
- complementarity, 121
- compounds, 86, 87
- Comte, Auguste, 83
- Constantinople, 17, 18, 39, 51, 53, 240
- constitutional government, 39, 56, 57
- constitution, world, 11
- Constitutional Revolution, 56, 240
- Copernicus, 80
- copper, 86–8, 90, 94–7
- cosmos, 91, 98, 99, 107
- earth, 4, 9, 19–21, 24, 30, 31, 36, 38, 45, 59, 79–82, 85, 94, 96, 98, 99, 101–4, 107, 117, 138, 141–3, 145, 149, 151, 169, 190, 191, 201, 207, 221, 239, 241
- eclipse, 31, 60
- economy, 39, 65
- Eddington, Sir Arthur, 124
- education, 10, 11, 66, 74, 83, 119, 155, 161, 165–7, 170, 180, 186, 209, 238
- egalitarianism, 39, 65
- Einstein, Albert, 27, 117–21, 123, 127, 128, 165, 252
- Eldredge, Niles, 112

INDEX

273

- elements, 14, 40, 86–94, 97, 133, 151, 153, 241
- Emmanuel, King Victor, 61
- energy, 12, 85, 86, 89, 92, 93, 116, 118, 123, 126, 170, 190, 200, 220
- England, xiv, 43
- equality, 12, 67, 170, 202, 240
- ether, 40, 115–8, 120–6, 241
- Europe, 2, 20, 59, 63, 66, 68, 69, 200, 201
- Europe, Eastern, 66, 68
- evidence, xvi, 6–8, 26–8, 34, 37, 40, 91, 99, 101, 104–6, 110, 112, 116, 118, 132–4, 137, 138, 156, 172, 177, 180, 187, 193, 218, 219, 226, 235, 237–9, 244, 245, 247, 248
- evolution, 6, 90, 94, 95, 97, 100, 106, 108, 110–12, 140
- expanding universe, 91
- experiment, 67, 130, 226, 244
- farsightedness, 168, 186
- fascism, 139
- fission, 85, 89
- Fontenelle, Bernard de, 79
- fossil, 109–12, 133
- freedom, 61, 74, 79, 138–41, 143, 155, 201
- Fu'ád Páshá, 49
- fusion, 41, 85, 89, 93, 127, 170
- future, xiii, 3, 13, 14, 36, 37, 57, 60, 63, 68, 69, 75, 84, 104, 132, 136–8, 140, 144, 147, 148, 151–5, 158, 159, 169, 171, 172, 184, 186, 189, 201, 211, 238, 242, 245, 249, 252
- galaxies, 91, 98
- Gamow, George, 99
- Gardner, Martin, 123
- Genesis, viii, 23, 79, 97, 107
- Germany, 39, 43–6, 133, 199, 240
- Gobineau, Comte de, 198, 199
- God
- nature of, 22–4
 - and humanity, 23
 - and Manifestations, 23–5
 - method of creation, 107–8
 - sets moral standards, Voice of, 6, 81, 226
- gold, 86–8, 90, 94–7, 249
- Gospel, 47, 110, 222
- government, world, 41, 144, 145
- Guth, Alan, 91
- Ḥáfiḡ, 160
- Haifa, viii, 17, 19–21, 44, 45, 75, 191, 217, 250–53, 255
- Hawking, Stephen, 32, 92, 253
- Haydar-'Alí, Ḥájí Mírzá, 193, 197

- 274 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
- Heisenberg, Werner, 128, 129
- Herald, 16, 38, 88, 148, 149
- Hinduism, 2–4
- Hitti, Phillip K., 174
- Holocaust, 39, 68, 69, 90, 139, 240
- Holy Land, 44, 45, 68, 69
- Holy Spirit, 12
- Hubble, Edwin, 91
- humanity, xvi, 1, 4, 8, 10–13, 22, 23, 27, 40, 41, 70, 82, 84, 86, 110, 139, 150, 151, 169, 199, 205, 212, 234, 239, 241, 243
- Ḥusayn-'Alí, *see* Bahá'u'lláh
- hypotheses, 35, 134
- Ibn-i-Fárid, 177
- imitation, xvi, 9
- India, 42, 43, 155, 160, 230, 254
- infallibility, 24, 33, 238, 249
- inspiration, 29, 37, 159, 165, 173, 218
- interpreter, 20, 38, 146, 149, 187
- intuition, xv, 29–31, 37, 236
- investigation, 5–7, 9, 29, 34, 38, 51, 170, 236, 244, 248, 249
- Írán, *see* Persia
- 'Iráq, 17, 76, 162
- Islám, 2–4, 16, 21, 62, 63, 80, 162, 163, 173, 179, 240
- Islamic Revolution, 64, 154
- Israel, viii, 17, 18, 39, 68, 69, 133, 184, 203, 240
- Jamálu'd-Dín-i-Afghání, 55
- Jeans, Sir James, 124, 130
- Jesus, *see* Christ
- John XXIII, Pope, 169
- Jordan, Daniel C., 224
- Judaism, 2–4
- judgement, 6, 28, 37, 63, 133, 165, 188, 191, 208, 211, 237
- justice, viii, xiii, 5, 9, 20, 21, 23, 49, 50, 58, 71, 121, 138, 141, 144, 146, 147, 150, 153, 155, 180, 203, 204, 208, 220, 243, 250–52, 254, 255
- Kant, Immanuel, 99, 100
- Khayr'u'lláh, Ibráhím, 78
- Khayyám, 'Umar, 160
- King, Martin Luther, 71
- King, Rodney, 71
- Kingdom of God, 14, 143
- kings, 19, 40, 41, 58, 59, 61, 141, 157, 160, 195
- Kitáb-i-Aqdas*, 21, 52, 56, 152, 155, 251
- Kitáb-i-Íqán*, 95, 182, 251
- knowledge explosion, 81, 84
- Krishna, 3, 4, 6
- Ku Klux Klan, 70
- Kurdistan, 162, 177
- language, xi, 11, 37, 40, 50, 58, 136, 143, 170,

INDEX

275

- 173–6, 178, 179, 184,
185, 194, 243, 246, 252
- Laplace, Pierre-Simon de,
99, 100
- law, 2, 11, 62, 64, 77, 121,
156, 165, 203, 215, 216,
237
- League of Nations, 76
- Lederman, Leon, 123
- Lesser Peace, viii, 141,
144–7, 151, 152, 154
- liberty, 140, 141, 241
- life after death, 3, 14, 225
- light, 2, 6, 7, 12, 24, 37, 38,
40, 82, 86, 100, 101,
107, 108, 112–8,
120–25, 128, 133, 136,
143, 150, 153, 158, 159,
188, 192, 193, 198, 200,
208, 209, 213, 220, 237,
239
- Lord of Hosts, 4
- Lorentz, Hendrik, 117, 123
- Lovejoy, C. Owen, 111, 262
- Lowell, James Russell, 8
- Lucy, 110, 111
- Magellan, 31
- Manifestations, x, 6, 10,
12–13, 15–16, 18, 22–7,
36–8, 80, 134, 137,
148–50, 158–9, 164,
167, 187–91, 198–9,
202–4, 210–11, 215,
218–20, 227–8, 236,
238–9, 243, 246, 248
- Martin, Alfred W., 211, 268
- Martin, Douglas, 232
- Marx, Karl, 66
- Marxism, 68
- Master, the, 174, 215–7
- materialism, 10, 113, 148,
149, 152–4
- Mathews, Loulie Albee, 135
- maturity, 4, 8, 9, 84
- mechanical models, 112,
126
- Messenger, *see* Manifesta-
tion
- Messiah, 8
- metamorphosis, 9
- Michelson, A.A., 84, 117
- Mihdí, Mírzá, 18
- Milky Way, 98, 252
- miracles, 248
- Misner, Charles, 124, 263
- missing link, 109–12
- models, 30–32, 35, 92, 94,
99–101, 107, 109, 112,
126, 130, 178
- moderation, 84
- modernity, 168, 171, 242
- monarchy, 15, 39, 58–60,
62, 240
- Morley, Edward, 117
- Moses, 3, 25, 203, 247
- Most Great Peace, 41, 141,
144, 147, 148, 152
- Mount Carmel, 17, 19, 39,
73, 75, 217, 241
- Muḥammad VI, 53, 63
- Muḥammad, 16, 56, 62, 78,
80, 158, 179, 202, 227,
228, 232, 247, 253
- Muḥammad-‘Alí Sháh, 56
- Muḥammad-‘Alí, 56, 78
- mullás, 57
- Muzaffari‘d-Dín Sháh, 56

- 276 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
- Nabíl, 184, 253
- Napoleon, 38, 42, 43, 46,
133, 240
- Náṣiri'd-Dín Sháh, 39,
53–6, 73, 133, 240
- national sovereignty, 141
- nationalism, 3, 64, 67
- nature, 8, 9, 14, 22, 30, 40,
79, 80, 85, 90, 102, 105,
108, 109, 117, 118, 125,
126, 128, 130, 137, 148,
150, 158, 179, 180, 190,
201, 206, 225, 240, 241
- Navváb, 205
- Nazis, 39, 68, 69, 139, 240
- Neanderthals, 109
- neutron flux, 96
- Newton, Isaac, 113, 165
- Nicaragua, 66
- Nicolas, A.L.M., 212, 268
- observation, 29, 32, 33, 36,
37, 132, 236, 237, 246
- Old Testament, 37, 160,
221
- omniscience, 22, 37, 238
- oneness of mankind, 9, 153
- Origin of Species*, 106
- Ottoman Empire, 17, 18,
39, 48, 51, 62, 240
- Palestine, 8, 20, 69, 217
- Papacy, 60, 61, 240
- peace, viii, 2, 5, 10, 11, 19,
22, 40, 41, 44, 48, 58,
85, 139, 141–8, 150–54,
157, 169–71, 224, 225,
242, 250, 252, 253
- Persia (Írán), viii, 15–8, 39,
43, 45, 53–7, 59, 64,
154, 155, 160, 166, 173,
174, 179, 184, 197, 201,
238, 242
- Persian, viii, 1, 16, 17, 48,
51, 53, 54, 56, 62, 64,
91, 102, 104, 161, 166,
173, 174, 176, 177, 179,
184, 195, 197, 232, 240,
243, 250, 253
- Phelps, Myron H., 213, 253
- physics, xi, xiii, 40, 84, 97,
104, 112–7, 119, 122,
124–7, 129, 130, 133,
241, 252
- Piltdown Man, 110, 133
- Pius IX, Pope, 61, 170
- planets, 40, 94, 98–102,
106, 121, 241
- Popper, Karl, 32
- predictions, 31, 32, 36, 44,
71, 79, 100, 123, 130,
133–6, 138, 149, 156,
158, 168, 171, 188
- prejudice, 10, 30, 70, 153,
154, 166, 170, 186
- private property, 66, 67
- progress, 10, 23, 40, 72,
81–4, 112, 146, 157,
170, 227, 241
- Promised One, 4, 5, 16, 63,
78, 135, 205, 207, 232
- proof, v, 28, 88, 110, 112,
158, 180, 189, 191, 194,
218–20, 233, 243, 247,
266
- Prophet, *see* Manifestation
- Protestants, 62

INDEX

277

- Ptolemaic system, 80
- Qaṣīdiy-i-Tā'īyyih*, 177
- Qaṣīdiy-i-Varqā'īyyih*, 177, 179
- quantum, xi, 114, 121–3, 127, 129, 130, 133, 255
- Qur'ān, 80, 161, 173, 174, 178, 179, 222, 228
- Qājār dynasty, 56, 59
- racism, 67, 70–72, 153, 154
- reason, xv, xvi, 28–31, 33, 37, 51, 73, 96, 152, 154, 165, 173, 202, 203, 224, 235–7, 245, 248
- Redeemer, 5, 7, 207
- relativity, xi, 114, 117–24, 126, 133, 252
- religion, xi, xv, 2, 4, 9, 10, 12, 14–6, 21, 29, 33, 36, 41, 57, 65, 76–80, 82, 106, 113, 133, 143, 149, 170, 173, 187, 200, 202–4, 211, 226–8, 230, 235–8, 244, 248, 253
- Remey, Charles Mason, 78
- resurrection, 6
- revelation writing, 184–5
- Revelation, Divine, 12, 14, 28, 77, 95, 132, 168, 203, 219, 247
- Rhine, 44, 45
- Riḍā, 55, 195, 196
- Rubbia, Carlo, 79
- Rūḥu'llāh, 55
- Rúmí, 160
- Russia, 57, 64, 66, 67
- Sa'dí, 160
- schism, 39, 76, 77
- science, xi, 10, 29, 30, 32, 36, 79, 80, 83–5, 87, 90, 91, 93, 101, 102, 104, 106, 108, 128, 131, 152, 160, 164, 165, 170, 172, 187, 233, 237, 238, 253
- scientific method, 30, 32, 33, 37, 236, 237, 239
- Sears, William, 248
- Second Coming, 4, 232
- segregation, 72
- Semple, Robert, 230, 269
- sense perception, 29–31, 126, 130
- senses, 29, 114, 115
- Shírāz, 16, 211
- Shí'ih, 16, 62, 64, 75
- Shoghi Effendi, viii, 20, 36, 59, 65, 70, 72, 77, 78, 102, 132, 135, 136, 144–51, 153, 155, 163, 164, 177, 178, 225, 234, 236, 251, 253, 254
- Simonson, Lee, 83
- slaves, 46
- society, 3, 5, 9, 12–6, 41, 66, 141, 147, 149, 161, 166, 227, 249, 250
- Sohrab, Ahmad, 78
- Some Answered Questions*, 90, 107, 109, 118, 119, 250
- soul, 25, 95, 108, 113, 114, 195, 196, 212, 216, 221, 226, 243
- Soviet Union, 66, 68, 69, 140
- Space Age, 97

- 278 THE CHALLENGE OF BAHÁ'U'LLÁH
- space travel, 40, 102, 103, 121, 137, 156, 165, 169, 241 170, 185, 189, 201, 203, 208, 219, 221, 224, 226, 235, 236, 239, 246, 248, 249, 253
- spacecraft, 103
- spacetime, 120–24
- Stalinism, 139
- star formation, 40, 98
- subatomic particles, 93, 121, 125, 127
- Sulaymáníyyih, 162–4, 176
- Sultanate, 62–3
- Sunní, 62–4, 162, 163, 240
- supernova, 93, 94, 96, 100
- superstition, 10, 87, 160, 166, 172, 186
- Súriy-i-Haykal, 42, 82
- Súriy-i-Ra'ís, 49
- Tablet of Carmel, 75
- Tablets to the Kings, 40, 61, 157
- Taherzadeh, Adib, 261, 266
- Tattersall, Ian, 112
- Teilhard de Chardin, Pierre, 1
- theory, 31, 32, 35, 36, 80, 91, 94, 95, 100, 110, 117–24, 126, 128, 132, 133, 170, 196, 197, 203, 241
- Tolstoy, Leo, 8
- totalitarianism, 140
- Toynbee, Arnold, 229
- transformation, 5, 6, 8, 13, 59, 87, 95, 149, 224
- transmutation, 40, 86, 88, 89, 96, 97, 133, 241
- truth, xvi, 6, 9, 10, 15, 24, 26, 27, 29, 33, 37, 45, 47, 51, 53, 63, 76, 97, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251
- Tryon, Edward, 91
- tuberculosis, 104
- Turkey, 39, 48, 207, 240
- Turkish Empire, 17, 18, 53
- Twelfth Imám, 4, 62
- tyranny, 44, 52, 54, 139, 140, 149
- Ulysses solar probe, 103
- uncertainty principle, 128, 129
- unification, 9, 144, 151, 154, 157
- unified field theory, 122
- United Nations, 11
- unity, 10, 12, 22, 25, 41, 57, 63, 71, 76–8, 85, 143–5, 147, 150, 152, 154, 170, 224, 227, 231, 233, 234, 242
- upheavals, 36, 44, 58, 99, 150
- Varqá, 55
- Vatican, 61
- Victoria, Queen, 46, 47, 133
- wealth, 11, 17, 66, 67, 88
- Wheeler, John A., 122, 129
- Whitehead, Alfred North, 1
- Will and Testament, 20, 78, 251
- William I, Kaiser, 43, 46
- Williams, L. Pearce, 124

INDEX

279

- women, 10, 47, 48, 105,
160, 170, 171, 202, 207,
213, 232
- Word of God, 218–9,
220–22, 222, 226, 229,
233
- World War, 20, 45, 53, 63,
65, 70, 139, 149, 150,
152, 217
- Younghusband, Sir Francis,
212, 268
- Zoroaster, 3
- Zoroastrianism, 2–4